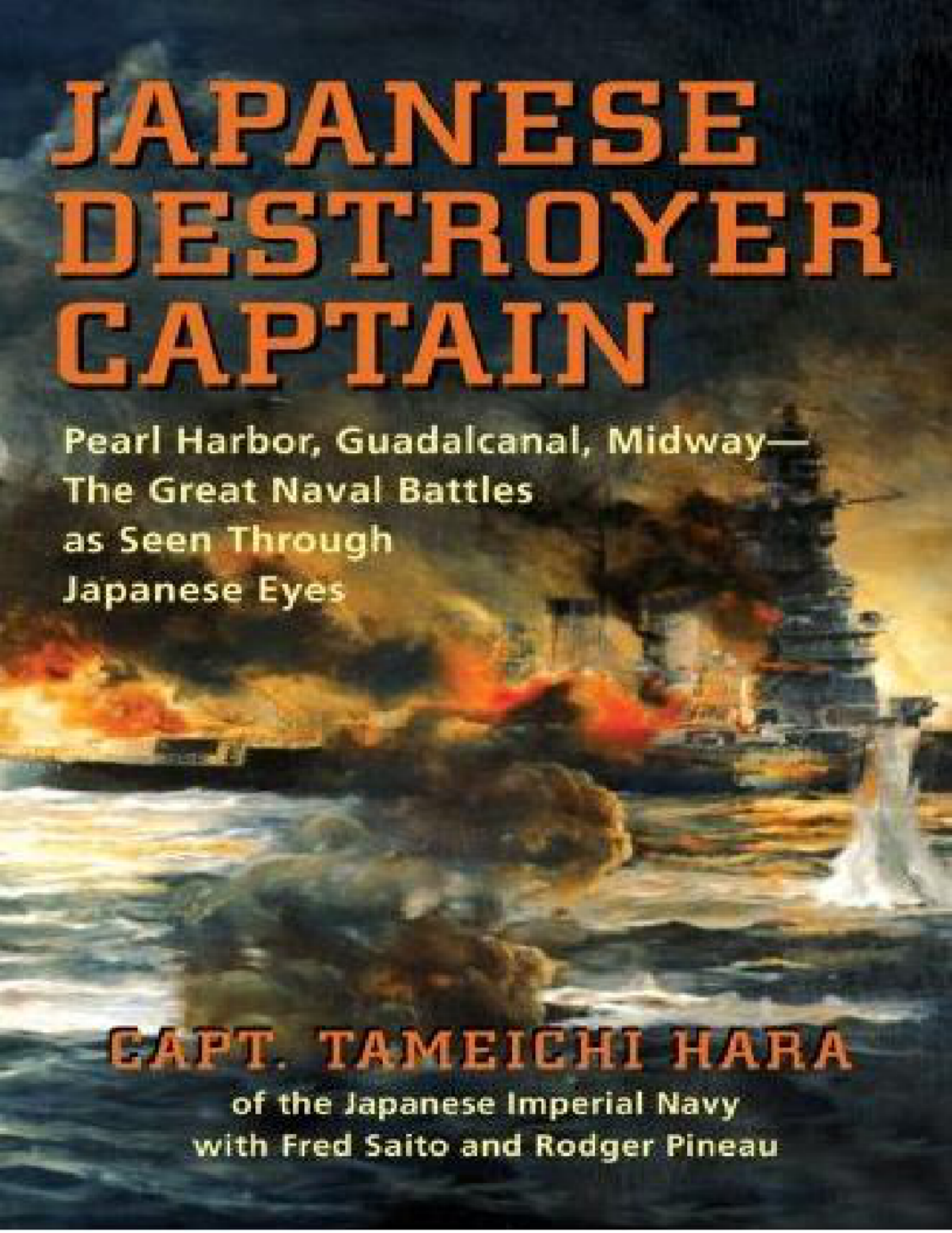
JAPANESE DESTROYER CAPTAIN

Pearl Harbor, Guadalcanal, Midway—
The Great Naval Battles
as Seen Through
Japanese Eyes



CAPT. TAMEICHI HARA
of the Japanese Imperial Navy
with Fred Saito and Rodger Pineau

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мемуары японского офицера, на протяжении всей войны прослужившего на эскадренных миноносцах (большую часть войны — капитан «Шигури»). Наибольший интерес представляют описания боев в Индонезии и у Соломоновых островов в 1942-1943 гг., а также последнего похода «Ямато» (Хара был капитаном крейсера «Яхаджи», сопровождавшего «Ямато» на тот свет). Книга... представляет собой «взгляд снизу» — с мостика корабля прикрытия — на проблемы военно-морской истории и стратегии. Большинство выводов, к которым приходит автор, отражают его «субъективное умонастроение» (как это обычно и свойственно мемуарной литературе).

- Тамеичи Хара. КОМАНДИР ЯПОНСКОГО ЭСМИНЦА
  - Глава 1. Рождение самурая
  - Глава 2. От Перл-Харбора до Гуадалканала
  - Глава 3. Токийский экспресс
  - Глава 4. Неравные бои
  - Глава 5. Последний поход

Тамеичи Хара. КОМАНДИР ЯПОНСКОГО ЭСМИНЦА

Глава 1. Рождение самурая

1

Закрывая глаза, я часто вижу моего деда — седовласого старика, сидящего в самурайской позе перед семейным алтарем, где на табличках вырезаны имена предков нашего клана Еричико Мацудайра из Такамацу. Эти ежедневные обряды, сопровождаемые длинными изречениями из Конфуция продолжались до тех пор, пока смертельная болезнь не поразила его.

Лежа на смертном одре в окружении всей семьи, дед позвал нас и попросил подойти поближе. Мать подвела меня к умирающему и вложила мою руку в его слабеющую ладонь. Пальцами другой руки дед сжимал рукоять своего драгоценного самурайского меча. С усилием он поднял меч и положил в мои маленькие ручонки, потом, с трудом откашлявшись, произнес: «Тамеи, этот меч отныне твой. Слушай теперь последние слова твоего дедушки». Он закрыл глаза, а затем с торжественностью в голосе продолжал: «Тамеичи Хара! Ты — сын самурая и никогда не должен об этом забывать. Образ жизни самурая таков, что он всегда должен быть готов к смерти. Пойми этот закон правильно. Быть готовым — это не значит искать легкой смерти. Бороться за жизнь до последнего и понимать, что смерть может оказаться рядом. К этому быть готовым я тебя призываю. В этом и состоит истинный дух Бусидо».

Я был тогда слишком мал, чтобы понять все сказанное дедом, но голос, которым умирающий обращался ко мне, произвел на меня незабываемое и почти мистическое воздействие. На следующий год я поступил в начальную школу и всегда был первым, что очень радовало моих родных. В результате я оказался единственный в семье, кому удалось получить образование. Моей мечтой было продолжить учение и получить высшее образование. Помышлять об университете или о колледже было немыслимо, так как расходы были бы не по карману моим родным. Я стал искать высшие учебные заведения, где обучающихся берут на полное государственное обеспечение. Такими в то время были педагогические институты и военные училища. Я ни на секунду не забывал, что был самураем, поэтому сомнений, куда поступать, у меня не было. Я все время помнил последние слова моего деда и понимал, что он, наверняка, одобрил бы мой выбор — карьеру военного.

В марте 1918 года, окончив школу в Такамацу, я подал документы в Военно-морское училище Эта-Дзиме (недалеко от Хиросимы).

Мой дед был кавалеристом, но у меня с детства было неосознанное влечение к флоту. Ведь район Такамацу был колыбелью японского флота, где зарождались и утвердились все его традиции. Внутреннее море имело для Японии то же значение, что и Эгейское — для древней Греции. На берегах Внутреннего моря развивалась и кипела вся жизнь древнего племени Ямато. Даже первое крупное морское сражение в истории страны произошло у берегов Такамацу в 1185 года. Морские силы, собранные у Такамацу, составили ядро флота в сражении при Данно-ура — величайшем морском сражении наших прадедов, зафиксированном древними японскими летописями.

В XIII веке, когда гигантский флот монгольского завоевателя Кублай Хана с двумя сотнями тысяч воинов на борту попытался вторгнуться в Японию с северного Кюсю, флот, собранный в Такамацу, снова сыграл важнейшую роль в уничтожении противника у побережья родной страны.

Знаменитый адмирал Мичиари Коно, родившийся вблизи Такамацу, стал, повествуют исторические хроники, именно тем японским воином, который в критический момент сражения 1281-го года обеспечил победу, захватив флагманский корабль монголов.

Конечно, мое желание посвятить себя морской службе подогревалось древней традицией провинции Такамацу.

В мае я отправился на пароходе в Хиросиму, совершив свое первое путешествие морем, чтобы попытать счастья на экзаменах в военно-морском училище.

В небольшом отеле на окраине города, в дешевом номере я испытал свою первую победу и на поде любви.

Молоденькая горничная отеля легко согласилась признать себя побежденной, но бессонная ночь, проведенная с ней, доставила мне больше чувства досады, чем удовольствия. Голова у меня гудела, все знания, казалось, улетучились вместе с моей невинностью, чувствовал я себя неуверенно и был убежден, что приемные экзамены провалил. В Такамацу я возвращался унылый и разочарованный, но скоро мне вручили телеграмму с извещением о приеме в военно-морское училище. От радости я пустился в пляс, выкрикивая «Банзай» и оглушая себя аплодисментами.

Училище Эта-Дзима — «Аннаполис Японии» — было пределом мечтаний и святыней для миллионов юношей

предвоенной Японии. Ежегодно несколько сот абитуриентов с прекрасными аттестатами об окончании средней школы и с не менее прекрасными рекомендациями проходили жестокие конкурсные экзамены и беспощадную систему отбора, чтобы оказаться среди небольшой группы счастливчиков — курсантов училища.

Эта-Дзима является островком, расположенным на громадном внутреннем рейде военно-морской базы в Куре (недалеко от Хиросимы), поэтому мы жили на этом острове в полной изоляции от всего остального мира.

Через три дня после начала занятий какой-то курсант, остановив меня на дорожке, ведущей в кубрик, по-хамски окрикнул и скомандовал: «Стой!» Когда я выполнил команду, он подошел ко мне вплотную и, кипя от злости, заорал: «Почему мне честь не отдал?» Я не знал, что ответить, так как даже не видел его, пока он меня не окликнул.

Пока я собирался оправдаться, он рявкнул: «Смирно! Я выбью из тебя разгильдяйство!» Его кулаки обрушились на мое лицо...

На следующее утро во время завтрака этот третьекурсник — наш ротный старшина — обнаружил, что форма на мне неправильно застегнута. И еще дюжина ударов обезобразила распухшее лицо новичка. На этот раз взбучка была гораздо сильнее чем накануне. Весь день в голове гудело, а в ушах позванивали печальные колокольчики.

Но подобное обхождение считалось еще гуманным. Обычно первокурсников наказывали так: весь взвод становился в шеренгу, провинившийся, подняв голову, шел вдоль строя и от каждого курсанта получал тычок в лицо или по шее. Буквально все прошли через эту уникальную систему укрепления дисциплины, не знавшую никаких поблажек. Вставали мы в половине шестого под звуки горнов, игравших побудку. Без всякого перерыва на отдых шли занятия в классах, строевая подготовка, продолжавшиеся до самого отбоя в 21:00.

К концу первого года обучения постепенно служба наладилась, прекратились и избиения.

Наиболее выдающейся фигурой из моих сокурсников был Ко Нагасава. Красивый и статный уроженец северной Японии удивительно легко выносил спартанскую дисциплину. Он постоянно удивлял меня, когда после побоев находил в себе силы даже острить, смакуя лиловый цвет синяка или форму опухоли под глазом. Позднее он служил на различных командных и штабных должностях, пережил Тихоокеанскую войну, а в 1954-м году поступил служить в новый флот Японии, став в 1956-м году его главнокомандующим.

Жестокие нравы училища почти три года держали меня в состоянии то нервного стресса, то депрессии. И только на последнем курсе появился некоторый проблеск — он был связан с личностью нового начальника училища — вице-адмирала Кантаро Судзуки, которого я без натяжки считал по-настоящему великим человеком.

Через два дня после вступления в должность начальника училища адмирал Судзуки собрал совещание инструкторов и преподавателей, на котором, полыхая от гнева, строжайше запретил применять к курсантам какие-либо меры физического воздействия. «Училище должно выпускать офицеров флота, а не баранов!» — заявил он.

Адмирал Судзуки провел в училище самые радикальные реформы, значительно повысив интерес курсантов к службе и учебе. По моему мнению, он должен был появиться в Эта-Дзиме гораздо раньше. Но он был слишком большим человеком не только для училища, но и для всего императорского флота. Уйдя сравнительно рано в отставку, адмирал стал министром императорского двора, а чуть позже — в 1945-м году — премьер-министром Японии — последним главой императорского правительства.

После его ухода из училища целая плеяда адмиралов-посредственников постепенно свела к нулю все результаты реформ Судзуки.

Мое поступление в училище по времени совпало с окончанием Первой мировой войны, а 16 июня 1921 года я закончил училище сороковым из ста пятидесяти его выпускников.

В июне 1922 года мне пришлось побывать во Владивостоке. Гавань и сопки напомнили мне окрестности Нагасаки. На этом сходство с Нагасаки прекращалось. Условия, в которых жили русские, были просто ужасающими. То, что мне пришлось увидеть во Владивостоке, было в столь разительном контрасте с увиденным в других городах разных стран, что я был до глубины души потрясен и шокирован. Я понял, что самое страшное для любой нации — это проиграть войну. Конечно, и в мыслях не было, что через 23 года Японию постигнет та же печальная судьба, что и Россию. Благодарение Богу, что за войной не последовала революция.

После Владивостока мы направились в Одомари — порт на самом юге Сахалина, захваченный у России в ходе войны 1904-05 годов.

Командовал «Касугой» капитан 1-го ранга Мицумаса Ионаи, ставший вторым после адмирала Судзуки человеком, оказавшим на меня огромное влияние, хотя между ним и Судзуки не было

ничего общего. Судзуки был жестким, суровым и по-военному прямым человеком. Капитан Ионаи был более мягким и менее открытым. В те годы ему было чуть за сорок. Он как бы сошел со старинной гравюры: высокий, энергичный и красивый моряк.

Мы, молодые офицеры, поначалу были очень удивлены, заметив, что в свободное время командир нисколько не тяготится нашим обществом. Как-то он предложил желающим побороться с ним. Недавно выпущенные из училища, где нас усиленно тренировали всем премудростям дзюдо, мы полагали себя великими мастерами этого вида борьбы. Однако, ни одному из нас не удалось победить командира.

Во время службы на крейсере «Касуга» мне впервые в жизни пришлось побывать на банкете, который дали в нашу честь мэр города и командир военно-морской базы, где мы встали на якорь.

В японском застолье существует так называемый обычай «сухой чашки». Суть его заключается в следующем: если вы хотите высказать кому-то симпатию и уважение, то наливаете полную чашку саке и подносите ее вашему избраннику. Тот, выражая свое уважение вам, выпивает чашку до дна, ополаскивает водой, наполняет саке и в свою очередь подносит вам. По-японски этот обычай называется «кампай».

Я наблюдал, как примерно 40-50 человек, присутствующих за столом, пили «кампай» с капитаном 1-го ранга Ионаи. Он никому не отказывал, ибо нет хуже обиды, чем отказ в «кампае». Когда большинство присутствующих уже с трудом держались на ногах, а некоторые лежали на полу, капитан Ионаи был спокоен и трезв, хотя и выпил саке больше, чем все другие, вместе взятые. Как выяснилось позднее, все оказалось очень просто — до своего назначения на крейсер Ионаи был военно-морским атташе в Москве и натренировался там не только разговаривать по-русски, но и пить водку.

К несчастью для Японии капитан 1-го ранга Ионаи сравнительно мало служил на кораблях, больше проводя времени в штабах различного уровня.

В Японии помнят эпизод, как командующий Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото в 1941 году, желая лично возглавить соединение для удара по Перл-Харбору, предложил передать пост командующего адмиралу Ионаи. К сожалению, Ионаи отказался, но я считаю, что он во всех отношениях на этом посту был бы не хуже, если не лучше Ямамото.

30 марта 1923 года моя служба на крейсере «Касуга» закончилась. Еще во время похода я понял, что мне нужно много учиться, чтобы стать таким же классным офицером, как капитан Ионаи. Поэтому сразу после возвращения в Японию я попросил

направить меня в школу для переподготовки офицеров-специалистов. Моя просьба была удовлетворена, и с апреля по март следующего года я прошел ускоренную переподготовку в торпедно-артиллерийских классах на военно-морской базе Йокосуки.

Конец года, совпавший с окончанием теоретических занятий в классах, заставил меня снова поразмышлять о своей будущей карьере. Прохождение службы японскими морскими офицерами двадцатых годов подчинялось нескольким неукоснительным правилам. На штабную работу направлялись офицеры, обнаружившие отличные знания в училище и в офицерских классах. Затем они продолжали образование в Штабном Колледже.

К этой группе принадлежали Ямамото и Ионаи. Офицеры с более скромными показателями в учебе направлялись на линейные корабли и крейсеры. Те, что были ближе к «середнячкам», обычно направлялись на эсминцы, а сами «середнячки» почему-то всегда шли на подводные лодки, пройдя после училища краткий курс специальной подготовки. Тех, что учились совсем плохо, либо убеждали добровольно идти в авиацию, либо распределяли по вспомогательным судам.

Сейчас может показаться абсурдом, что самых нерадивых посылали в авиацию и на подводные лодки. Разумеется, через 15 лет порядок полностью изменился: в авиацию и в подводники стали направлять лучших из лучших. Один из наиболее известных командиров японской морской авиации в годы войны вице-адмирал Такидзиро Ониси, например, провалил приемные экзамены в Штабной Колледж. Я тоже провалил эти экзамены, и таким образом «обеспечил» себе место службы на эскадренных миноносцах.

После окончания курсов я получил назначение на эсминец, но когда узнал его название, чуть не заплакал от жалости к самому себе.

Моим новым кораблем стал «Хатцюки» — устаревший миноносец низшего разряда водоизмещением 381 тонна, служивший к этому времени уже больше двадцати лет. По современным меркам его и миноносцем-то назвать было нельзя. Правда, он еще выжимал из своих машин 29 узлов — на 10 узлов больше, чем крейсер «Касуга».

«Хатцюки» базировался на Порт-Артуре. Эта база на южном побережье Квантунского полуострова использовалась для защиты государственных интересов Японии в Манчжурии и Северном Китае.

Целый год мы крейсировали вдоль берегов Квантунского

полуострова, заходя время от времени в Инкоу и Тендзинь.

В декабре 1924 года я был произведен в старшие лейтенанты и переведен на эсминец «Синае» — корабль водоизмещением 1000 тонн. Служба на нем мало отличалась от службы на «Хатцюки». В течение года мы крейсировали у побережья Манчжурии и Северного Китая.

Наконец, в декабре 1925 года я был назначен штурманом на эскадренный миноносец «Амацукадзе» — корабль первой линии водоизмещением 1300 тонн. Прошло семь лет после поступления в училище. Я уже не был больше желторотым учеником, теперь я — настоящий морской офицер на прекрасном боевом корабле, способном развить скорость 37,5 узлов. Я был преисполнен гордости и восторга, считая, что самое худшее в моей жизни уже позади. Я не мог предвидеть тогда, как жестоко я ошибался.

Названия японских военных кораблей странно звучат для иностранца. В годы войны на Тихом океане наши противники называли японские корабли просто «Мару». Это было в корне неверно, поскольку военные корабли, да и все прочие, принадлежащие правительству, не имеют приставки «Мару». «Мару» всегда означало и означает поныне, что судно является торговым или рыболовным. В японском флоте, как во флотах всех других стран, существует правило присваивать каждому конкретному классу боевых кораблей одну категорию названий. Это значит, что по названию можно определить, к какому классу принадлежит корабль, — является ли он линкором, крейсером, эсминцем и т.д.

Мое назначение на эскадренный миноносец «Амацукадзе» позволило мне, наконец, снова оказаться в родных с детства местах — первый раз за всю службу после производства в офицеры.

До этого времени я жил в условиях жесточайшего режима не имея ни секунды свободного времени для отдыха или каких-либо развлечений. Мне было уже 26 лет, и я занимал должность штурмана новейшего эскадренного миноносца. Мое месячное жалованье составляло 75 иен (37,5 долларов), что для тех дней являлось весьма солидной суммой. Именно тогда я впервые сообразил, что мне впервые предоставляется шанс насладиться всеми удовольствиями молодости.

Однажды вечером в одну из пятниц я и два других (офицера решили провести время в уютном ресторанчике Ива окраине Куре. Мы вызвали трех гейш, каждая стоила иену в час. Они пели и танцевали для нас, следили за полнотой наших чаш и температурой подогретого саке, Оживленно щебетали, создавая за столом волнующую и радостную атмосферу.

Время, разумеется, пролетело мгновенно. К 23:00 нам нужно было возвращаться на корабль. Когда мы уходили, одна из гейш шепнула мне: «Лейтенант, приходите завтра вечером один и вызовите меня снова. Меня зовут Утамару. Пожалуйста, запомните». Эта миловидная гейша была самой молодой и хорошенькой из трех. Я взглянул в ее влажные глаза и кивнул.

Вечером следующего дня я пришел в этот ресторанчик один и вызвал Утамару. Она грациозно танцевала и пела прекрасные песни, ее голос напоминал перезвон хрустальных колокольчиков. Я опустошил несколько чашек саке и был сильно навеселе, но не слишком по этому поводу беспокоился. Впереди было 24 часа, и вся ночь принадлежала мне.

Мой ресторанный счет, включая и ее услуги, составил 10 иен. Через два дня я пришел туда снова, уже ощущая себя серьезно влюбленным. В течение двух недель я прокутил все свое месячное жалование.

Узнав об этом, Утамару встревожилась: «Ты не должен отчаиваться. Сними какую-нибудь скромную комнату в городе, куда бы я могла приходить, и тебе не придется тратить деньги».

Я последовал этому совету на следующий месяц, когда эсминец вернулся в Куре из обычного учебного плавания. Сняв комнату, я пришел снова в этот ресторан, вызвал Утамару и сообщил, что «береговая база» готова. Честно говоря, я очень сомневался, что она придет ко мне.

Однако, к моему великому удивлению и радости, Утамару появилась в снятой мною комнате уже на следующий вечер. Не было ничего чудеснее, чем остаться с ней наедине. Все остальное казалось совершенно ничего не значащим. В самом деле, я ведь даже не знал, какую огромную жертву принесла Утамару, чтобы прийти сегодня ко мне. Я полагал, что она просто отказалась ради меня от своего обычного вечернего заработка, и дал ей пять иен, чтобы не вводить ее в лишние долги. В действительности же хозяин заявил ей, что если она собирается обслуживать какого-то заказчика вне ресторана, то плата должна быть двойной, то есть две иены в час. Не желая говорить мне об этом, она доплачивала разницу из собственного кармана, и в результате наших свиданий ее долг хозяину рос как снежный ком.

Я ничего не знал об ее отчаянной ситуации, а вскоре начались неприятности и у меня самого. Каждый месяц я тратил свое жалованье до последней монетки, ни о чем особенно не беспокоясь. Я был молод, любил прекрасную девушку и пользовался всеми радостями, которые людям предоставляет молодость.

Как-то октябрьским вечером 1926 года я собрался сойти на

берег, но рассыльный неожиданно доложил, что меня вызывает к себе командир эсминца. Когда я прибыл в его каюту, командир бросил на меня такой взгляд, что у меня по спине пробежали мурашки.

«Лейтенант Хара! — сказал он. — Присядьте. У меня к вам серьезный разговор».

Я сел, недоумевая, что за серьезный разговор он хочет со мной вести.

«Вы уже достаточно давно служите, — начал командир, — и, конечно, понимаете, что у нас, на эсминцах, в отличие от крупных кораблей, мы все живем одной семьей. Поэтому я, как командир, должен быть знаком и с вашими личными проблемами, чтобы вовремя дать нужный совет. Вы согласны с этим?»

«Конечно, командир», — отвечал я.

«Хорошо, — продолжал он. — Я не собираюсь вмешиваться в вашу личную жизнь. Вы молоды, не женаты и имеете право наслаждаться своей молодостью. Но вам не кажется, что вы зашли слишком далеко?»

«В чем?» — не понял я.

«В ваших отношениях с гейшей, — пояснил командир. — Я никогда не имел ничего против, если мои офицеры время от времени посещали гейш. И сейчас ничего не имею против. Но жить с гейшей — это уже слишком! Немедленно прекратить! Сколько вам сейчас лет?»

«16 числа будет двадцать шесть», — пробормотал я.

«Почему вы до сих пор не женаты? Вы ведь жених хоть куда! Тысячи самых респектабельных семей почли бы за честь иметь такого зятя, как вы!»

«Конечно, командир, — уныло ответил я. — Но мне кажется, что жизнь младшего офицера не очень приспособлена для брака. Я даже никогда об этом серьезно не помышлял».

«Вы собираетесь и дальше жить с гейшей?» — спросил командир.

«Да, — промямлил я. — Собираюсь».

«Идиот! — Заорал командир. — Никак не думал, что имею дело со слабоумным! Вы, что, рехнулись? Или не понимаете, что вас вышвырнут с флота за сожительство с гейшей? Или вы полагаете, что у нас, в Императорском флоте, терпят такие вещи?»

«Простите, господин капитан 3 ранга, — попытался возразить я, — но моя Утамару, поверьте мне, девушка с хорошей репутацией. Если запрещено с ней сожительство, то я буду просить разрешения жениться на ней».

«Такого разрешения вам никто не даст, а карьеру свою вы

погубите окончательно, — отрезал командир. — Вам, наверное, будет интересно узнать, что я получил письмо от хозяина вашей гейши. Вы хотя бы знаете, что из-за вашего легкомыслия эта девушка задолжала заведению уже 2000 иен? Офицер не может вести себя подобным образом! Или меняйте свой образ жизни, или уходите с флота! Мне противно даже с вами разговаривать! Убирайтесь!»

Я выскочил из его каюты потрясенным до глубины души, впав немедленно в состояние глубочайшей депрессии и совершенно не представляя, что делать. Как я ни ломал голову, решить проблему мне было не по силам. Кроме того, нужно было срочно достать денег, чтобы покрыть долг Утамару. Наконец, я решил обратиться за советом и помощью к своим братьям.

Братья ответили быстро, и их резкие письма показали, что они возмущены моим поведением не меньше, чем командир. Но, тем не менее, каждый прислал мне по несколько сотен иен. В сопровождающих письмах каждый добавил, что рассчитывать на большее в деле «ликвидации последствий моей постыдной жизни» я не имею права. Оба предупредили, что отрекутся от меня, если я раз и навсегда не прекращу свое аморальное поведение.

Наиболее трудной частью этой печальной истории, естественно, был мой последний разговор с Утамару. Она была совершенно спокойна и на прощание сказала:

«Я никогда даже и не мечтала стать невестой или женой морского офицера. Я подчинялась только своим желаниям и чувствам и одна отвечаю за все, включая и то, что влезла в такой долг. И те несколько месяцев, что мы были вместе, навсегда останутся самыми счастливыми в моей жизни».

1 декабря 1926 года я был произведен в капитан-лейтенанты и направлен на курсы командиров эскадренных миноносцев. На эти курсы отбирали тех офицеров, которые по результатам предшествующей службы могли выполнять роль командира.

Курсы находились в Йокосуки, примерно в 300 милях от Куре, и я был рад отправиться туда, так как очень нуждался в перемене обстановки и всей окружающей атмосферы.

В это время начала резко обостряться обстановка в континентальном Китае из-за соперничества между двумя воинственными китайскими генералами: Чан-Кай-ши на юге страны и Чан-Со-линя на севере.

В 1927 году силы Чан-Кай-ши добились заметного успеха, захватив 24 марта Нанкин, но совершив при этом крупную ошибку. Войска Чан-Кай-ши разгромили иностранные консульства и устроили настоящую резню японцев, англичан,

американцев и французов.

В мае 1927 года Япония высадила войска на Шентуньском полуострове в Северном Китае, чтобы предотвратить возникновение подобных инцидентов. Однако, это только подогрело антияпонские настроения в Китае.

В это время, окончив курсы, я был назначен командиром минно-торпедной боевой части эсминца «Сусуки» («Степная трава»). На этой должности я прослужил дольше, чем на предыдущих — целых два года.

В конце 1928 года, когда мы стояли в Кобе, я встретился со своим братом Сакуро, который стал убеждать меня поскорее жениться. Я отшучивался, говоря: «Ты же меня хорошо знаешь! Ну какой из меня сейчас жених?». Он серьезно ответил: «Разреши мне подобрать для тебя невесту». Я был уверен, что у него ничего не получится, поэтому легко согласился. Однако, примерно через месяц я получил от брата письмо, в которое была вложена фотография молодой девушки и написано несколько строк, где брат рекомендовал мне ее как самую подходящую для меня невесту.

Девушку звали Чизу Асаяма. Ей исполнилось 22 года. Она была приемной дочерью крупнейшего в Японии фабриканта по выделке кож и производству кожаных изделий. Фото убедило меня, что девушка была очень красива. Брат добавил, что она также была и хорошо образована, закончив высшую школу Очанамицу в Токио. В письме было отмечено и богатое приданое, которое давали родители за невесту — пять больших домов в Камаруке — первоклассном курорте около Йокосуки.

Все это было мне не совсем понятно. Почему столь красивая, богатая, образованная девушка решила выбрать мужем меня — простого морского офицера, не имеющего за душой ничего, кроме униформы и довольно среднего жалованья? Меня мучили подозрения. Дело дошло до того, что я показал письмо своему верному вестовому и попросил высказать свое мнение.

Матрос прочел письмо, выслушал мои сомнения и, понизив голос, сказал: «Хара-сан, у меня брат работает детективом в полиции. Если вы не против, он все про нее выведает».

Я согласился, и месяц спустя, брат моего вестового представил всю подноготную моей будущей жены. В заключении уверенно говорилось, что госпожа Асаяма безупречна во всех отношениях.

Впервые мы встретились в начале марта 1929 года. Наша беседа длилась около часа. Присутствовали родители с обеих сторон, поскольку первая встреча считалась чрезвычайно важной.

На следующий день я известил ее семью о своем согласии на

брак. Сразу же после церемонии брака мы совершили «медовое» путешествие. Его длительность составляла одни сутки.

На следующий день я вернулся в Йокосуки один. Моя молодая жена сошла в Ойсо — курортном городке между Атами и Йокосуки, где жили ее приемные родители. Затем у меня началась странная семейная жизнь, когда мне удавалось увидеться с женой один раз в течение нескольких месяцев.

Спустя полгода я был переведен на эсминец «Акикадзе» («Осенний ветер»). Это был новый эсминец водоизмещением 1500 тонн. Я прослужил на нем командиром минно-торпедной боевой части в течение целого года.

8 ноября 1930 года моя жена подарила мне первую дочку, которую назвали Еку. Через месяц после этого я был назначен командиром минно-торпедной боевой части на эсминец «Фубуки». В течение года службы на этом корабле я познакомился, и даже подружился еще с одним, незабываемым для меня человеком. Этим человеком был командир нашей эскадры капитан 1-го ранга Чуичи Нагумо.

Когда я учился в офицерских классах в Йокосуки, капитан 1-го ранга Нагумо был там преподавателем. Он тогда только что вернулся из Соединенных Штатов, где проходил годичную стажировку.

В те дни я вряд ли мог себе представить, что Нагумо, став уже вице-адмиралом, будет командовать огромным авианосным соединением нашего флота во время нанесения ударов по Перл-Харбору и Мидуэю. После катастрофы у Мидуэя карьера Нагумо практически закончилась, и его действия критиковали все, кто мог. Но в моей памяти он навсегда останется блестящим и агрессивным морским офицером и в то же время добрым и сердечным человеком.

.Несмотря на помощь капитана 1-го ранга Нагумо, мне не удалось выдержать приемных экзаменов в Штабной Колледж. Вместо этого я был назначен в этот колледж... преподавателем. Это произошло в сентябре 1932 года.

Три года после женитьбы я работал над одним очень интересным проектом. Кое-кто об этом знал, но в общих чертах, потому что в подробности я никого не посвящал. Мне пришлось выполнить тысячи сложнейших расчетов и вычислений, и в итоге удалось математически доказать полную несостоятельность доктрины применения торпедного оружия, принятой в Императорском флоте.

В результате я создал новое наставление. Когда я обнародовал свои результаты, это вызвало настоящую сенсацию в Императорском флоте.

Я горжусь созданной мною новой доктриной использования торпедного оружия больше, чем всеми другими достижениями в течение моей долгой службы на флоте, включая и мои действия в годы Второй мировой войны.

Подробно мою теорию очень трудно объяснить, не используя аппарат математики. Очень упрощенно ее, однако, можно рассказать.

В течение многого времени я изучал торпедное оружие и тренировался в его использовании почти с религиозным фанатизмом. Почти три года моей Библией было наставление по использованию торпедного оружия. Практически каждую неделю наш дивизион выходил на учебные стрельбы. После трех лет интенсивной практики я стал сильно сомневаться в своих способностях, так как поразить цель учебной торпедой мне удавалось крайне редко.

Поначалу я винил в этом свою собственную некомпетентность и постоянно работал над совершенствованием своих теоретических и практических знаний. Я уже мог, лишь глянув в бинокль, точно определить расстояние до цели и ее скорость. Проверяя эти данные по приборам, я убеждался в том, что не ошибся, но количество попаданий от этого не увеличивалось. Тогда и возникли сомнения в правильности доктрины использования торпед.

Так началась моя работа по пересмотру всех компонентов торпедного залпа. По мере продолжения своих исследований я проверял их на учебных стрельбах и убедился, насколько выше становится результативность попаданий. В итоге я получил репутацию самого меткого «торпедника» во всем флоте. Капитан 1-го ранга Нагумо заинтересовался моими опытами, поддержал меня и своим авторитетом добился, чтобы новая теория была принята командованием в 1932 году.

Мое наставление революционизировало всю торпедную доктрину флота. В течение одного года после внедрения нового наставления все показатели результатов стрельб на флоте значительно улучшились.

Все это совпало с появлением новых прекрасных, быстроходных эсминцев, которыми гордился весь флот. Нам больше не приходилось беспокоиться о численном превосходстве американцев, настолько наша материальная часть была лучше и эффективнее. Так мы считали, не учитывая, конечно, многих, не известных нам тогда, фактов. Мы не учитывали, в частности, секретных разработок американцами новых видов электронного оружия, а равным образом — растущей воздушной мощи Соединенных Штатов. А это были решающие факторы,

повлиявшие на исход Второй мировой войны.

15 ноября 1933 года я был произведен в капитаны 3-го ранга. К этому времени я был уже отцом двух дочерей. Прошло уже 12 лет после моего выпуска из училища, и я, наконец, почувствовал себя настоящим офицером флота.

Период с 1931 по 1937 годы был для Японии временем постоянных внешних конфликтов и внутренних потрясений, которые в итоге и вылились в войну на Тихом океане. Мне, конечно, трудно правильно оценить весь этот фатальный процесс сползания к крупной войне, поскольку я был занят своей службой и много времени находился практически в изоляции на борту корабля.

Тем не менее я могу коротко описать основные события, которые, шаг за шагом, вели Японию по дороге к большой войне.

18 сентября 1931 года японская армия была втянута в инцидент с войсками Чан-Кай-ши вблизи Мукдена. Война тут же распространилась на всю Манчжурию.

15 мая 1932 года примерно два десятка молодых офицеров армии и флота ворвались в резиденцию консервативного премьер-министра Тсуеши Инукаи и убили его.

В марте 1933 года Япония вышла из Лиги Наций, когда этот орган обвинил нашу страну в агрессии против Манчжурии.

В декабре 1934 года Япония уведомила США и Англию в денонсации соглашения по ограничению военно-морских вооружений.

В августе 1935 года крайне правый экстремист подполковник Сабуро Айдзава ворвался в кабинет начальника одного из управлений военного министерства генерал-лейтенанта Тецудзана Нагата и зарубил его мечом.

26 февраля 1936 года группа безответственных офицеров из первой гвардейской дивизии предприняла попытку совершить военный переворот.

Я к тому времени получил под командование свой первый эсминец. Затем, в 1934-35 годах мне пришлось побывать даже судьей военно-морского суда, что дало мне возможность изучить законы и основы юриспруденции. А во время мятежа я снова находился в строю, командуя эсминцем «Нагацуки» («Полная Луна»)...

7 июля 19377 года начался так называемый Китайский Инцидент, произошедший на мосту Марко Поло вблизи Пекина. Армия пыталась локализовать конфликт, но острые антияпонские настроения среди китайцев сразу же распространили его и на несколько других районов.

23 августа того же года я получил свое первое крещение

огнем при самых невероятных для командира эсминца обстоятельствах.

Орды Чан-кай-ши вели наступление на Шанхай, где жили тысячи граждан Японии. Для защиты их жизни и имущества в городе находилась бригада японской морской пехоты. Морские пехотинцы доблестно сражались против значительно превосходящих сил противника, но их силы таяли. Тогда последовал приказ на четырех эсминцах доставить в Шанхай из Нагой армейские подразделения.

К этому времени я получил в командование эсминец «Амагири» («Небесная Дымка»). Это был корабль самого последнего проекта водоизмещением 2370 тонн.

«Амагири» принял на борт около 300 вооруженных до зубов солдат. Ими, как сардинами в банке, были надбиты все свободные площади эсминца. Под покровом ночи отряд из четырех эсминцев выскользнул из Нагой и за двое суток покрыл расстояние в 1000 миль до Шанхая.

Под прикрытием темноты мы проникли в Шанхайский порт и поставили эсминец у стенки железнодорожного причала в Вусунге. Солдаты быстро и бесшумно перебрались с палубы на стенку. Неожиданно с верхних этажей затемненного здания, находящегося примерно в 50 метрах от причала, ударили пулеметные очереди. Шесть 127 мм орудий «Амагири» яростно грохнули в ответ по невидимому противнику.

Хотя нам и не удалось добиться полной внезапности, высадка десанта позволила отбросить китайцев от японского квартала. В ноябре я привел «Амагири» обратно в Японию и через месяц был назначен командиром только что построенного новейшего эсминца «Ямагумо». Пока на суше шли бои, я продолжал крейсеровать в китайских водах, пытаясь по скупым сообщениям прессы следить за обстановкой в мире.

В середине 1938 года состоялась конференция в Мюнхене. В Европе росла мощь Адольфа Гитлера.

В ноябре я был произведен в капитаны 2-го ранга, но до марта 1939 года продолжал выполнять скучные и монотонные задачи по блокаде китайских вод.

3 сентября 1939 года в Европе вспыхнула Вторая мировая война, а Японию продолжали потрясать правительственные кризисы. В январе кабинет возглавил мой бывший командир, столь почитаемый мною Мицумаса Ионаи. Ионаи был убежден, что если Япония присоединится к странам Оси, она будет втянута в тотальную войну. Он прилагал титанические условия, чтобы противостоять заключению знаменитого Тройственного пакта.

Однако потерявшие голову армейские генералы были твердо

уверены, что страны Оси вскоре выиграют войну, и вся добыча будет поделена между Германией и Италией. Увидев, что им никак не удается побудить Ионае присоединиться к странам Оси, они просто решили свалить его кабинет, вынудив подать в отставку военного министра. По старой японской конституции военным министром мог быть только генерал действительной службы. И когда в середине 1940 года ушел в отставку генерал Шунроку Хата, ни один генерал не принял предложение Ионаи занять этот пост. Таким образом, 21 июля 1940 года пал и кабинет Ионаи.

В сентябре 1940 года новый кабинет, возглавляемый принцем Коноэ, заключил Тройственный Пакт с Германией и Италией. В течение целого года принц Коноэ мужественно боролся с агрессивным шовинизмом армейских генералов и американским экономическим давлением. Но генералам удалось свалить и кабинет принца, вынудив его уйти в отставку в октябре 1941 года.

Глава 2. От Перл-Харбора до Гуадалканала

1

День 9 октября 1941 года навсегда остался в моей памяти. В этот день на рейде Хиросимы собралось более 200 боевых кораблей японского Объединенного флота. До этого почти не было случаев, чтобы весь Объединенный флот собирался в одном месте.

В это время я был командиром новейшего эскадренного миноносца «Амацукадзэ» («Штормовой ветер») водоизмещением 2500 тонн, который накануне вошел в строй 2-й эскадры эсминцев 2-го флота. Четыре однотипных с ним новейших эсминца входили в состав 16-го дивизиона второй эскадры.

Стоял прекрасный осенний день. Боевые корабли всех классов и типов грациозно стояли на якорях, отражаясь в зеркальной поверхности нежно-голубых вод бухты, и были сравнимы в своей строгости со сверкающими снежными вершинами гор, окружающими рейд. Стаи чаек с громкими криками носились в небе, нарушая тишину и покой, царящие над кораблями.

В 9.00 на мачте флагманского линкора «Нагато» пополз вверх трехфлажный сигнал, на который мгновенно нацелились бинокли вахтенных офицеров и сигнальщиков со всех кораблей. Сигнал был весьма необычным: «Всем командирам кораблей прибыть на флагман». На всех кораблях стали спешно готовить к спуску командирские катера и вельботы.

Через несколько минут мой моторный катер уже спешил к «Нагато». Ко времени моего прибытия обширный ют линкора уже был заполнен почти сотней офицеров, командовавших кораблями, флотилиями, эскадрами и флотами.

Среди присутствующих я быстро заметил и двух своих прямых начальников: командира 2-й эскадры эсминцев контр-адмирала Райцо Танака и командующего 2-м флотом вице-адмирала Набутаке Кондо. На всех лицах читалась мрачная озабоченность. Несмотря на прелесть осеннего утра, вся атмосфера была наполнена напряженностью.

Склянки на линкоре отбили 09:30, и мы заметили, как все младшие офицеры и матросы были отправлены вниз. На палубе остались только офицеры чином от капитана 3-го ранга и выше.

Столь необычные меры предосторожности еще более усилили беспокойство и напряженность.

На юте была установлена трибуна, на которой неожиданно появился один из флаг-офицеров штаба Объединенного флота капитан 2-го ранга Хаджиме Ямагучи.

— Господа, прошу внимания! — крикнул он. — Перед вами сейчас выступит главнокомандующий Объединенным флотом.

Была дана команда «Смирно!» и на палубе появился адмирал Исороку Ямамото, который в полной тишине занял трибуну.

Поклонившись аудитории, главком сказал:

— Мне очень приятно, что случай позволил увидеть вас всех. Я хочу объявить вам, что наш Объединенный флот завершил подготовку к войне. Мы должны продолжать нашу боевую учебу именно на этой основе. Нынешняя обстановка в мире такова, что Япония может быть вынуждена начать военные действия против Америки, Британии, Австралии и Нидерландов, чтобы не позволить задушить себя той блокадой, которую объявили эти страны. Без сомнения, мы переживаем самый серьезный кризис в нашей истории. Но если правительство решится на войну против названных стран, долгом Объединенного флота станет защита нашей родины и разгром врага. Я считаю эту задачу вполне возможной, если каждый из вас приложит к ее выполнению все силы. Я ожидаю, что мы выполним свой долг каждый в отдельности и все вместе, когда настанет час.

Короткие фразы, произнесенные адмиралом, падали на нас, как раскаты грома. Все были ошеломлены и сидели без движения, едва дыша.

Адмирал замолчал и внимательно посмотрел на нас, как бы желая заглянуть каждому в глаза. Он выглядел очень мрачным, когда сошел с трибуны и покинул совещание.

Следующим на трибуну поднялся начальник штаба Объединенного флота вице-адмирал Матоме Угаки. Он сделал анализ нынешней ситуации, заявив о катастрофических последствиях англо-американского эмбарго на экономику Японии. В стране истекают запасы горючего, железной руды, каучука, цинка, никеля и бокситов. Если подобная ситуация будет продолжаться, объяснил Угаки, то через год-два вся японская экономика просто рухнет. Однако, высшее командование разработало ряд мер, позволяющих сбросить с горла нации эту англо-американскую удавку.

— Возможно, — голос Угаки дрогнул, — что подобная встреча офицеров Объединенного флота станет вообще последней встречей мирного времени. Теперь мы должны еще более ужесточить нашу боевую подготовку, но при этом постоянно

следите за тем, чтобы ваши подчиненные имели достаточно времени на отдых и, особенно, на сон. Люди должны вступить в бой хорошо подготовленными и свежими. Это необходимо всегда, даже если впереди верная смерть. Поэтому позвольте мне пожелать вам всем хорошего здоровья прежде всего.

Слова адмирала Угаки были также встречены гробовым молчанием. Затем на трибуне снова появился капитан 2-го ранга Ямагучи и объявил, что совещание закончено. Старшие офицеры ушли, остальные стали разъезжаться по кораблям.

Я был потрясен. Слова Ямамото и Угаки все еще звучали в моих ушах, когда я, стоя у лееров, ожидал катера, который должен был отвезти меня обратно на «Амацукадзе». Внезапно я вышел из состояния оцепенения и решил, что мне необходимо поговорить с вице-адмиралом Угаки наедине. Решив так, я направился к люку, ведущему в адмиральские помещения.

С вице-адмиралом Угаки мне приходилось сталкиваться и раньше. В прошлом я пару раз назначался посредником в ходе маневров Объединенного флота.

Когда я подошел к люку, из него неожиданно появился мой старый знакомый вице-адмирал Чуичи Нагумо. Я встал смирно и отдал честь. Нагумо, улыбаясь, приложил руку к козырьку, а затем сердечно пожал мне руку, назвав по имени.

Я давно знал Нагумо и понял, что он потрясен не меньше меня, а его бодрая улыбка не более чем попытка скрыть свое настроение, о чем говорил его хмурый взгляд. Когда он удалился, я обратил внимание на его тяжелую походку и странную сутулость.

Мне редко приходилось видеть своего бывшего командира в подобном настроении. В любой обстановке он всегда сохранял бодрое настроение, заряжая оптимизмом остальных. С нехорошими предчувствиями я спустился по трапу и постучал в каюту адмирала Угаки.

Угаки сидел за столом и по выражению его лица можно было догадаться, что он пребывает тоже далеко не в блестящем настроении.

— Разрешите, господин адмирал, — сказал я, входя. — Не уделите ли вы мне несколько минут для беседы?

— Конечно, Хара. Входите, садитесь.

Я сильно волновался и только после некоторой паузы под вопросительным взглядом адмирала решился заговорить.

— Адмирал Угаки, — начал я, — мое поведение может показаться вам дерзким и неуместным, но я надеюсь на ваше понимание. Я также надеюсь, что вы не сочтете меня человеком трусливым и не способным...

— Я знаю вас очень хорошо, Хара, — перебил меня адмирал. — Смелее. Скажите все, что хотите сказать. Вы же пришли, чтобы обсудить со мной саму целесообразность открытия военных действий против Америки и Англии? Правда?

— Так точно, адмирал. Я понимаю, что являюсь всего-навсего узким специалистом в области торпедного оружия, чтобы осмелиться критиковать решения, выработанные мозгом страны и ее вооруженных сил. Поэтому простите мне мою прямоту, господин адмирал Угаки, но я очень скептически оцениваю всю нашу стратегию. Разве мы не можем избежать тотальной войны, обойдя, скажем, Филиппины, и захватив Голландскую Ост-Индию, богатую именно теми сырьевыми ресурсами, которые, по вашим же словам, вынуждают нас взяться за оружие?

Вымученная улыбка, совсем как у Нагумо, появилась на лице адмирала Угаки.

— Что я могу сказать вам, Хара? Только то, что ваше мнение разделяют многие старшие офицеры, но его не пожелали принять во внимание. Поэтому я хочу подчеркнуть следующее. Решение принято и мы должны быть готовы к худшему. Как вам известно, адмирал Кичисабуро Номура, назначенный послом в Вашингтон, ведет сложные и длительные переговоры в усилиях достичь с американцами какого-нибудь компромисса. Мы не ищем войны. Но если нам не оставят другого выбора, мы нанесем целую серию быстрых и беспощадных ударов. Вот теория, которая принята и одобрена высшим командованием.

Я вздохнул, поняв, что все дискуссии бесполезны. Я снова попросил прощения за бесцеремонность, на что Угаки сказал:

— Успокоитесь и берегите себя. Вы один из лучших командиров эсминцев на флоте. Многое будет зависеть от вас. Прощайте, Хара. Рад буду встретиться с вами снова.

Однако эта встреча для адмирала Угаки и меня оказалась последней. Угаки удалось уцелеть, когда двухмоторный бомбардировщик «Бетти», на котором находился адмирал Ямамото с офицерами своего штаба, был сбит американскими истребителями «Р-38» в апреле 1943 года. Это произошло вблизи острова Бугенвиль (Соломоновы острова). При этом сам адмирал Ямамото погиб. Угаки уцелел, и уже когда бои шли на Окинаве, вылетел туда в качестве одного из камикадзе.

До сего дня мне точно не известно, был ли сам Угаки среди тех, кто возражал против целесообразности нападения на Перл-Харбор. Но я всегда чувствовал, что и он, и адмирал Нагумо были против этого налета. И хотя сам адмирал Ямамото был совершенно непреклонным в нанесении предварительного удара по главным силам американского флота в Перл-Харборе, он,

говорят, тоже предупреждал, что японский флот сможет сражаться на равных с объединенными силами европейских держав только два года. Адмирал надеялся, что за это время политикам удастся договориться о приемлемом мире для Японии и тем самым избежать катастрофы.

С пылающим лицом и гудящей головой я поднялся на палубу. Кругом небольшими группами стояли молодые офицеры, оживленно беседуя. Я услышал, как один капитан-лейтенант сказал:

— Нам на эсминцах придется всегда сражаться с превосходящими силами противника. И именно от нас будет зависеть исход войны.

Я подумал, что он был совершенно прав. Вернувшись в свою маленькую каюту на «Амацукадзе», я взял с полки томик Сун-Ци. Труды этого древнего китайского классика по стратегии и философии уже 2500 лет являлись Библией восточных воинов.

Бессмертный труд открывался следующим заявлением:

«Военное искусство является жизненно важным для государства. Это вопрос жизни и смерти, процветания или крушения. Поэтому оно является объектом изучения, которым невозможно пренебречь».

В главе Третьей делалось заключение:

«При ведении войны сохранение своей Родины от бедствий является более важным, чем разгром и опустошение другого государства. Сохранение собственной армии является более важным, чем уничтожение армии неприятеля. Полководец, который сражался сто раз и все сто раз победил, не является лучшим полководцем. Настоящий великий полководец побеждает врага, не сражаясь с ним.

Если вы знаете врага и знаете себя, вам не нужно страшиться за исход даже сотен битв. Если вы знаете себя, но не знаете врага, то каждая одержанная вами победа будет сменяться поражением. Если вы не знаете ни себя, ни противника, вы будете побеждены в каждом сражении...»

Историческая конференция на борту линкора «Нагато» совпала по времени с уходом в отставку премьер-министра страны принца Коноэ и его кабинета. Новое правительство возглавил генерал Хидеки Тодзио. Подобная смена режима в столь критическое время сама по себе является зловещим предзнаменованием.

А что я знал о себе и о противнике? Меня часто называли лучшим командиром эсминца в Императорском флоте. Действительно, на маневрах мне удавалось достичь весьма высоких показателей в управлении кораблем и в результатах

торпедных стрельб.

А что я знал о противнике? Только то, что объединенные силы США и Англии имеют превосходство над японскими в пропорции примерно 10 к 3-3,5. Это означало, что я должен пустить на дно по меньшей мере четыре корабля противника и уцелеть сам, чтобы получить какие-то шансы на победу. Если каждый из командиров японских кораблей добьется подобных результатов, тогда все будет хорошо. Но подобное развитие событий было очень даже сомнительным. Адмирал Нагумо много раз говорил мне, что гигантский промышленный потенциал Соединенных Штатов был еще одним мощным фактором, говорящим не в пользу Японии.

2

7 ноября 1941 года на флоте была объявлена «Боевая готовность № I». Корабли Объединенного флота по одному выходили в море и рассредоточивались по разным базам. Все это делалось по возможности быстро и незаметно. Мой эсминец с тремя однотипными кораблями 16-го дивизиона перешел под покровом ночи в Куре. Я тогда ничего не знал о том, что крупные силы 1-го и 2-го флотов вышли на север, следуя в секретное место сбора на Курильских островах (бухта Танкан), где формировалось самое гигантское оперативно-ударное соединение японского флота, которое когда-либо знала история.

О цели подготовки знали только командиры кораблей. Экипажам было объявлено, что эсминцы готовятся к обычному учебному походу в южную часть Тихого океана.

Все отпуска и увольнения были отменены. Я сам был последний раз в увольнении в сентябре. Мне тогда удалось успеть на ночной экспресс, идущий из Куре, от которого было 16 часов езды до Камакуры, где жила моя семья. Мое неожиданное появление очень обрадовало всех, особенно детей. Мои две дочурки хлопали в ладоши и танцевали от радости. Мне удалось тогда побыть дома почти целые сутки.

21 ноября 1941 года была объявлена «Оперативная готовность № 2».

На следующий день все оперативное соединение вице-адмирала Нагумо сосредоточилось в укрытой туманами бухте острова Итурофу на Курилах. 23 ноября восемь эсминцев нашего 16-го и 24-го дивизионов, составляющих 2-ю эскадру, выскользнули из Куре и направились в пролив Терасима. Четыре последующие дня мы готовили боезапас, приводя снаряды и

торпеды в боевое состояние. Медики делали всем членам экипажей прививки, необходимые для длительного пребывания в тропиках.

26 ноября в 18:00 наша эскадра, пройдя пролив, вышла в открытый океан. В это же самое время соединение Нагумо вышло из бухты Танкан, направляясь к Гавайским островам. Мы же следовали к Палау — одному из островков, находящихся под японским мандатом в южной части Тихого океана.

Все командиры знали поставленную задачу: собравшись на Палау, наша эскадра одновременно с ударом по Перл-Харбору должна была атаковать остров Минданао в группе Филиппинских островов. На веем 2000-мильном пути от Герасимы у нас, как и на кораблях адмирала Нагумо, все радиопередатчики были опечатаны. Радисты работали только на прием. При уходе из Куре мы приняли сообщение, распространенное прессой:

«Госсекретарь Соединенных Штатов Кордуэлл Холл сегодня, 26 ноября, собирается вручить японским послам Кичисабуро Номура и Сабуро Курусу специальную ноту, в которой, очевидно, будет сформулирована окончательная позиция США на переговорах».

Проходя 28 ноября мимо Формозы, мы поймали сообщение, переданное местной штаб-квартирой флота:

«Две неопознанные подводные лодки, очевидно американские, замечены идущими северным курсом в водах восточнее Формозы».

«Боевая готовность № 2» предоставляла возможность командирам кораблей предпринимать «боевые действия только в случае абсолютной необходимости». Я связался с гидроакустическим постом:

— Будьте внимательны! Возможно, что вблизи нас действуют подводные лодки противника.

Спокойный профессиональный голос ответил:

— Понял вас. Аппаратура включена и действует в режиме поиска.

1 декабря радисты поймали новое сообщение: «Английское военно-морское соединение из пяти боевых кораблей, включая линкор «Принс оф Уэлс», полным ходом следует на Дальний Восток».

Вся напряженность, порожденная неизвестностью и ожиданием, несколько спала, когда на горизонте появились зеленые берега острова Палау.

В 13:00 мы отдали якорь в порту. За пять суток плавания мы попали из зимы в жаркое, цветущее лето. Заросли зеленых кокосовых пальм на берегу располагали к покою и отдыху. Но

атмосфера, царящая на самой базе, грубо возвращала в предвоенную действительность. Бухта была забита транспортами с войсками. Солдаты постоянно проводили учения по высадке с транспортов, карабкаясь вверх и вниз по штормтрапам и грузовым сетям.

Вечером следующего дня, 2 декабря, мы приняли историческую радиограмму, переданную из штаба Объединенного флота: «Ниитака Яма Ноборе 1208». В переводе это означало: «Взбирайтесь на гору Ниитака. 1208».

Прочтя эту радиограмму я понял ее значение, даже не заглядывая в секретную шифровальную книгу. Расшифровка этой радиограммы была такой: «НАЧИНАЙТЕ ВОЙНУ ПРОТИВ США И АНГЛИИ 8 ДЕКАБРЯ».

Вскоре после этого все командиры кораблей собрались в салоне контр-адмирала Райцо Танака для получения последних инструкций относительно атаки на Давао. инструктируя нас, Танака постоянно повторял:

— Помните, что в Вашингтоне еще продолжаются переговоры. Мы должны быть готовыми, что в любой момент поступит приказ, отменяющий всю операцию. Если переговоры закончатся успешно, нам останется только одно: развернуться и вернуться в Японию.

— От острова Палау, — сказал я, — всего в 500 милях находится Давао — крупнейшая американская военно-морская база на Филиппинах, а в 700 милях к юго-западу — еще одна крупная база на Гуаме. Я уверен, что большое количество американских подводных лодок постоянно наблюдают за сосредоточением наших кораблей здесь. Что мы должны сделать, если до официального начала войны мы установим контакт с какой-нибудь из этих лодок?

— Я думаю, что утопить, — ответил адмирал. — «Боевая готовность № 2» дает нам на это право в случае абсолютной необходимости.

Затем мы разъехались по своим кораблям. Я все еще продолжал скептически относиться к войне с Америкой и надеялся, что в конце концов в высших сферах возобладает здравый смысл. Я тогда, конечно, не знал, что нота Государственного Департамента США от 1 декабря была расценена нашим правительством как ультиматум, требующий капитуляции Японии без боя. А потому было принято решение начать войну с Америкой и ее союзниками. Как говаривал великий Сун-Ци: «Настоящий великий полководец выигрывает войну без боя».

6 декабря в 01:30 шесть наших эсминцев, ведомые легким

крейсером, покинули обширную гавань острова Палау, имея целью очистить филиппинские воды от вражеских подводных лодок и открыть путь к Минданао авианосцу, двум тяжелым крейсерам и транспортам с десантом.

Выйдя через узкий проход в коралловых рифах западной части атолла, мы, включив гидроакустику, начали миля за милей прочесывать море. Текло время, но ничего обнаружить не удавалось. Только около 16:00 с гидроакустического поста доложили:

— Шумы, похожие на подводную лодку. Пеленг 60, дистанция 2500.

Я развернул корабль в указанном направлении и дал команду приготовиться к сбросу глубинных бомб. На мачте был поднят трехфлажный сигнал «АВХ» («Атакую глубинными бомбами»), продублированный длинными свистками сирены.

— Десять градусов вправо. Дистанция 2000 метров, — снова доложили с гидроакустического поста. — Шумы постоянно указывают на подводную лодку.

Я развернул корабль в указанном направлении и увеличил скорость до 21 узла, поскольку на меньшей скорости эсминец рискует получить повреждения от собственных глубоководных бомб. Все стояли по местам, готовые к атаке, ожидая только моей команды. Меня самого охватил охотничий азарт, и я дрожал от возбуждения. Я уже был готов дать команду, но в последний момент проглотил вырывающиеся слова и приказал:

— Отставить атаку глубинными бомбами! Отставить!

Я считаю, что это было одно из самых важных решений, которые мне пришлось принимать в ходе войны. Мое решение основывалось на том, что день «Д» был назначен на 8 декабря, до которого оставалось еще двое суток. Со всех точек зрения было бы неразумно атаковать в открытом море чью-либо подводную лодку, которая не продемонстрировала по отношению к нам никакой враждебности. Не говоря уже о многом другом, подобная атака могла сорвать внезапность нашей собственной атаки на американцев. Кроме того, мне совсем не хотелось, чтобы первый выстрел в этой войне сделал именно я.

Отказавшись от атаки, я развернулся и присоединился к отряду.

В этот момент мы соединились с авианосцем «Рюдзе» и двумя тяжелыми крейсерами, вышедшими вслед за нами из Палау. Построившись в круговой ордер, все двенадцать кораблей двинулись на запад со скоростью 18 узлов.

Воспользовавшись первым же удобным случаем, я приказал собрать на верхней палубе экипаж эсминца и кратко объяснил им

обстановку и поставленную перед нами задачу. Меня удивила их спокойная реакция на такую страшную новость, как начало войны. Возможно, что они сами уже догадались обо всем по многим событиям двух последних недель.

Когда офицеры и матросы вернулись на свои места, я сел за штурманский столик в ходовой рубке и стал изучать карту прибрежных вод Давао. Спускалась ночь. Погода стояла тихая и прекрасная. Океан был спокоен. Полностью затемненные корабли нашего круглого ордера продолжали идти заданным курсом.

В рубке внезапно появился рассыльный, совсем юный, семнадцатилетний матрос 2-го класса Такео Мурата, пришедший на эсминец лишь накануне выхода из Куре. Он принес радиограмму. На мгновение у меня в душе шевельнулась жалость к этому мальчику, вынужденному идти на войну вместе со взрослыми мужчинами.

Радиограмма снова оказалась разведсводкой, в которой говорилось: «В районе Легаспи кораблей противника не обнаружено. 19:00, 6 декабря».

Следующие доставленные на мостик радиограммы оказались просто перехваченными сообщениями прессы. В одном из них говорилось:

«Японские послы Номура и Курусу возобновили переговоры с госсекретарем Холлом и президентом Рузвельтом относительно последних американских предложений...»

А во втором:

«Представитель Министерства Иностранных дел сегодня объявил, что пассажирский пароход «Татсута-Мару», вышедший из Иокогамы на прошлой неделе в Лос-Анджелес, получил инструкцию совершить визит в Мексику. В связи с этим он прибудет в Лос-Анджелес 14 декабря, а выйдет в обратный рейс 16 декабря. Прибытие парохода в Манзанилло ожидается 19 декабря».

Ничего не говорило о приближающейся войне. Кто мог тогда подумать, что столь длинное сообщение об изменении графика рейса «Татсута-Мару» маскировало тот факт, что пароход уже получил приказ ложиться на обратный курс и возвращаться в Японию?

Следующий день, 7 декабря, прошел столь же монотонно. Время от времени приходили радиограммы, очень напоминающие предыдущие. Приказа об отмене операции не поступало, а мы еще находились довольно далеко от цели нашего нападения — в 50 милях восточнее мыса Сант-Августино и в 100 милях восточное Давао.

Я утомился, находясь двое суток на мостике, а потому

позволил себе вздремнуть в командирском кресле прямо в рубке, оставив командовать кораблем старшего лейтенанта Тосио Кояма — молодого, но уже очень опытного штурмана. Меня разбудил шум дождя. Корабли вошли в полосу тропического ливня. Было 3 часа 30 минут ночи 8 декабря — дня «Д»!

Я даже ощутил угрызения совести, что проспал начало столь великого дня. Я тут же позвонил в радиорубку, чтобы узнать, не было ли каких-нибудь новых сообщений. Оказалось, что не было. Я все еще чувствовал себя сонным и злился, что в такой день я не могу сконцентрироваться на выполнении боевых задач, поскольку война может начаться в любую минуту.

На рассвете (05:00) двадцать бомбардировщиков и истребителей взлетели с палубы авианосца «Рюдзе», находившегося в 100 милях восточнее Давао. Вид самолетов, взлетающих с палубы авианосца, оказал на меня вдохновляющее воздействие, и я окончательно проснулся. Теперь я чувствовал себя полностью готовым к бою.

После взлета самолетов с «Рюдзе», эсминцы «Хаяшио», «Нацушио», «Курошио» и «Ояшио», выйдя из кругового ордера, построились в кильватерную колонну и устремились 30-узловой скоростью к Давао, чтобы нанести постоявшим там американским кораблям координированный удар с авиацией. Оставшиеся восемь кораблей перестроились в строй фронта с дистанцией 1500 метров друг от друга, осуществляя охранение авианосца и ожидая возвращения его самолетов.

«Рюдзе» был единственным авианосцем, использованным в Филиппинской операции. Первоначально планировалось использовать его вместе с двумя вспомогательными авианосцами для удара по острову Лусон.

Пробиваясь через редкие облака, сверкало и немилосердно палило солнце. Стоял практически полный штиль, и мы, обливаясь потом, в течение четырех с половиной часов продолжали монотонное хождение невычисленными кругами вокруг авианосца. В 09:30 девятнадцать самолетов вернулись на «Рюдзе». Двадцатый самолет совершил вынужденную посадку на воду из-за отказа мотора.

Удар наших самолетов и эсминцев по Давао получился шумным, но совершенно бесполезным, поскольку был нанесен в пустоту. Два американских военных корабля, о которых разведсводки сообщали накануне, в течение ночи исчезли из гавани. Ни в воздухе, ни на море нашим силам не было оказано ни малейшего сопротивления. Наши истребители обстреляли и подожгли два американских гидросамолета, которые, судя по всему, были просто брошены в порту. Японские самолеты

кружились над Давао более двух часов, но ни единого самолета противника в воздухе так и не появилось.

Поведение американских вооруженных сил на Давао в день открытия военных действий до сего дня остается загадкой. Из-за разницы во времени между Гавайями и Филиппинами, американцы должны были заблаговременно быть предупрежденными о начале боевых действий. Однако штаб американской армии, находящийся в Маниле, не предпринял никаких мер, и когда наши бомбардировщики с Формозы атаковали крупнейшую на Филиппинах американскую авиабазу Кларк, а это произошло примерно через четыре часа после нашего ухода из района Давао, находящиеся там самолеты мирно стояли на рулежках без всяких признаков тревоги.

(Загадка подобного поведения американской авиации на авиабазе Кларк до сих пор не решена. Луис Мортон в своей книге «Падение Филиппин» пишет: «Все подразделения американских вооруженных сил на Филиппинах знали о нападении на Перл-Харбор за несколько часов до того как первые японские бомбардировщики появились над Лусоном. Предрассветная атака на Давао отчетливо дала понять, что японцы не имеют намерений обойти Филиппины. Все это становится еще более непонятным, если учесть, что до массированного налета на авиабазу Кларк японские самолеты на рассвете уже бомбили другие цели на Лусоне. Казалось бы, что всего этого было вполне достаточно, чтобы принять необходимые меры. Однако ровно ничего сделано не было. Также мало удалось выяснить и на следствии. Полковник Кэмпбелл своими показаниями подтвердил, что на авиабазу Кларк предупреждение о возможной японской атаке поступало заблаговременно. Однако полковник Обенк решительно заявляет, что никакого предупреждения не было. Другие офицеры говорят о каких-то нарушениях в системе связи как раз в этот критический момент». Разобраться во всех этих противоречивых показаниях совершенно невозможно. Однако о результатах японской атаки не существует двух мнений. Были уничтожены 18 из 35 «летающих крепостей» «В-17», 53 новейших истребителя «Р-40», три истребителя «Р-35» и около 30 разных других самолетов. «За один день, — отмечает Мортон, — наша дальневосточная авиация уменьшилась наполовину и перестала существовать как эффективная боевая сила». Потери японцев составили 7 истребителей.)

Когда мы, возвращаясь назад, находились в 50 милях восточное пролива Сант-Августино, мне и командиру «Хацукадзе» был передан новый приказ, соответственно которому мы должны следовать к Легаспи на соединение с ушедшими туда тяжелыми

крейсерами «Миоко» и «Начи».

Авианосец в сопровождении двух эсминцев уже ушел в Палау. Крейсер «Дзинтцу» под флагом адмирала Танака и четыре других эсминца последовали за ними.

В течение недели я оставался в водах Легаспи, ведя противолодочное патрулирование и эскортируя транспорты с войсками. Противник никак не давал о себе знать и потому главным впечатлением от тех дней была монотонная скука корабельной жизни. Мы фактически обеспечивали безопасность тылового района, пока проводилась главная десантная операция на острове Лусон. Только 9 декабря в течение примерно 24 часов меня заставила поволноваться перехваченная в 17:10 радиограмма с подводной лодки «Джи-65», доложившая об обнаружении двух крупных английских кораблей, идущих полным ходом в направлении японского десантного конвоя у побережья Малайи.

Затем по радио хлынул поток сообщений о японских воздушных атаках на английский линкор «Принс оф Уэлс» и линейный крейсер «Рипалс». С нескрываемым волнением читал сообщение за сообщением об этом сражении, разыгравшемся примерно в 1000 миль от нас.

Мне очень хотелось принять участие в этом бою, но |на войне находишься не там, где хочешь, а где приказано. Поначалу я чувствовал сильное беспокойство. В Малайских водах мы имели только два линкора: «Харуна» и «Киришима». Это были старые корабли, построенные в 1912 и 1913 гг., то есть самыми старыми из всех, находящихся в строю Императорского флота. Мне казалось, что им придется туго с «непотопляемым» «Принс оф Уэлс» и грозным «Рипалсом».

Поток первых сообщений был противоречивым и путаным. Командир 3-й эскадры эсминцев контр-адмирал Синтаро Хасимото кому-то докладывал, что его кораблям будет трудно перехватить противника. Подводная лодка «Джи-65» сообщила, что потеряла английские корабли из вида в дождевом шквале. Радиосообщения забивали друг друга, в эфире отсутствовала элементарная дисциплина, разведсводки не поступали. Как это ни странно, но ни единого американского корабля не было и в помине, чтобы хоть как-то помешать нашему вторжению на Филиппины. Но надо честно признать, что появление двух английских кораблей привело в близкое к панике состояние весь этот огромный район.

В 14:00 10 декабря обстановка несколько прояснилась, когда поступило сообщение: «Английские корабли следуют без воздушного прикрытия». Затем снова посыпались радиограммы

одна за другой.

«22-я эскадрилья бомбит линкор противника. 14:20».

«Линкор противника торпедирован. 14:30».

«Попадание авиационной торпеды в крейсер противника. 14:40. Корабль потерял ход и тяжело кренится на левый борт».

«Один из пяти эсминцев противника горит».

«Один из тяжелых кораблей противника взорвался и затонул. 14:50».

Теперь и я был окончательно сбит с толку. Казалось невероятным, что японским самолетам одним удалось утопить «Принс оф Уэлс» и «Рипалс».

Результаты японского нападения на Перл-Харбор никогда не служили для меня веским доводом для использования авиации против кораблей, поскольку противник был полностью захвачен врасплох. Я признаюсь, что не имел должной широты взглядов, будучи влюбленным в эсминцы. Но уничтожение английских линкора и линейного крейсера у берегов Малайи потрясло меня до глубины души. Я никогда не считал самолеты столь мощным оружием.

Надо сказать, что мои заблуждения хотя и были поколеблены, но все-таки не до конца. Я продолжал относиться скептически к авиации, главным образом из-за ее сильной зависимости от условий погоды.

Конечно, я не мог тогда предвидеть, что через три года и четыре месяца отряд японских кораблей, где я буду командовать крейсером, попадет почти в такое же положение, как и английские корабли у Малайи, и также будет уничтожен одной авиацией противника.

3

15 декабря главное командование, удовлетворенное ходом Филиппинской операции, пришло к выводу, что больше нет надобности патрулировать воды в районе Легаспи и отдало приказ нашим кораблям возвращаться в Палау. Пока мы пополняли в Палау запасы топлива и снабжения, пришел новый приказ — эскортировать десантные транспорты в Давао.

17 декабря в 07:00 конвой из транспортов с войсками, разбившись на три эшелона, вышел из Палау. Эскортировали конвой семь эсминцев и два сторожевика. Руководил операцией контр-адмирал Танака со своего флагманского крейсера «Дзинтцу».

Через 45 минут после выхода из Палау я получил доклад

гидроакустиков об обнаружении ими подводной |лодки всего в 2000 метров по пеленгу 80 градусов правого борта. Это было почти точное повторение ситуации, случившейся в день «Д». На этот раз никакие сомнения меня больше не мучили. Увеличив скорость до 21 узла и сблизившись с целью на 1000 метров, я сбросил серию из шести глубинных бомб. Затем развернулся на 230 градусов и сбросил еще шесть бомб. Бомбы взорвались, подняв огромные фонтаны воды, но никаких результатов нашей атаки мы не обнаружили. Я снова занял свое место в эскорте с правого борта второго эшелона из четырех транспортов, идущих зигзагом со скоростью 10 узлов.

В 13:00 того же самого дня пришло сообщение с эсминца «Курошио», идущего в эскорте первого эшелона:

«Обнаружена подводная лодка противника. Взаимодействуя с противолодочным самолетом, атаковали лодку глубинными бомбами. На поверхности разлилось большое пятно мазута. Считаем лодку уничтоженной».

Мы, на «Амацукадзе», чуть не умерли от зависти и разочарования.

20 декабря, еще до рассвета, конвой вошел в тихие воды бухты Давао, не повстречав ни одного самолета или корабля противника. У меня уже был опыт подобных высадок, когда лет пять назад я высаживал солдат в Шанхае. На этот раз действовал такой же приказ: огня не открывать, если не будет сопротивления. Мы желали захватить базу целой с минимумом повреждений. Два первых эшелона уже высадились успешно в глубине бухты.

Эскортные корабли медленно вошли в порт, который выглядел тихо и мирно. Я спустил моторный катер с призовой партией примерно в тридцать человек, приказав им захватить все малые суда, буксиры и катера, которые они обнаружат в порту. Через несколько минут на пирсе появились сотни две американских солдат, которые открыли огонь по моему катеру. Сигнальщик закричал:

— Катер обстрелян! Есть раненые!

Я немедленно приказал открыть огонь по пирсу. Действительно повторялась вся шанхайская история, причем повторялась настолько топорно, что я всегда ругаю себя, вспоминая о ней.

Наши шесть 120-мм орудий грохнули залпом. Ни один снаряд в противника не попал, но причал, разумеется мгновенно опустел.

— Прекратить огонь! — приказал я, но раздался второй залп. Один из снарядов угодил в небольшую цистерну с бензином,

находящуюся примерно в 50 метрах от причала, и все вокруг заполыхало огнем.

Признаться, я растерялся, и из уверенного в себе командира эсминца превратился в зеленого новичка, не знающего, что делать дальше. Между тем на эсминец вернулся катер, на котором оказался один убитый. Это был унтер-офицер 2-го класса Тсунео Хори — первый из моих подчиненных, погибших в этой войне. А проклятая цистерна горела еще три дня и три ночи.

Вскоре пришли сообщения о жертвах на других японских эсминцах. Было очевидно, что корабли, принимавшие участие в операции против острова Уэйк, действовали еще хуже, чем мы в Давао.

11 декабря эсминец «Кисагари» был потоплен самолетами морской пехоты США, базировавшимися на острове Уэйк. В тот же день американская береговая батарея на Уэйке потопила еще один эсминец — «Хаяте». Но и это было еще не все. Эсминец «Синономе» подорвался на мине и затонул у побережья острова Борнео. В секретном рапорте по этому случаю говорилось, что так и не удалось разобраться, чья это была мина: японская или голландская?

Я буквально пришел в ярость, узнав, что там же, у Борнео, был торпедирован подводной лодкой и потоплен эсминец «Сагири». Это произошло 24 декабря! Но как на эсминце, чья главная задача уничтожать подводные лодки противника, могли подобное допустить?! Позднее удалось выяснить, что успеха добилась голландская подводная лодка «К-16».

Даже в нашем дивизионе не обошлось без неприятностей. Эсминец «Курошио», тот самый, что передал сообщение о потоплении им подводной лодки, 23 декабря, будучи в полной уверенности, что самолетов противника уже не существует в природе, внезапно подвергся атаке с воздуха. Вынырнувший из-под солнца на малой высоте бомбардировщик «В-17» сбросил целую серию бомб, одна из которых попала в эсминец, серьезно ранив четырех матросов.

Конечно, обо всех этих печальных событиях ничего публично не сообщалось. Тогда их просто не замечали на фоне блестящих успехов нашего внезапно начавшегося наступления на всех фронтах. Но я, узнав о первых потерях, не мог уже отделаться от беспокойства. Как говорят, война — это серия последовательных ошибок, совершенных обеими сторонами. Кто совершит их меньше — тот и победит. Но Япония никак не могла позволить себе такого количества ошибок.

4 января 1942 года четырнадцать наших крупных боевых кораблей, составляющих почти все наши надводные силы в этом

районе, стояли на якоре в небольшом порту Малалаг на западном побережье бухты Давао. Вход в порт был очень узким, и командующий соединением приказал перегородить его противолодочными сетями.

Я завтракал, когда услышал голос сигнальщика:

— Воздушная тревога!

Выскочив на мостик, я увидел высоко в небе девять четырехмоторных американских «летающих крепостей» «B-17». Ошибиться было невозможно, поскольку единственным японским четырехмоторным самолетом в те времена была летающая лодка «Кавaниси» («Эмиль»).

Прервав завтрак, все разбежались по боевым постам. Но что мы могли сделать? Зажатые в узкой акватории маленького порта корабли были совершенно беспомощными, а выход в море был перегорожен сетями.

Другими словами, мы не были в состоянии что либо сделать. Зенитный огонь не доставал до противника, идущего на высоте около 10 000 метров, а ни одного японского истребителя в воздухе не было.

Мне оставалось только молиться, когда я увидел, как бомбы, отделившись от самолетов, полетели вниз. К счастью, американские бомбардировщики, вылетевшие очевидно с острова Ява, не несли много бомб, да и прицел у них был не очень удачным. Тем не менее, одна 100-килограммовая бомба угодила в башню главного калибра № 2 тяжелого крейсера «Миоко», стоявшего в центре гавани. 23 человека при этом были убиты и 40 — ранены. Осколки этой бомбы ударили по гидроавиатранспорту «Читозе», стоявшему в 500 метрах от крейсера, повредив пять самолетов на его палубе.

Мой «Амацукадзе» стоял настолько близко к берегу, что у меня не было даже дюйма для маневра уклонения от бомб. Хорошо еще, что повезло, и в корабль попала только одна бомба. Я не помню, чтобы когда-либо чувствовал себя столь гнусно, когда наблюдал с мостика, как тяжелый крейсер «Миоко» (12 374 т), входивший в состав нашего соединения с первого дня войны, выполз из бухты Давао и поковылял в Японию на ремонт.

4

В январе 1942 года я принял участие во вторжении в Голландскую Ост-Индию, обеспечивая поддержку высадке десантов в Менадо и Кендари.

В обоих случаях сопротивление местных гарнизонов можно

было назвать ничтожным, но уже тогда бросалась в глаза исключительно слабая поддержка высадки с воздуха, что было грозным предзнаменованием.

Японский флот не имел достаточного количества самолетов, чтобы должным образом прикрыть морские десантные операции. А те немногочисленные самолеты, что были выделены для этой цели, комплектовались совершенно неопытными пилотами. Этим недостаточно обученным летчикам постоянно мерещились корабли, которых не существовало, они то и дело бомбили китов, приняв их за подводные лодки и даже сбивали свои же транспортные самолеты.

Мой собственный опыт охоты за подводными лодками тоже нельзя было назвать удовлетворительным. В ночь на 31 января, эскортируя транспорты с десантом на остров Амбон в бухте Билла, я обнаружил подводную лодку в надводном положении, попавшую в луч прожектора. Мы успели дать по ней три залпа, но не попали, и лодка ушла.

Хотя акустики ничего не сообщали о контакте с подводной лодкой, я успокоился только когда около часа ночи мы подошли к месту высадки.

Высадка началась в 01:20 1 февраля 1942 года без предварительной бомбардировки занятого противником побережья с кораблей, хотя планом высадки такая бомбардировка была предусмотрена. После моего неудачного боя с подлодкой, противник должен был знать о нашем приближении и привести свои части в боевую готовность, и мне казалось, что необходима артиллерийская поддержка десанта.

Тем не менее, приказа на предварительную бомбардировку дано не было. После войны адмирал Танака объяснил мне, что он отменил бомбардировку, полагая, что даже предупрежденный противник не окажет сильного сопротивления. Кроме того, добавил Танака, с первого дня войны он имел строжайший секретный приказ экономить боеприпасы всеми возможными способами. Для американцев это может звучать смешно, но для Японии это была мрачная реальность. И в течение всей войны нам постоянно напоминали, что мы должны быть «экономными» буквально во всем: в расходе боеприпасов, горючего, продовольствия и многого другого. В то же время американцы своими ковровыми бомбежками и многодневными бомбардировками с моря наглядно демонстрировали, что бедным странам нужно хорошо подумать, прежде чем браться за оружие.

Как я и предполагал, десантники были остановлены на урезе воды огнем противника. Командовавший высадкой капитан 2-го ранга Коносуке Иеки в 02:00 сообщил:

«Мы прижаты к земле, высадка срывается».

Стоя на мостике «Амацукадзе» я был вне себя от раздражения и злости. Обстановка во всех отношениях складывалась самым гнуснейшим образом. В 03:20 десантники сообщили, что им удалось захватить небольшой плацдарм на берегу. Но самое трудное еще было впереди.

В 05:00 поступила радиограмма: «Огонь тяжелых орудий противника крушит наши фланги». К полудню пришло сообщение, что капитан 2-го ранга Иеки погиб.

Какое идиотство! Как это все могли допустить! Предварительная бомбардировка легко могла подавить большинство огневых точек противника, сохранив жизнь Иеки и многих других. Я рычал от злости и бил кулаками по ограждению мостика.

Вскоре после известия о гибели командира десанта последовал приказ вице-адмирала Танака: «Всем кораблям подойти к берегу и принять на борт раненых». «Амацукадзе» принял на борт 30 убитых и 90 раненых.

А между тем, никакого прогресса в сражении на берегу не было. Теперь мы уже не могли вести огонь, поскольку совершенно не знали там обстановки. Наконец, на рассвете следующего дня гидросамолеты с авиатранспорта «Читозе» поднялись в воздух, чтобы атаковать артиллерийские позиции противника. Больше самолетов в нашем распоряжении не было, хотя была обещана воздушная поддержка с авианосцев «Сорю» и «Хирю».

Однако летчики гидросамолетов оказались молодцами. Они не только разбомбили укрепленные позиции противника, но умудрились отогнать от острова голландские бомбардировщики и даже сбить два из пяти.

Наконец, гарнизон острова, состоявший примерно из двухсот голландских и австралийских военнослужащих, капитулировал. Из показаний пленных мы узнали, что у южной оконечности острова Амбон выставлено около 70 мин, заграждающих вход в порт. Наши тральщики потратили неделю, очищая акваторию острова от мин. Три тральщика при этом подорвались и погибли вместе с экипажами.

Через два дня после капитуляции гарнизона, транспорт, стоявший на якоре перед входом в заминированный порт, поднял сигнал: «Атакован торпедами со стороны моря». Так оно и оказалось. К счастью, торпеды прошли мимо, но я решил действовать немедленно. Я был уверен, что эти торпеды были выпущены той самой подводной лодкой, что одурачила меня три дня назад.

В течение следующих пяти часов «Амацукадзе» прочесывал

море, следуя, как улитка, на 11 узлах. На большей скорости наш гидролокатор работал очень ненадежно. Агрессивный командир подводной лодки в подобных условиях вполне мог превратиться из дичи в охотника и сам атаковать такую тихоходную цель. Я невольно вспомнил эсминец «Сагири», потопленный подводной лодкой у Борнео в декабре.

Часы шли, нервы у всех были напряжены, но ничего обнаружить не удавалось. И только в 21:34 раздался радостный вопль с гидроакустического поста:

— Подводная лодка! Дистанция 2400 метров, пеленг 10 градусов с левого борта!

— Приготовиться к атаке глубинными бомбами! — приказал я. — Серия из 8 бомб. Установить взрыватели на глубину 50 метров!

В этот момент последовал новый доклад акустиков — более спокойным голосом: «Подлодка, 1800 метров, пеленг 40 влево».

Через минуту новый доклад: «Лодка в 1300 метрах, пеленг 50 влево. Похоже, что она тоже разворачивается влево».

Я развернул «Амацукадзе» на новый курс.

В 21:53 гидроакустики сообщили, что потеряли контакт с лодкой.

Акустики доложили об этом с нескрываемым разочарованием, но я выслушал эту новость с полным спокойствием, быстро сообразив, что лодка, видимо, вошла в «мертвую зону» между эсминцем и лучами гидролокатора. Значит «Амацукадзе» и подводная лодка должны сейчас следовать одним курсом. Все это пронеслось в моей голове вместе с необходимыми расчетами и вылилось в команду:

— Подводная лодка прямо по курсу, следует на 9 узлах на дистанции 1000 метров. Установить бомбы на глубину 30 метров!

Увеличив скорость до 21 узла, мысленно представляя свой курс и курс лодки, я в 21:58 приказал сбросить серию из восьми глубинных бомб, полагая, что лодка находится прямо под эсминцем.

Развернув «Амацукадзе» на обратный курс, я сбросил еще одну серию глубинных бомб. С поверхности моря в полной темноте повеяло сильным запахом дизельного топлива. Мы ничего не видели, но запах солярки становился все сильнее. Мы хорошо были осведомлены о «тактике скунса», применяемой подводными лодками при уходе от преследования надводных кораблей, когда подводники выпускают на поверхность какое-то количество солярки, чтобы имитировать собственную гибель. Поэтому мы продолжали поиск еще в течение двух часов, но ничего больше не обнаружили.

Я доложил о вероятном потоплении подводной лодки, и, поскольку в течение следующих нескольких дней не поступало никаких донесений о действии лодок противника в этом районе, я склоняюсь к мысли, что та лодка, за которой мы охотились, была все-таки потоплена.

9 февраля я снова вышел к Давао, эскортируя транспорт «Киришима-Мару», и доставляя туда раненых и убитых при штурме острова Амбон.

В Давао, ко всеобщей радости, нас ожидали несколько огромных мешков с письмами и посылками от родных.

По прибытии на базу мне удалось первый раз за двадцать дней насладиться горячей ванной. Многие из экипажа делали то же самое. Была открыта корабельная лавка, где матросы могли купить ликер, сладости и много разных необходимых для себя вещей. Ликер на борту продается с личного разрешения командира.

Моя маленькая каюта размером два на три метра была лучшим помещением на эсминце. В эти шесть квадратных метров были втиснуты: койка, умывальник, шкаф для обмундирования, стул и стол, на котором стояла фотография моей семьи.

Рассыльный принес мне пачку писем.

Последнее письмо от жены было датировано 4 января. Она писала, что дети здоровы, все идет хорошо. Однако в конце письма была приписка, где как бы между прочим сообщалось, что когда жена с детьми ездила к родственникам в Токио, наш дом в Камакура обокрали, сломав замок.

Я расстроился. Моя жена была очень субтильной женщиной и просто терялась, сталкиваясь с подобными сторонами, жизни. Чтобы успокоиться, мне пришлось выпить несколько чашек саке.

Но следующее письмо, присланное братом, еще более меня расстроило. Брат сообщил мне, что его старший сын, двадцатипятилетний Сигоеси Хасимото, офицер 4-й армейской дивизии, умер в декабре от туберкулеза. Это был мой любимый племянник и, закрыв глаза, я прошептал молитву за его душу.

Совершенно подавленный, я отложил еще невскрытые письма, выпил еще пару чашек саке и вышел на мостик. Стоял прекрасный солнечный день. Зеленый берег и сверкающее под тропическими лучами море, казалось, жадно манили к себе.

При моем появлении вахтенный офицер, смотрящий на берег жадными глазами, вытянулся и приложил руку к козырьку фуражки.

— Объявите, — приказал я, — что завтра всему экипажу разрешено увольнение на берег. Всех разделите на три группы, чтобы каждая могла побыть на берегу по три часа.

Глаза лейтенанта зажглись восторгом, и рассыльные немедленно побежали разносить эту новость по кораблю. Ни один из трехсот человек экипажа моего эсминца не был на берегу пятьдесят дней, а потому новость вызвала всеобщее ликование.

Я вернулся в свою каюту и вскрыл следующее письмо. Оно было отправлено из Куре, но имя отправителя мне не было известно. Письмо начиналось следующими словами:

«Меня зовут Хинагику. Я — одна из девушек-гейш, которые обслуживали банкет по случаю вашего ухода на войну».

Сначала я подумал, что далее последует объяснение в любви, и решил, что мне, уже взрослому человеку, обремененному женой и тремя детьми, совсем не пристало впадать даже в заочный почтовый роман с молоденькой гейшей. Но все оказалось гораздо проще и прозаичнее.

«Хозяйка ресторана, — писала девушка, — напомнила, что перед вашим внезапным уходом вы забыли оплатить счет. Мы будем счастливы, если вы оплатите счет,*который прилагается* ». *Я чуть не умер от стыда. Надо же в мои годы быть таким безответственным*! *У меня появилось желание напиться до беспамятства, и я открыл новую бутылку саке* .

На следующий день я съехал на берег с первой партией увольняющихся. Улицы Давао были наполнены моряками с других кораблей, стоявших на якоре в порту. Везде стояли японские торговцы, бесплатно обслуживающие своих земляков напитками и сладостями. Было много и филиппинцев, которые спокойно и без страха ходили по улицам. Ярко накрашенные девушки со сложными прическами и в ярких платьях мелькали вокруг.

Меня только крайне удивило, что все они ходят босиком. В Японии босиком по городским улицам не ходит никто. Если нет возможности купить настоящие туфли, ходят в деревянных сабо.

В переполненных кинотеатрах демонстрировались Последние американские фильмы. Я заметил на некоторых домах вывески: «Японский военный центр рекреации». Перед «центрами» толпились наши солдаты и матросы. Это были бордели, которые постоянно следовали за армией из самой Японии, Китая и Кореи.

Я почувствовал некоторую нервозность у матросов при виде меня. А потому сказал лейтенанту:

— Проследите здесь за порядком. Я пойду в штаб. Встретимся в полдень на пирсе. Смотрите, никого здесь не потеряйте.

— Есть, командир! — радостно откозырял лейтенант. Уходя, я слышал за спиной радостные крики матросов.

27 и 28 февраля 1942 года я принял участие в бою, получившем позднее название «Сражение в Яванском море». Историки считают этот бой одним из редких морских сражений Второй Мировой войны, где не была задействована авиация, если не считать чисто разведывательных полетов.

Я прочел очень много книг об этом бое, написанных как западными авторами, так и японскими. Большинство западных книг на эту тему написаны сразу после войны, а потому они слишком эмоциональны, чтобы быть исторически объективными. Японские книги имеют подобные же недостатки. Они написаны также после войны, то есть после поражения, когда японским авторам был отрезан доступ к документам и другим источникам.

Большая часть офицеров, командовавших кораблями и отрядами союзников, погибли в этом бою. Поэтому чрезвычайно сложно составить цельную картину сражения с американской стороны.

Контр-адмирал Такео Такаги, командовавший в Японском море военно-морскими силами Японии, погиб на Сайпане в 1944 году. Но уцелел его начальник штаба, капитан 1-го ранга Ко Насагава (ныне командующий новым флотом Японии) и начальник разведки — капитан 3-го ранга Котаро Исикава. Перед тем как написать эту главу, я имел долгие беседы с ними обоими, а также с другими уцелевшими в войне участниками этого боя.

Все началось с того, что соединение американских, австралийских и голландских кораблей сделало попытку атаковать японский конвой у Сурабаи. Соединение союзников, состоявшее из трех тяжелых, двух легких крейсеров и одиннадцати эсминцев пыталось напасть на сорок один тихоходный транспорт с войсками, идущих под охраной двух японских легких крейсеров и десяти эсминцев. Два японских тяжелых крейсера дальнего прикрытия находились в 150 милях позади конвоя.

Несмотря на все преимущества, которые давало союзникам их численное превосходство, внезапность появления и удачная позиция, они умудрились не потопить ни одного японского корабля или судна. Среди кучи ошибок, в которых каждая сторона, казалось, хотела перещеголять другую, реальным решительным фактором, с моей точки зрения, стал боевой настрой личного состава.

Этот бой интересно сравнить со сражением в заливе Лейте в октябре 1944 года. Там японский флот под командованием вице-адмирала Такео Курита сыграл фактически ту же самую роль, как и соединение голландского контр-адмирала Доормана в Яванском море.

В заливе Лейте Курита загнал в угол два соединения слабых и уязвимых эскортных авианосцев противника, но так и не смог нанести по ним решающего удара, повернув в самый решающий момент на обратный курс и упустив блестящий шанс, предоставленный судьбой.

Курита вел флот к заливу Лейте с решимостью фаталиста, отлично понимающего, что у него нет никаких шансов на победу над столь превосходящим его силы противником. Эта мысль постоянно давила на него, и, когда у него был шанс победить, он этого шанса просто не заметил, повернув на обратный курс.

В феврале 1942 года чувство безнадежности и беспомощности давлело на всех союзных офицеров в регионе Филиппин и Голландской Ост-Индии. Они считали, что у них нет шансов не только победить, но и уцелеть. Помня о Перл-Харборе и о потоплении «Принс оф Уэлс» и «Рипалс», они со страхом ждали, когда то же самое произойдет и с ними, не видя никаких альтернатив. Уже пал Сингапур. Полная оккупация японцами Филиппин была просто вопросом времени. Сметая все очаги сопротивления, японские вооруженные силы шли от победы к победе. Могучее авианосное соединение японского флота под командованием адмирала Нагумо было к этому времени переброшено в Индийский океан. Противнику оно представлялось какой-то чудовищной суперармадой. Союзные штабы просто не имели об этом соединении никаких сведений и даже не знали вообще сколько у Японии авианосцев. Это порождало всевозможные панические слухи, путаницу и неразбериху. 1 февраля 1942 года небольшое американское авианосное соединение атаковало наши базы на Маршалловых островах. Соединение адмирала Нагумо, стоявшее на Труке, полным ходом ринулось к Маршалловым островам, до которых было 1500 миль. Узнав об этом, союзное командование решило атаковать соединения японского флота, оставшиеся без авианосцев.

Четыре крейсера и семь эсминцев союзников вышли к Баликпапану, надеясь повторить подвиг капитана 2-го ранга Пола Тальбота.

Однако и японцы в это время тоже не дремали. Переброшенные с Формозы на авиабазу Кендари шестьдесят японских бомбардировщиков 4 февраля перехватили в море союзные корабли и нанесли им достаточно серьезные повреждения. Противник вынужден был вернуть свои корабли в Сурабаю, считая, что подвергся удару самолетов с японских авианосцев.

19 февраля произошло еще одно событие, совершенно невозможное с точки зрения штаба союзного командования в

Сурабае. Американская разведка совершенно однозначно доложила, что ударное соединение адмирала Нагумо, направлявшееся к Маршалловым островам, изменило курс к берегам Австралии. Это сообщение получило свое подтверждение, когда на рассвете 19 февраля 188 самолетов, поднявшись с авианосцев адмирала Нагумо, нанесли сокрушительный удар по австралийскому порту Дарвин.

Около полудня того же дня 23 истребителя «Зеро», появившись над Сурабаей, в коротком воздушном бою уничтожили 40 американских истребителей, главным образом типа «Р-36». Мне кажется, что даже если бы американская разведка в Баликпапане и сообщила о том, что эти истребители нашей морской авиации появились над Сурабаей, пролетев 450 миль с авиабаз Формозы, союзное командование все равно в это бы не поверило. Они были совершенно убеждены, что все «Зеро» поднялись с авианосцев.

Ближе к вечеру группа японских бомбардировщиков, вылетевшая с аэродрома Кендари, нанесла удар по секретной авиабазе союзников Диобанге, вблизи Сурабаи, уничтожив находящиеся там американские истребители типа «Р-40», «Буффало» и английские «Харрикейны».

В те дни японские боевые самолеты пользовались большим авторитетом у противника. Потопление ими могучих и гордых английских линейных кораблей, по мнению англичан и американцев, никак не могло быть делом случая. Они были уверены, что подобная же судьба ждет и все другие корабли, оставшиеся в Сурабае.

Находясь в таком паническом настроении, союзное командование получило сообщение разведки о том, что два больших японских конвоя двигаются по направлению к острову Ява. Один конвой, состоявший из 41 транспорта и 20 кораблей сопровождения вышел 19 февраля из Йоло, направляясь к Сурабае. Второй — из 56 транспортов и 16 кораблей эскорта вышел из Камраня в Индокитае, держа курс к западному побережью Явы.

Союзное командование разрывалось на части, планируя ответные действия. Если союзный флот попытается атаковать один из конвоев, у него будет шанс добиться успеха, но вторым конвоем уже заниматься будет некому. Главной проблемой для противника являлась непредсказуемость поведения ударного соединения авианосцев Нагумо, которое в любой момент могло нанести сокрушающий удар по союзному флоту, лишенному воздушного прикрытия.

Между тем, владея инициативой, японский флот мог

позволить себе выбрать место удара по союзникам по своему усмотрению.

17 февраля главнокомандующий японским Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото собрал штабное совещание на борту линкора «Нагато», стоявшего на рейде Хасирадзима. Ранее главком приказал адмиралу Нагумо прекратить преследование небольшого американского оперативного соединения и нанести удар по порту Дарвин.

— Мы должны обеспечить захват нефти и других ресурсов Голландской Ост-Индии. Именно этой задаче отдается сейчас наивысший приоритет, — указал Ямамото. Штаб Объединенного флота, изучив и проанализировав всю разведывательную информацию, доложил ее главкому. Тот пришел к выводу, что надводные корабли противника, сосредоточенные в Сурабае, не представляют «даже потенциальной угрозы» для японских действий в этом регионе. Основываясь на этом, главком приказал двум конвоям, на транспорты которых было погружено по армейской дивизии, начать движение к месту высадки. — Высадка, — подвел итог совещанию адмирал Ямамото, — не потребует особенно сильной поддержки.

20 февраля адмирал Ямамото провел еще одно совещание с офицерами своего штаба. На совещании пришли к заключению, что «союзный флот полностью деморализован и не способен предпринять крупные боевые операции». Главком отменил ранее утвержденный план прикрытия высадки самолетами базовой авиации и приказал соединению авианосцев адмирала Нагумо следовать в Индийский океан с задачей «уничтожить боевые корабли противника, которые попытаются вырваться из Сурабаи».

Подобное пренебрежение противником сделало очень рискованной всю операцию. По меньшей мере это сильно отразилось на проведении конвоя, который вместе с другими кораблями эскортировал и мой эсминец.

Сорок один транспорт с десантом шел двумя колоннами на расстоянии 2000 метров между колоннами и 600 метров — между судами. Транспорты шли зигзагом со скоростью 10 узлов. Впереди колонн в строю пеленга шли четыре тральщика на расстоянии 3000 метров друг от друга. На дистанции 3000 метров от них строем фронта следовали три эсминца. Далее под прикрытием двух сторожевиков шел флагманский корабль конвоя — легкий крейсер «Нака». По одному эсминцу справа и слева от колонн охраняли ее среднюю часть.

Дальнее прикрытие конвоя, в которое входил и мой эсминец «Амацукадзе», состояло из 2-го дивизиона эскадренных миноносцев и трех отдельных эсминцев, находящихся под общим

командованием адмирала Танака на легком крейсере «Дзинтцу». Наша группа держалась мористее с левой стороны конвоя. Эсминцы этой группы принимали короткое участие в десантной операции на остров Тимор, куда они прибыли после завершения высадки на Амбон, а затем, 25 февраля, у Макассара присоединились к эскорту конвоя.

Примерно в 200 милях позади конвоя величественно следовали тяжелые крейсеры «Нати» и «Хагуро».

Колонна транспортов, растянувшаяся на 20 миль, представляла из себя весьма экзотическое зрелище. Плохо обученные команды бывших судов торгового флота, превращенных в войсковые транспорты, совершенно не считались с требованиями военного времени. Многие транспорты дымили трубами так, что дым поднимался почти на милю в небо. Несмотря на приказ о радиомолчании, вовсю работали судовые передатчики. Не соблюдалось и затемнение по ночам.

Будь в этом районе подводные лодки противника, они могли бы хорошо потрудиться над столь легкой добычей.

Утром 26 февраля море южнее Борнео было спокойным. Я проснулся после короткого сна в походной каюте и ознакомился с последней информацией. Наши разведывательные самолеты и агентура сообщали о мощных и обширных минных полях, прикрывающих побережье Сурабаи, отмечая также, что подходы к берегу заграждены корпусами затопленных судов.

В 8 часов утра из собирающихся на юго-востоке облаков неожиданно вынырнула летающая лодка «Каталина», держа курс прямо на мой эсминец.

«Прямо по курсу самолет противника. Открыть огонь!» — скомандовал я.

Один из наших зенитных пулеметов встретил «Каталину» длинной очередью. Та сбросила бомбы немного раньше, чем нужно — огромный столб воды встал примерно в 500 метрах от носа «Амацукадзе».

«Каталина» развернулась, набрала скорость и быстро исчезла в облаках юго-восточного горизонта, откуда и появилась. Все это произошло настолько быстро, что мы даже не успели поволноваться.

Я был весьма озадачен тем фактом, что самолет-разведчик противника решил выйти в бомбовую атаку, выбрав при этом почему-то эсминец вместо набитого войсками неуклюжего транспорта. Но как бы то ни было — появление «Каталины» говорило о том, что противник хорошо осведомлен о проводимой нами операции.

Второй загадкой этого дня было появление на горизонте

большого белого парохода, идущего прямо на нас. Рассмотрев его в бинокль, я понял, что это госпитальное судно водоизмещением около 4000 тонн.

Мы подняли сигнал, приказывающий пароходу остановиться для инспекции и пошли навстречу ему. В бинокль я видел, как небольшого роста пожилой мужчина дрожащими руками застегивает на себе форменный китель на крыле ходового мостика судна. Видимо, это был капитан.

Сблизившись, я прочел название на борту парохода — «Оптеннот». Книга регистра подтвердила, что это голландское госпитальное судно. Лейтенант Горо Ивабучи и шесть вооруженных унтер-офицеров составили призовую партию, которая поднялась на борт плавгоспиталя.

Примерно через час они вернулись и доложили, что на борту парохода, помимо команды, находятся пятнадцать врачей и медсестер. Я запросил инструкций у адмирала Танака, который ответил: «В этом районе даже госпитальное судно нежелательно. Отправьте его на тыловую позицию на якорь вместе в нашими судами снабжения». Таким образом, почти все утро я потратил, эскортируя голландский пароход. Передав его наконец командиру отряда транспортов снабжения, я полным ходом поспешил обратно ив 14:15 снова вступил в охранение конвоя. В этот момент над конвоем появилось несколько истребителей, взлетевших с Баликпапана, чтобы обеспечить нам воздушное прикрытие. Адмирал вызвал их после того, как нас пыталась атаковать «Каталина». Истребители оставались над нами до 19:00. К этому времени, разводя волну, задул холодный бриз. Я спросил у штурмана, когда заход солнца? Лейтенант Тосио Кояма ответил, что заход солнца произойдет в 19:48.

Я закурил сигарету, но не успел ее докурить, как услышал грохот зениток. Стрелял крейсер «Дзинтцу». Взглянув в небо, я увидел пару бомбардировщиков «B-17», появившихся из облаков на высоте 4000 метров, и приказал открыть заградительный огонь.

Наши 127-мм орудия задрались вверх под углом 75 градусов, но не могли на такой высоте достать противника. Об орудиях меньшего калибра и говорить нечего, но тем не менее они открыли яростный огонь, как бы надеясь отпугнуть противника шумом своих выстрелов. «Летающие крепости», вылетевшие, видимо, с аэродромов Явы, сбросили шесть 250-килограммовых бомб. Четыре из них упали примерно в 1500 метрах с правого борта «Амацукадзе». Две — подняли огромные столбы воды с левого борта эсминца «Хацукадзе». Прицел был явно неудачным.

Бомбардировщики, как и «Каталина» до них, предпочли

атаковать наши боевые корабли, а не транспорты. Видимо противник желал вывести из строя наши боевые корабли с тем, чтобы его подошедший флот мог без помех заняться беззащитными транспортами. Я с тревогой обшаривал биноклем горизонт, ожидая появления надводных кораблей противника.

На следующий день бомбардировщики поймали нас полностью врасплох. Вскинув бинокль, я обнаружил два «B-17», идущих ниже кромки облаков на высоте 4000 метров. Надо сказать, что элемент внезапности был ими полностью достигнут. Только не совсем точное бомбометание не дало им возможности полностью использовать свой шанс. Но меня снова удивил тот факт, что в качестве цели «летающие крепости» опять выбрали боевые корабли. Попади хоть одна из их 250-килограммовых бомб в какой-нибудь из наших набитых солдатами транспортов, тот наверняка пошел бы ко дну, серьезно нарушив нам весь график операции.

Через десять минут после появления последней пары «летающих крепостей» конвой изменил курс на 90 градусов — прямо к Сурабае. Вскоре пришло сообщение с японского разведывательного самолета, вылетевшего с Баликпапана: «Пять крейсеров и шесть эсминцев противника в 12:00 в 63 милях от Сурабаи, пеленг 310 градусов. Соединение противника следует курсом 80 градусов со скоростью 12 узлов».

Со следовавшего далеко сзади конвоя тяжелого крейсера «Нати» немедленно катапультировали разведывательный самолет, чтобы установить контакт с соединением противника. На удивление этот отряд противника находился совсем близко от нас, следуя на пересечение с нашим курсом. Хотят ли они вступить в бой? С тревогой мы ожидали новых сообщений с разведывательного самолета.

Прошли два долгих томительных часа. В 14:05 самолет с тяжелого крейсера «Нати» радировал, что соединение противника из пяти крейсеров и десяти эсминцев продолжает следовать тем же курсом.

Поскольку два наших тяжелых крейсера все еще находились в 150 милях за кормой, подходящие силы противника выглядели намного внушительнее кораблей нашего эскорта. Адмирал Танака приказал транспортам повернуть на север.

Я перестал чувствовать тропическую жару. Холодный пот катился по моему лицу. Мы, благодаря целой серии ошибок, шли прямо в ловушку. Если противник именно сейчас увеличит скорость, он сможет легко разорвать наш конвой на куски, а затем топить транспорта один за другим, как мишени в тире. Меня даже прошиб озноб от такой перспективы.

Между тем, противник продолжал сближаться с нами, все еще следуя, к моему величайшему удивлению, со скоростью 12 узлов. А в 15:10 самолет с «Нати» передал потрясающую новость: «Соединение противника развернулось на обратный курс, следуя к Сурабае».

Находящийся на мостике крейсера «Нати» адмирал Такаги рассмеялся:

— Наверное, они просто вышли из гавани на время воздушного налета, а теперь возвращаются. Противник не в той форме, чтобы сражаться с нами. Нам удастся осуществить операцию согласно плану и графику. Конвою можно снова поворачивать на юг.

Однако в 16:30 пришло еще одно не менее удивительное радио с разведывательного самолета: «Соединение противника снова легло на прежний курс, ведущий на сближение с конвоем. Соединение противника перестроилось из двух колонн в одну кильватерную колонну и увеличило скорость. Курс — 20 градусов».

Через минуту пришло следующее сообщение: «Скорость противника 22 узла. Направление — прямо на наш конвой».

Теперь уже не оставалось никаких сомнений относительно намерений противника. Я сверился с картой и убедился, что дистанция до противника составляет 60 миль. Раз мы сближаемся со скоростью 20 узлов, то встретимся в пределах полутора часов.

Наш дивизион быстро перестроился в кильватерную колонну. Головным лидером шел легкий крейсер «Дзинтцу», ведя за собой четыре эскадренных миноносца. Транспорты развернулись на север, теряя строй и рассыпаясь веером. Было жалко смотреть на их низкую скорость и полный хаос какого-либо управления.

Но наиболее раздражающим было медленное приближение к району предполагаемого боя тяжелых крейсеров, все еще находящихся где-то далеко за кормой. А я просто не представлял себе, как без них мы собираемся сражаться с мощным соединением противника. Если противник увеличит скорость до 30 узлов, он может появиться в видимости в любой момент. Что нам тогда делать?

К 17:00 удалось справиться с хаосом, в который впали транспорты. Их кое-как снова построили и попытались увести из этого района под эскортом сторожевиков и тральщиков. В нашу колонну пристроились еще четыре эсминца. За нашей кормой в боевой ордер построился другой дивизион эсминцев, возглавляемый легким крейсером «Нака». Мы шли теперь со скоростью 24 узла в полной готовности к бою.

Я не переставая водил биноклем по линии горизонта в

надежде на появление тяжелых крейсеров. Но тщетно. Горизонт был пуст.

— Корабль противника! — неожиданно закричал старшина группы сигнальщиков Сигеру Ивата, имевший поразительно острое зрение. Я взглянул в указанном направлении, увидел несколько мачт, встающих над линией южного горизонта. Затем появились легко опознаваемые надстройки, принадлежащие голландскому крейсеру «Де Рейтер».

— «Де Рейтер» на расстоянии 28 тысяч метров (около 20 миль), — доложил Ивата. — Идет на сближение!

Я оглянулся. Тяжелых крейсеров еще не было и в помине. Только куча транспортов, сгрудившихся за нашей кормой.

— Приготовиться к открытию огня! — приказал я. — Цель — головной корабль вражеской колонны!

На корабле внезапно наступила полная тишина. Эсминец шел в свой первый бой!

Тишина была прервана криком старшины Ивата:

— «Нати» и «Хагуро» на горизонте!

Давно ожидаемые крейсера наконец величественно выплыли в восточную часть горизонта. Они были еще очень далеко, но я облегченно вздохнул и отметил время — 17:30.

Корабли противника внезапно повернули на запад и легли на курс почти параллельный нашему. Этот маневр противника тоже был не совсем понятен. Он же видел нашу колонну, но почему-то отказался идти прямо на нас. Оставаясь на прежнем курсе, союзники могли бить по нашим кораблям полным бортовым залпом, в то время как мы могли бы действовать только носовыми орудиями.

Благодаря этому странному маневру противника, нам удалось еще выиграть время. Адмирал Такаги даже подпрыгнул от радости, когда еще с дистанции 36 тысяч метров увидел, что противник поворачивает на параллельный курс. Он понял, что теперь успеет прийти на помощь нашим кораблям. На мачте «Нати» был поднят сигнал: «Развернуться в три колонны. Курс 170 градусов (южный)».

Через минуту легкий крейсер «Нака» открыл огонь по противнику с расстояния 22 тысячи метров, которое оказалось слишком большим для его 140-мм орудий.

Поняв свою ошибку, адмирал Такаги быстро изменил свое решение, подняв сигнал: «Лечь на курс параллельный противнику».

Крейсер «Дзинтцу» развернулся вместе со своими четырьмя эсминцами и, пройдя полным ходом около 10 000 метров новым курсом, также открыл огонь из своих шести 140-мм орудий по

крейсеру «Де Рейтер», который находился теперь примерно в 18 тысячах метров от нас. Снаряды упали с большим недолетом. Четыре эсминца шли за крейсером не открывая огня. Для наших 127-мм орудий это было бы напрасной тратой снарядов. «Нати» и «Хагуро» также было открыли огонь из своих восьмидюймовок (203-мм орудия) с дистанции 25 тысяч метров. Но и их орудия еще не могли достать до противника. Союзные корабли снова изменили курс — не этот раз на юго-запад, желая, видимо, увеличить расстояние между собой и нами. Орудия противника дали по нашим кораблям залп, но и для них дистанция была слишком большой. Все их снаряды легли с большим недолетом.

В 18:05 контр-адмирал Шодзи Нисимура, командир 4-й эскадры эсминцев, видимо, потеряв терпение от этой бесполезной артиллерийской дуэли на предельной дистанции, приказал своим кораблям дать по противнику торпедный залп. С расстояния более 15 тысяч метров крейсер «Нака» и его семь эсминцев выпустили по кораблям союзников 43 торпеды.

Кислородные торпеды — гордость нашего флота — могли пройти 40 000 метров со скоростью 36 узлов. Но с такой дистанции даже от них вряд ли можно было ожидать попаданий, разве что по чистой случайности. Из выпущенных торпед около дюжины взорвались, пройдя всего несколько тысяч метров. От чего произошли эти преждевременные взрывы — очень трудно сказать. Возможно, имел место какой-нибудь механический дефект или две торпеды столкнулись друг с другом, а взрыв одной детонировал остальные. Другие торпеды продолжали путь к цели, но ни одна из них не попала.

После торпедной атаки соединение союзников резко повернуло на юг.

К 18:33 адмирал Такаги пришел к выводу, что мы просто будем попусту тратить время и боеприпасы, если собираемся продолжать бой в той же непринужденной манере. И он отдал приказ всем кораблям «сблизиться и атаковать противника», поскольку боялся, что союзные корабли могут исчезнуть в темноте.

Между тем, соединение противника, повернув вправо, теперь направлялось на запад. Наши корабли также повернули на запад и дали залп по противнику. Через четыре минуты английский крейсер «Экзетер» был охвачен языками пламени, внеся полную сумятицу в неприятельский строй. Корабли противника начали ставить дымовую завесу. (Позднее стало известно, что 8-дюймовый снаряд с «Нати» или «Хагуро» попал в боевые погреба «Экзетера»). «Экзетер», идущий вторым в колонне противника, стал быстро терять скорость. Он покатился влево, с трудом

избежав столкновения со следующим за ним американским тяжелым крейсером «Хьюстон».

Далее стали следовать вообще удивительные вещи. «Хьюстон», видимо, не поняв, что «Экзетер» просто вышел из строя, также повернул влево, и только флагманский крейсер «Де Рейтер» продолжал еще идти прямо на нас. Через несколько минут голландский крейсер обнаружил, что продолжает сближаться с противником в одиночку и начал разворачиваться, чтобы присоединиться к остальным кораблям, чуть не столкнувшись при этом с эсминцем сопровождения.

Внезапный хаос, воцарившийся в неприятельском строе, дал нам возможность сблизиться с ними, и восемь японских эсминцев, включая и мой, развив скорость 30 узлов, устремились в атаку. Между тем, союзные корабли перестроились, поставив в конец колонны подбитый «Экзетер», и их орудия открыли огонь по нашим эсминцам. Находясь в 7000 метров от противника, идущий впереди моего «Амацукадзе» эсминец «Токицукадзе» получил прямое попадание снарядом. С «Токицукадзе» повалили клубы белого дыма, охватившие и наш эсминец и ослепившие всех, стоявших на мостике, у орудий и торпедных аппаратов.

Вокруг продолжали падать снаряды, поднимая столбы воды с правого и левого борта, но, к счастью, ни один из них не угодил в мой корабль. Я сжал зубы и продолжал вести эсминец вперед, чтобы выйти на дистанцию эффективной торпедной атаки, несмотря на то, что снаряды противника падали все ближе.

Противник шел на северо-запад — прямо навстречу нам. Теперь до него было еще 6000 метров. Необходимо было ждать, когда расстояние-до противника уменьшится хотя бы до 5000 метров.

В 19:27 контр-адмирал Танака приказал своему флагманскому крейсеру «Дзинтцу» выпустить по союзникам восемь торпед. В тот момент, когда крейсер выпустил торпеды, снаряд противника упал рядом с нашим эсминцем. Водяной столб обрушился на мостик, окатив меня водой.

Я впервые находился под огнем противника и испытывал, если не трусость, то по крайней мере сильное волнение и опасался, что потеряю способность хладнокровно управлять кораблем.

Между тем я увидел, как еще шестнадцать торпед вылетели в воду из аппаратов «Юкикадзе» и «Токицукадзе». Увидев это, я также дал команду произвести торпедный залп, а затем также поступили и четыре эсминца, следующие за «Амацукадзе».

Я пытался вычислить шансы на попадание. На дистанции в 6000 метров они выглядели весьма незначительными — менее

5%, то есть примерно три попадания из 72-х торпед. Но я ошибся.

Корабли противника резко повернули на запад, и я понял, что добрая половина наших торпед пройдет у них за кормой. Я успел подумать, что вообще все торпеды прошли мимо, когда внезапно увидел огромный взрыв — торпеда попала в голландский эсминец «Кортенер», который мгновенно затонул. Одно попадание из 72-х! Как плохо мы целились и как превосходно противник совершал маневр уклонения!

В этот момент на дистанцию выпуска торпед вышел контр-адмирал Нисимура с крейсером «Нака» и семью эсминцами. Развернувшись, они выпустили по противнику еще 64 торпеды. Противник снова повернул на 90 градусов — на этот раз на север. Это был совершенно фантастический маневр, и все 64 торпеды прошли мимо. Противник, между тем, поставил дымзавесу и снова развернулся на боевой курс двумя четкими поворотами на 90 градусов. О Подобной тактике ничего не говорилось в наставлениях нашего флота. Я стоял, смотрел и изумлялся.

В этот момент вражеский снаряд угодил в эсминец «Асагумо», убив пять и ранив девятнадцать человек, временно выведя из строя машину.

После выпуска торпед наша 2-я эскадра и 4-я эскадра Нисимуры развернулись, описав полную окружность, чтобы выйти на прежний курс.

В итоге этого маневра расстояние до противника снова увеличилось. Казалось, что все наши шансы потеряны. Но поведение противника в этом бою продолжало оставаться непостижимо загадочным. Развернувшись на боевой курс, союзные корабли снова закрылись еще одной дымовой завесой, под прикрытием которой повернули прямо на север. Намерения противника при этом были совершенно неясными. Возможно, они все еще хотели напасть на наш конвой.

Наконец, идущие за нами тяжелые крейсеры «Нати» и «Хагуро» вышли на визуальную видимость с противником и в 20:00 с дистанции 16 000 метров выпустили по союзным кораблям 16 торпед. Но расстояние было слишком большим. Противник снова совершил маневр уклонения и все торпеды прошли мимо. После этого союзный флот полным ходом стал отходить в южном направлении в сторону Сурабаи.

Быстро темнело, и в южном направлении можно было наблюдать проблески маяка Сурабаи.

В 20:30 адмирал Такаги приказал прекратить преследование противника и сосредоточиться вблизи транспортного конвоя.

Произошедший бой фактически стал серией ошибок, в изобилии допущенных обеими сторонами. Почти все на кораблях

эскадры адмирала Танака были недовольны приказом прекратить сражение. Боезапаса у нас оставалось вдоволь, и у всех было ощущение, что в ходе преследования нам удалось бы покончить с противником.

Убедившись в том, что эскадренные миноносцы перестроились и снова вступили в охранение конвоя, адмирал Такаги приказал своим крейсерам «Нати» и «Хагуро» застопорить машины и поднять на борт пять гидросамолетов-разведчиков, выпущенных ранее катапультами тяжелых крейсеров. За подобное решение адмирал Такаги чуть не заплатил жизнью. Его спасли лишь совершенно невероятные промахи, допущенные противником.

Зацепить стрелой и поднять на борт прыгающие на волнах гидропланы было делом технически достаточно сложным и требующим довольно много времени. Позднее, в ходе войны, японские корабли просто бросали в море катапультированные с кораблей самолеты, но пока, в период наших побед, никто не мог себе позволить бросить на верную гибель в море самолеты и пилотов. Так что адмирал Такаги принял совершенно правильное решение, приказав поднять на борт своих тяжелых крейсеров разведывательные самолеты. Он только совсем неправильно оценил действия противника, считая, что союзные корабли бежали в Сурабаю.

В 20:50, когда на борту «Нати» возились с последним, пятым, самолетом, сигнальщик на мостике неожиданно закричал:

— Вижу 3-ю дивизию линейных кораблей! Капитан 2-го ранга Исикава вскинул бинокль.

— Гмм… — пробормотал он, — трехмачтовые корабли… Да, они напоминают «Харуну» и «Киришиму».

— А откуда они здесь взялись? — поинтересовался вахтенный офицер. — Два дня назад они находились в Индийском океане…

Прошло еще полминуты, и Исикава с ужасом убедился, что перед ним неизвестно откуда взявшиеся корабли противника. Они находились всего в 12 000 метров и шли прямо на стоявшие без хода крейсера адмирала Такаги.

На стоявших с застопоренными машинами тяжелых крейсерах началась суматоха. Мало того, что корабли стояли без хода, их личный состав не находился на своих местах по боевому расписанию, и корабли совершенно не были готовы к бою. Противник, осветив наши корабли парашютными ракетами, вполне мог в этом убедиться. Адмирал Такаги с такой силой закусил губы, что по его подбородку побежал ручеек крови. Он на мгновение потерял самообладание. Под вой сирен боевой тревоги адмирал прорычал:

— Быстро кончайте с самолетом! Все по местам! Томительно шли секунды. Одна минута, две, три... Наконец последовал доклад, что крану удалось подцепить самолет, и тут же Такаги приказал дать полный ход назад. С болтающимся на концах самолетом, «Нати» стал двигаться задним ходом. В этот момент крейсера противника открыли огонь, и море вокруг закипело от падающих снарядов.

Ожидая, пока «Нати» и «Хагуро» наберут минимальную боевую скорость 18 узлов, адмирал Такаги приказал поставить дымовую завесу. Под ее прикрытием крейсера развернулись и открыли ответный огонь, не решаясь однако действовать прожекторами. Начавшаяся на дистанции 12 000 метров артиллерийская дуэль вылилась для обеих сторон в напрасную трату снарядов. Через 10 минут «Нати» и «Хагуро» потеряли противника из вида, и кризис благополучно миновал.

Но беспокойство не улеглось. Адмирал Такаги высказал предположение, что противник может, обойдя его крейсера, прорваться к транспортам. И тяжелые крейсера Такаги, развив скорость 30 узлов, ринулись на поиск кораблей противника, которые их так напугали 20 минут назад.

Такаги приказал легкому крейсеру «Дзинтцу», находящемуся в 5000 метров от него, выпустить в воздух самолет-разведчик для поиска противника.

В 21:45 самолет с «Дзинтцу» радировал: «Соединение противника из четырех крейсеров и шести эсминцев движется южным курсом».

Видимо, тяжелые крейсера адмирала Такаги столкнулись в темноте с соединением противника, когда те производили последний поворот на 90 градусов при развороте на обратный курс. Для союзников эта встреча была столь же неожиданной, что и для нас. Не желая отказываться от запланированного поворота на юг, они упустили превосходный шанс вывести из строя стоявшие без хода «Нати» и «Хагуро», а затем устроить бойню транспортам, оставшимся без прикрытия.

Правда, противник, как позднее выяснилось, уже понес к этому времени потери. Горящий «Экзетер» отходил в сторону Сурабаи. Три эсминца были потоплены, а шесть других — тяжело повреждены и также покинули район боя.

В 00:09 1 марта эсминец «Фубуки» обнаружил два неопознанных корабля примерно в 10 000 метрах восточнее о. Бэби вблизи бухты Бантен — в 500 милях от района боя в Яванском море.

Командир эсминца капитан 2-го ранга Ясуо Ямашита вначале опознать эти корабли не смог. «Фубуки» развернулся и

приблизился к этим двум таинственным кораблям со стороны кормы и тогда опознал их.

Это были «Хьюстон» и «Перт». Остается загадкой, как им удалось в течение суток оставаться незамеченными японской воздушной разведкой.

После долгих часов боя в Яванском море на кораблях оставалось мало боезапаса и топлива. Оба крейсера противника отходили на базу для пополнения запасов и были ошеломлены, увидев в бухте Бантен пятьдесят шесть японских транспортов, готовых к высадке десанта. Не раздумывая ни секунды, «Хьюстон» и «Перт» начали обстрел японских транспортов.

Было 00:37. Среди двенадцати эскортных кораблей контр-адмирала Акисабуро Хара началась суматоха и хаос. Выскочивший наперерез противнику эсминец «Харукадзе» стал ставить дымовую завесу.

Эсминец «Фубуки» с дистанции 8000 метров выпустил по крейсерам противника 9 торпед и успел передать адмиралу по радио: «Два неопознанных корабля входят бухту». Эсминцы охранения открыли огонь по всему подозрительному, т.е. друг по другу.

Тем не менее, в течение часа оба корабля противника были потоплены. Три японских транспорта получили тяжелые повреждения, а один, на котором находился штаб командования десантными силами, пошел на дно. Командующий десантными силами генерал Имамура вынужден был броситься за борт и вплавь добираться до берега.

Позднее специальная следственная комиссия разбиралась: каким образом были потоплены наши транспорты и пришла к выводу, что в них попали торпеды с «Фубуки», выпущенные с расстояния 8000 метров.

В то время, как вблизи Сурабаи почти без всяких помех наши войска высаживались на берег, тяжелые крейсера «Нати» и «Хагуро» также не стояли без дела. Они обнаружили еще одну группу из трех оставшихся кораблей противника, идущую на север вблизи о. Бевин. Это произошло около полудня. К этому времени к крейсерам адмирала Такаги присоединились еще два крейсера «Асигара» и «Миоко». В 13:30 им удалось отправить на дно подбитый английский крейсер «Экзетер». Через 10 минут был потоплен английский эсминец «Энконтер», а в 15:30 было покончено с американским эсминцем «Поуп».

Только четырем американским эсминцам удалось уйти из пролива Бали на юг. Четыре других были потоплены нашими самолетами, поднявшимися с палуб авианосцев адмирала Нагумо. Из конвоя, направлявшегося к Яве, не был потерян ни

один транспорт, не говоря уже о боевых кораблях. Адмирал Такаги выполнил свою задачу и добился убедительной победы над объединенными силами союзников.

Тем не менее, адмирал Такаги подвергся суровой критике за совершенную им «серию грубейших ошибок». Особенно сильно его критиковали за то, что он приказал открыть огонь с дистанции 28 000 метров, бездумно расходуя боеприпасы. Когда бой завершился, то на крейсере «Нати», например, оставалось всего по семь снарядов на каждое орудие главного калибра. На легком крейсере «Дзинтцу» фактически уже не оставалось топлива и корабль почти дрейфовал. Старший артиллерист крейсера «Нати» прокомментировал действия адмирала Такаги так: «Он — подводник и понятия не имеет, как действовать корабельной артиллерии».

Адмирал Такаги и его начальник штаба капитан 1-го ранга Нагасава оправдываться не пожелали. Вскоре адмирал был смещен с должности и направлен командовать соединением подводных лодок. А вызванный в Токио Нагасава был переведен в управление кадров флота.

Меня этот бой многому научил. После неудачной торпедной атаки на корабли противника мы фактически оставались вне боя. Поэтому я мог внимательно за всем наблюдать. И этот один бой дал мне больше, чем сотни довоенных маневров и учений, в которых мне приходилось принимать участие.

6

28 февраля, убедившись, что воды вокруг Сурабаи полностью очищены от надводных кораблей противника, контр-адмирал Танака приказал моему эсминцу следовать в Банджармасин для заправки топливом. По дороге я должен был эскортировать захваченное накануне голландское госпитальное судно до ближайшей японской базы на о. Борнео.

На всех кораблях нашей флотилии уже остро ощущалась нехватка топлива, а на моем «Амацукадзе» его оставалось в обрез, чтобы экономичным ходом 18 узлов добраться до Банджармасина. Адмирал предупредил, чтобы я принял максимальное количество топлива, поскольку рассчитывал за счет этого пополнить запас топлива и на других эсминцах.

Проходя мимо острова Бевин, мы заметили в воде людей. Подойдя ближе, мы обнаружили сотни моряков, видимо, с одного из кораблей противника, потопленного накануне в ночном бою. Несчастные взывали о помощи, просили воды, но я ничего

сделать не мог. Мой небольшой корабль мог принять на борт от силы человек 40-50. А что делать с остальными? Как выбирать кого спасти, а кого — нет? Кроме того, я шел на остатках топлива и, займись я спасением людей, то уже вряд ли самостоятельно добрался до порта. Закрыв глаза, я попросил у богов милости для этих людей и отправил радиограмму адмиралу Танака: «Более ста моряков с потопленных кораблей противника находятся в воде в 60 милях от о. Бевин по пеленгу 270. Примите меры к спасению».

1 марта, приняв топливо в Банджармасине, мы направились обратно в Сурабаю. Проходя мимо острова Бевин, мы уже не обнаружили ни одного человека. Я был очень расстроен, когда позднее выяснил, что никаких мер к их спасению принято не было.

Продолжая анализировать сражение в Яванском море, я никак не мог понять: почему в нем не приняли участие союзные подводные лодки? Возможно, потому что оно было очень коротким, и они просто не успели сосредоточиться в районе боя?

Размышляя таким образом, я вдруг увидел по левому борту бурлящую воду и пену, как бывает при погружении подводной лодки. Я запросил гидроакустический пост, откуда мне ответили, что при скорости 20 узлов, на которой мы шли, акустическая аппаратура не действует.

Я продолжал смотреть на бурлящую пену, которая уже осталась за кормой, продолжая держать эсминец на прежнем курсе и раздумывая, не повернуть ли обратно, пока не поздно, и атаковать лодку. Но так и не сделал этого, ругая себя за нерешительность и упущенную возможность.

Если лодка погрузилась, то значит она заметила наше приближение, находясь в надводном положении.

Как же случилось, что мы ее не заметили? Старшина сигнальщиков Ивата, чьи сверхзоркие глаза не раз всех нас выручали, виновато смотрел на меня и вздыхал...

По возвращении мы поделились горючим с крейсером «Дзинтцу» и тремя эсминцами, чьи топливные цистерны были уже почти пусты. Закончив приемку топлива, «Дзинтцу» и четыре эсминца вышли в море и, построившись фронтом на дистанции 2500 метров друг от друга, начали поиск подводных лодок противника.

Вечер был облачный с ограниченной видимостью, но море было спокойным. Мои матросы еще были злы и разочарованы, вспоминая промашку, допущенную накануне.

Поиск подводных лодок нашими кораблями, не имеющими радаров, требовал исключительного терпения. Обнаружение лодок зависело от острых глаз сигнальщиков и весьма

ненадежного акустического оборудования. Все пять кораблей ходили зигзагами на 18 узлах в течение 6 часов, но ничего не обнаружили. Терпение иссякало, сигнальщики выглядели измученными.

В 03:40 раздался крик сигнальщика Буничи Икеда:

— Неопознанный объект справа по носу по пеленгу 30... Возможно подводная лодка!

Вся взгляды устремились в указанном направлении. Действительно, там что-то было. В этот момент Икеда снова крикнул:

— Точно подводная лодка!

Старшина сигнальщиков Ивата, вглядевшись в темноту, подтвердил:

— Подводная лодка. Абсолютно точно!

Я шагнул к треноге, на которой был смонтирован 20-сантиметровый бинокуляр и пытался определить, что обнаружили сигнальщики.

Не было сомнений — на расстоянии 6000 метров от нас на поверхности находилась подводная лодка, видимо, в аварийном состоянии.

Сыграли боевую тревогу, приготовили глубинные бомбы, комендоры застыли у орудий, прожектористы были готовы по команде осветить цель.

Усталость и дремоту сняло, как рукой. Набирая скорость, эсминец пошел на сближение с лодкой. За нами цел эсминец «Хацукадзе», на который синим сигнальным фонарем мы сообщили обстановку.

— Подводная лодка в надводном положении! — доложил Ивата. — Дистанция 3500 метров.

Мы неслись теперь на скорости 26 узлов.

— Огонь открыть с расстояния 2500 метров, когда мы приведем ее на пеленг 60 градусов, — предупредил я лейтенанта Акино.

Похоже, что лодка дрейфовала. Подойдя на дистанцию 2700 метров, я начал плавный разворот влево и дал команду:

— Открыть огонь! Включить прожектора! Шесть наших 127-мм орудий ударили залпом. В бинокль я ясно видел, как несколько человек беспомощно бегали по палубе подводной лодки. Через мгновение они исчезли в двух ярких вспышках взрывов.

Затем громыхнул второй залп. Из шести снарядов один снова поразил лодку. Третьим залпом было достигнуто еще одно прямое попадание. Лодка загорелась.

«Хацукадзе» также открыл огонь. Первый залп его лег

перелетом, второй чуть с недолетом, а третьего залпа эсминец сделать не успел — подводная лодка затонула так быстро, что от нее не осталось и следа, когда мы подошли к месту ее гибели.

(Это была американская подводная лодка «Перч» (SS-176). Однако она не погибла под этой атакой. Лодка всплыла в попытке отремонтировать ранее полученное повреждение, когда была атакована двумя японскими эсминцами. Погрузившись, уходя от атаки Хары, лодка произвела ремонт и снова всплыла на рассвете 3 марта. Позднее она подверглась нападению двух других японских эсминцев и была затоплена своим экипажем.)

Чтобы завершить работу, мы сбросили для верности еще несколько глубинных бомб.

На следующий вечер мы продолжили нашу охоту. Погода испортилась, временами шел дождь. Стало невозможно пользоваться большими биноклями и бинокулярами, так как их линзы заливались водой. Видимость упала до нескольких тысяч метров.

Около 20:30 я заметил вдали тусклый мерцающий огонек справа по носу «Амацукадзе». Огонек мелькнул и быстро исчез. Как будто кто-то вдалеке зажег спичку. Я достал свой маленький карманный бинокль и стал всматриваться в темноту. Создавалось впечатление, что кто-то стоит на палубе и курит сигарету. Расстояние было примерно 4000 метров прямо по носу «Амацукадзе».

Я приказал увеличить скорость и помчался через ночную тьму на этот огонек и вскоре обнаружил подводную лодку, идущую хорошей скоростью на восток в надводном положении.

Мы увеличили скорость до 26 узлов, выходя на параллельный с лодкой курс на дистанции 2300 метров.

Грохнул первый залп наших орудий. Все снаряды легли с перелетом. В следующее мгновение я увидел две зловещих пенных змеи, прошмыгнувших всего в нескольких футах по носу эсминца. Кто-то закричал: «Торпеды», — и у меня по спине пополз холодок. Но мой страх полностью улетучился, когда два снаряда нашего второго залпа попали в цель.

Затем последовал третий залп, в котором было достигнуто еще одно прямое попадание. Пламя вырвалось из рубки подводной лодки, и она, охваченная пожаром, скрылась в волнах.

Мы резко развернулись вправо и сбросили 6 глубинных бомб. Море содрогнулось и закипело под их взрывами. Затем наступила тишина, нарушаемая только шумом дождя. В судьбе противника можно было не сомневаться. Прочесав район гидролокаторами, мы в 23:45 взяли курс на базу.

На следующий день погода улучшилась, и вечером мы

тронулись в район поиска подводных лодок противника в 39 милях от острова Бевин по пеленгу 245. На месте вчерашнего боя растеклось огромное пятно солярки. Я вызвал наверх матросов из нижних отделений эсминца, чтобы они смогли полюбоваться на результаты нашего общего дела. Воспользовавшись этим, я обратился к экипажу с короткой речью, напомнив, что за несколько месяцев боевых действий мы еще не потеряли ни одной живой души, и выразив надежду на то, что подсобная удача будет нам сопутствовать и в дальнейшем.

— Взгляните на это пятно солярки, — - сказал я. — Оно выбито нашими снарядами из вражеской подводной лодки, ставшей огромным склепом для более 100 человек своего экипажа. Они все погибли из-за непростительной глупости какого-то своего товарища, курящего на верхней палубе. Я обнаружил лодку по спичке, которую тот зажег.

— Противник, — продолжал я, — знал свое дело. Его торпедный залп был ужасающе точным, а «Амацукадзе» — на волосок от гибели. Хорошенько запомните — идет война. От одного безответственного разгильдяя, курящего на палубе, может погибнуть эсминец и все мы — двести пятьдесят человек его экипажа. Сделайте для себя вывод. Для себя я вывод уже сделал. После всего случившегося я уже не смогу больше курить.

Затем, по японской традиции, мы совершили короткую молитву по нашим жертвам, а затем я вызвал сигнальщика Икеду, который первым обнаружил подводную лодку 2 марта, и выдал ему из своего кармана премию в 10 иен (примерно 4 доллара). Кроме того, я приказал выдать ему пачку бумажных полотенец, мыло и сигарет, а также сертификат о приоритетном праве на десять увольнений на берег.

В последний день марта «Амацукадзе» принял участие в захвате острова Рождества, находящегося примерно в 200 милях южнее Явы.

Этот изолированный остров не только был очень важным стратегическим пунктом, но на нем имелось также большое количество фосфата.

Эта операция оказалась легче любой другой, в которой мне приходилось участвовать. После предварительной бомбежки с воздуха (дюжина бомбардировщиков) и с моря (2 крейсера и 4 эсминца) британский гарнизон капитулировал, не дожидаясь высадки десанта. Около сотни английских солдат были взяты в плен и затем использовались при погрузке фосфата на наши суда.

Однако на второй день этой легкой операции произошло печальное событие. 1 апреля в 18:05 я заметил зловещий белый след, приближающийся к нашему флагманскому кораблю —

крейсеру «Нака». Это была торпеда, выпущенная подводной лодкой с расстояния не более 700 метров в правый борт крейсера. «Нака» пытался резко отвернуть вправо, но было слишком поздно. Торпеда попала в самую середину правого борта, образовав пробоину диаметром около 5 метров. От силы взрыва рухнула за борт одна из мачт крейсера. Каким-то чудом никто из экипажа не пострадал. Наши четыре эсминца и два сторожевика ринулись прочесывать район, забрасывая его глубинными бомбами. Но подводная лодка исчезла также внезапно, как и появилась. Я до сих пор восхищаюсь ее доблестью и мастерством. (Атака была произведена американской подводной лодкой «Сивульф» (SS-197).) Лодка проникла в узость, охраняемую четырьмя эсминцами, и выпустила торпеды с максимально близкого расстояния.

Хотя крейсер «Нака» и принял 800 тонн воды, его переборки выдержали, и корабль остался на плаву. Крейсер поковылял в Японию под эскортом нескольких эсминцев, а затем несколько месяцев простоял в ремонте. Такова была цена нашего благодушия и самодовольства.

Глава 3. Токийский экспресс

1

Захват острова Рождества ознаменовал окончание первой фазы японских операций в юго-восточной Азии. Более чем на месяц на Тихом океане наступило затишье.

3 апреля мой корабль, отконвоировав в Сурабаю подбитый легкий крейсер «Нака», присоединился к главным силам японского флота в Яванском море. На следующий день мы пришли в Батавию, а затем отправились в Макассар, где в течение пяти дней приводили в порядок материальную часть. Я разрешил своим матросам посменное увольнение на берег. Город, немного приутихший в период боев, теперь жил обычной мирной жизнью. Расцветала торговля. Лавки и магазины были наполнены таким разнообразием товаров, какого мы не видели и в Японии даже в мирное время.

После войны у многих японцев почему-то сложилось мнение, что Япония хотела заключить мир с союзниками весной 1942 года на приемлемых для обеих сторон условиях, что было бы, конечно, лучше безоговорочной капитуляции в 1945 году. Могу авторитетно заявить, что о мире в 1942 году никто из японских военных и политических руководителей даже не думал. Напротив, почти все высшие руководители вооруженных сил рассматривали оккупацию юго-восточной Азии как постоянную и вечную, твердо считая, что Япония, захватив эти районы с богатейшими ресурсами, стала абсолютно непобедимой.

Из Макассара мы вернулись в Сурабаю и, наконец, 17 апреля получили долгожданный приказ возвращаться домой — в Японию. Экипаж моего эсминца не скрывал своего ликования. Старослужащие матросы, надеясь на быстрое окончание войны, мечтали о демобилизации и возвращении к гражданской жизни. Офицеры предвкушали встречу с семьями.

Когда на горизонте появились зеленые холмы наших родных островов, на всех кораблях экипажи громко выражали свою радость.

2 мая «Амацукадзе» и другие эсминцы ошвартовались на своей родной базе в Куре. Сотни маленьких, утопающих в зелени островков, разбросанных по Внутреннему морю, выглядели мирно, гостеприимно и прекрасно. Мы пропустили цветение сакуры в начале апреля, но молодые листочки, покрывшие вишневые деревца, доставили нам такое же наслаждение, что и

цветы.

На следующий день после прибытия я приказал открыть корабельную лавку и, сведя требования службы к минимуму, старался обеспечить отдых для всех. Мой старпом — капитан-лейтенант Горо Ивабучи — был отправлен в город для организации корабельного банкета. В ресторане Морисавы он заказал банкет на двести сорок персон. Владелец ресторана предупредил, что поскольку многие корабли заказывают сейчас в городе подобные банкеты, еды в ресторане будет мало, но зато выпивки вдоволь.

На «Амацукадзе» все взвыли от восторга, узнав о предстоящем банкете. Жребий определил десять несчастных, которым суждено было остаться на вахте. Все остальные в 17:00 сошли на берег. Улицы Куре были буквально заполнены моряками с различных кораблей.

Предупрежденные владельцем ресторана о трудностях с закуской, мы захватили с собой из корабельных запасов большое количество разных консервов. Весь наш экипаж обслуживали всего пять гейш. Они старались как могли, поднося нам еду и напитки, пели и танцевали, стараясь ублажить двести сорок гостей. Вскоре под действием спиртного на помощь к ним пришли наши матросы, также начавшие петь и плясать. И, разумеется, почти все мои подчиненные подходили ко мне с индивидуальным тостом, как того требовала древняя национальная традиция.

Не знаю, сколько мне пришлось выпить, но я героически продержался до конца банкета, который закончился около полуночи.

На следующий день все мои моряки получили отпуск домой на срок от трех до шести суток. Первая треть экипажа съехала на берег в тот же день. Я сам выехал домой ночным поездом, который пришел в Камакуру рано утром 4 мая. Мое сердце радостно билось, когда еще из окна вагона я увидел зеленые кроны сосен над крышами домов и храмов древнего города.

На платформе меня встречала семья. Маленький Микито, которому уже было почти три года, сидя на руках у матери, кричал: «Папа! Папа!» Слезы счастья блестели на глазах моей жены и дочерей: двенадцатилетней Юко и девятилетней Кейко.

Хотя наш дом находился всего в 20 минутах ходьбы от станции, мне захотелось для пущей торжественности проделать этот путь на такси. Дети страшно обрадовались, поскольку им очень редко приходилось ездить на автомобиле.

Дома я прежде всего стал распаковывать подарки, которые я напокупал в далеких южных странах. Дети завизжали от радости

при виде шоколада, который в Японии стал уже большой редкостью.

Вечером наш сосед, господин Танзан Исибаши, пригласил нас с женой к себе на обед. Исибаши был редактором и издателем журнала «Тойо Кейзай» («Восточный экономист»), Я знал его как человека редких знаний и мудрости, но, конечно, и помыслить не мог, что он однажды станет премьер-министром Японии.

Насладившись обедом, мы с чашечками саке уединились в кабинете хозяина. Как экономист Исибаши горел желанием выяснить обстановку в юго-восточной Азии, как говорится, из первых рук.

— Достаточно ли силен наш флот, — спросил он, — чтобы контролировать столь огромный район и обеспечить Японию богатейшими запасами стратегического сырья?

В разговоре с человеком такого калибра было бы глупо даже попытаться скрыть правду.

— Мы выиграли серию сражений, — признался я, — только потому, что противник совершил гораздо больше промахов и глупостей, чем мы. Но, вы знаете не хуже меня, сколь огромны промышленно-производственные возможности наших врагов. В этой войне очень мало пространства остается для оптимизма в пользу нашей страны.

Мне показалось, что хозяин был ошеломлен услышанным. Цензура работала настолько четко, что никто ничего не знал об истинном положении дел на театре военных действий.

Через четыре дня после моего возвращения в Куре штаб Объединенного флота прислал приказ о новых назначениях для офицеров и многих членов экипажа моего эсминца. Практически все мои офицеры и половина старшин и матросов переводилась на другие корабли. Ко мне же направлялись новые офицеры и новобранцы-матросы. Видя, как наиболее опытные и обстрелянные офицеры и матросы покидают эсминец, я никак не мог взять в толк, чем руководствуется штаб флота, разбивая сплавленные, прошедшие бои экипажи. Другие командиры удивлялись этому обстоятельству не меньше меня. Теперь мне нужно было потратить минимум два месяца на учения, чтобы создать из вновь прибывших какое-то подобие экипажа боевого корабля, которому предстояло вернуться на театр военных действий.

Когда 20 мая был получен оперативный план захвата атолла Мидуэй, первой моей мыслью было то, что все в штабе Объединенного флота сошли с ума одновременно. Этой новостью со мной конфиденциально подселился адмирал Танака. Я пришел в ужас.

— Что это означает, господин адмирал? — заикаясь от волнения, спросил я. — Мы же совершенно небоеспособны с нашими новыми командами!

— Тсс, — уныло прервал меня Танака. — Я еще точно ничего не знаю и надеюсь, что это все слухи.

Тем не менее, буквально на следующий день, 21 мая, вся флотилия адмирала Танака — один крейсер и шесть эсминцев — получила приказ немедленно выйти из Куре и следовать на остров Сайпан, где и ожидать дальнейших приказов.

На следующий день после выхода из Куре я, находясь в рубке, услышал чьи-то злобные крики на палубе и звуки, напоминающие драку. Я выскочил на крыло мостика и увидел, как лейтенант Кацуе Шимицу бьет кулаками по лицу стоявшего по стойке смирно матроса, чье лицо уже распухло от ударов.

— Что происходит?! — в гневе крикнул я.

Лейтенант Шимицу — новый артиллерийский офицер — повернулся ко мне с горящими от злости глазами.

— Командир, — доложил он, — этот матрос прошел мимо меня, не отдав чести. Я наказываю его за это.

Я был ошеломлен, увидев, что наказываемым матросом был наш лучший сигнальщик Икеда, поощренный специальным приказом за обнаружение вражеской подводной лодки у Сурабаи.

— Это правда? — спросил я его.

— Да, командир, — прошептал он распухшими губами. Я разрешил ему идти, а лейтенанта Шимицу пригласил к себе в каюту. Тот сжал зубы, но последовал за мной, не сказав ни слова. Эта сцена просто вывела меня из себя, но я пытался сдержаться. Разрешив лейтенанту сесть, я сказал:

— Шимицу, можете курить, если хотите. Это будет разговор между двумя мужчинами, а не между командиром корабля и его артиллерийским офицером. Я не хочу критиковать вас или брать под защиту нарушившего устав матроса. Но я хочу ясно вам заявить, что не являюсь сторонником поддержания дисциплины методами рукоприкладства. Я не знаю какие методы насаждал ваш бывший командир, но я твердо убежден, что экипаж эсминца должен жить и воевать единой семьей, связанной между собой гармонией и дружбой.

По лицу Шимицу я видел, что хотя он и выглядит расстроенным, но мои слова его совсем не убедили.

— Обеспечить на корабле настоящий порядок и несение службы не легко, — продолжал я, — но я желаю добиться этого без применения мер физического воздействия. Возможно, это трудно, но только такой метод способен принести желаемые результаты в военное время. Если для вас это слишком трудно, то

в следующий раз, когда вы столкнетесь с необходимостью наказания подчиненных, докладывайте лично мне, и я буду принимать окончательное решение.

Шимицу смотрел на носки своих ботинок, но не отвечал ничего.

Я позвонил, вызвал рассыльного и приказал ему пригласить ко мне всех командиров боевых частей. Все они были в числе вновь прибывших на корабль: капитан-лейтенант Сигео Фудзисава — командир электромеханической боевой части, старший лейтенант Масатоси Миеси — командир минно-торпедной боевой части и капитан-лейтенант Киндзуро Мацумото — командир штурманской боевой части. Все они были встревожены внезапным вызовом и молча стояли у дверей каюты.

— Я только что видел, — объявил я, — как Шимицу бил матроса. Поскольку он делал это совершенно открыто, я могу прийти к выводу, что подобные вещи стали обычными на корабле. Я хочу вам официально заявить, что не потерплю ничего подобного на своем эсминце и требую эту практику немедленно прекратить. Все. Можете быть свободны!

Офицеры ушли, и я остался в каюте в совершенно порченном настроении, которое можно было сравнить и приступом бессильной злости. Разве можно идти в бой матросами, которых бьют и унижают по любому поводу? Я вспомнил, как меня самого били на первом курсе училища, и как это навсегда несмываемой горечью отлеглось в моей памяти. Ведь избивая матроса, прежде всего выбиваешь из него любую инициативу, без которой невозможна боевая служба на военном корабле, особенно на эскадренном миноносце, где любая неслаженность, любое промедление на доли секунды могут привести к гибели корабля и всего экипажа. Я решил использовать каждую свободную минуту для инспекции боевых частей и матросских кубриков, чтобы убедиться, что мой приказ выполняется. Мне еще приходилось слышать офицерскую ругань, но случаев рукоприкладства вроде больше не было.

Мы прошли 1400 миль со скоростью 20 узлов и утром 25 мая пришли на Сайпан. В бухте острова мы застали шестнадцать транспортов, которые пришли с острова Трук, имея на борту 3000 солдат и 2800 морских пехотинцев. План операции по захвату Мидуэя начал осуществляться 26 мая 1942 года. На следующий день, 27 мая, из Внутреннего моря к Мидуэю вышло мощное оперативное соединение авианосцев адмирала Нагумо. Вечером 28 мая наши эсминцы, эскортируя транспорты с десантом, оставили Сайпан. Принимая во внимание, что за нашим выходом могли следить подводные лодки противника, мы легли на

ложный курс в западном направлении, прошли в точку западнее о. Тиниан и только потом повернули на юг. Одновременно с нами с острова Сайпан вышла эскадра адмирала Такео Курита в составе трех тяжелых крейсеров и двух эсминцев.

Главные силы Объединенного флота, ведомые суперлинкором «Ямато», вышли из Внутреннего моря 29 мая. Накануне, когда наш конвой уходил с Сайпана, отмечалась 37-я годовщина разгрома русского флота в Цусимском проливе, что все сочли хорошим предзнаменованием. Но у меня на сердце было тяжело. Что-то мне во всей этой операции не нравилось. Следующие шесть дней прошли монотонно, без всяких происшествий.

В 06:00 3 июня в нескольких милях прямо по курсу была обнаружена летающая лодка противника. Через некоторое время вражеский разведчик исчез в облаках, но не оставалось сомнений, что Мидуэй будет оповещен о нашем приближении. В этот момент мы находились в 600 милях юго-западнее Мидуэя.

Во второй половине дня с юга появились несколько больших самолетов. Зенитный огонь с крейсера «Дзинтцу» отогнал их, но вскоре они появились снова и снова были отогнаны зенитным огнем. Мы нервничали, поскольку не имели никакого прикрытия с воздуха. С наступлением темноты самолеты опять появились над нами. Мы опознали их как девять «летающих крепостей» «B-17». Крейсер и все эсминцы открыли зенитный огонь, но противник все-таки сбросил бомбы, которые упали примерно в 1000 метров от нас.

Мы уже понимали, что идем на противника, который полностью готов к бою. Но я почему-то перестал ощущать беспокойство. Попытки противника атаковать нас были нерешительными и слабыми. Я был убежден, что такого противника соединение адмирала Нагумо прихлопнет одним ударом.

На рассвете 5 июня погода испортилась. Все небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами. Но, как ни странно, ветра не было.

Стоя на мостике «Амацукадзе», я чувствовал себя очень утомленным после бессонной ночи.

На мостик прибежал рассыльный, протянув мне бланк радиограммы. Я пробежал ее глазами и почувствовал, как у меня; останавливается сердце. Сообщение было с авианосца «Kara». В нем говорилось: «Подверглись бомбардировке с воздуха. На корабле сильный пожар».

Затем одна за другой последовали радиограммы, говорящие о сильных пожарах, вспыхнувших от попадания американских бомб, на авианосце «Сорю» и на флагманском корабле самого Нагумо

авианосце «Акаги». Три авианосца, включая флагманский, загорелись почти одновременно!

Что это я читаю? Может быть я сплю и все это мне снится? Я потряс головой, чтобы убедиться, что все это происходит наяву. Я застонал и передал бланки лейтенанту Шимицу. Я видел, как дрожали его руки, когда он читал радиограммы.

Я оглянулся по сторонам. Наш конвой противолодочным зигзагом продолжал идти к своей цели. К нам уже давно не поступало никаких приказов.

А радиограммы продолжали идти потоком, и их содержание не оставляло уже сомнений в точности их текстов. Могучее авианосное соединение адмирала Нагумо было разгромлено вдребезги.

Наконец, в 09:20, пришел Оперативный приказ № 154, предписывая нашим транспортам «временно отвернуть в северном направлении», а «всем боевым кораблям — атаковать противника севернее Мидуэя».

Подчиняясь этому приказу, шестнадцать транспортов с десантом под эскортом сторожевиков медленно развернулись и стали уходить на север. А наши шесть эсминцев, ведомые крейсером «Дзинтцу», увеличив скорость до 30 узлов, ринулись к Мидуэю.

В 10:10 был получен Оперативный приказ № 156, объявляющий о том, что операция по захвату Мидуэя «откладывается». Нам же предписывалось подойти к атоллу и подвергнуть его бомбардировке с моря. Мы находились в 300 милях и в 10 часах хода от Мидуэя, продолжая свой путь без каких-либо помех, если не считать очередного кошмарного сообщения (в 14:30) о том, что наш последний авианосец «Хирю» подвергся удару с воздуха и охвачен пожаром.

В 16:15 адмирал Исороку Ямамото отдал свой третий приказ, в котором остаткам соединения Нагумо предлагалось «втянуть противника в ночной бой и разгромить его». В приказе не только ничего не говорилось о потере соединением Нагумо всех четырех авианосцев, но, напротив, подчеркивалось, что американский флот «практически уничтожен и отходит на восток».

Даже имея ограниченную информацию об этом бое, я, ведя свой эсминец к Мидуэю, не переставал удивляться, как адмирал Ямамото мог отдать подобный приказ. Позднее выяснилось, что главком таким образом хотел поднять боевой дух подчиненных, но тогда мне казалось, что адмирал полностью потерял здравый смысл.

В 21:30 радио приняло сообщение адмирала Нагумо, в котором подчеркивалась вся фальшь предыдущего приказа

Ямамото: «Соединение противника из 5 авианосцев, 6 крейсеров и 15 эсминцев двигается в западном направлении. Отхожу на северо-запад, эскортируя горящий «Хирю».

Через два часа Ямамото отдал следующий приказ, где снова настоятельно требовалось нанести по противнику «сокрушительный удар».

Когда этот приказ дошел до нашего эсминца, я с мостика увидел вдали, на расстоянии около 5000 метров, пылающий корабль. Сверившись с картой, мы поняли, что это был авианосец «Акаги». Я вспомнил горящие корабли противника в Яванском море. Теперь пришел и наш черед. В Яванском море союзники совершили больше ошибок, чем японцы. У Мидуэя ошибки и глупости совершали одни японцы.

Незадолго до полуночи мы получили приказ, отменяющий операцию по захвату Мидуэя и предписывающий присоединиться к главным силам адмирала Ямамото.

2

Сражение у Мидуэя изменило обстановку в войне на Тихом океане в пользу Соединенных Штатов. Однако если соединение Нагумо было полностью уничтожено в бою у Мидуэя, это еще не означало крушения нашего флота, остававшегося достаточно мощным, чтобы на равных сражаться с американцами. С моей точки зрения, окончательное поражение японского флота произошло из-за целой серии стратегических и тактических ошибок, допущенных адмиралом Ямамото после Мидуэя в морских сражениях у Гуадалканала, где высадились американцы в начале августа 1942 года.

Отступив от Мидуэя, Ямамото привел соединения Объединенного флота на остров Трук, а затем вернулся в воды метрополии. Таким образом, когда американцы начали высадку на Гуадалканал, главные силы японского флота находились на базах японского Внутреннего моря в 2700 милях от зоны боевых действий. После этого Ямамото начал посылать к Гуадалканалу наши корабли небольшими группами, предоставив американцам прекрасную возможность перемолоть весь Объединенный флот по частям...

10 июня, получив приказ об отмене захвата Мидуэя, мы снова вступили в охранение транспортов и отконвоировали их на Трук, куда прибыли 15 июня. Через два дня мы направились в Японию, прибыв в Йокосуку 21 июня, а затем перешли на свою базу в Куре. Со всех участников сражения у атолла Мидуэй взяли подписку о

неразглашении результатов боя. Все документы об этом сражении получили гриф «Совершенно секретно», а выпущенное официальное коммюнике говорило об очередной победе нашего флота, преувеличив в несколько раз потери американцев и соответственно преуменьшив собственные.

С 28 июня по 5 августа я занимался охраной торговых судов в Токийском заливе. Задача была нетрудной, но она дала мне возможность обучать экипаж корабля.

Нет сомнения в том, что решение Ямамото отозвать главные силы Объединенного флота в японские воды являлось фатальной ошибкой. Ядро флота нужно было держать на острове Трук. Однако и в решении главкома была полезная сторона. Дело в том, что большая часть из наших 104-х эскадренных миноносцев получила передышку, а вместе с ней и возможность повысить боевую подготовку личного состава. Вскоре всем этим эсминцам предстояло участвовать в интенсивных и ожесточенных сражениях, продолжавшихся непрерывно в течение более двух лет. В этих сражениях именно эскадренным миноносцам впервые в истории и, возможно, последний раз предстояло играть ведущую роль. Я принял участие в этих непрерывных боях у Соломоновых островов с марта по ноябрь 1943 года, командуя эсминцем «Сигуре». В период моего участия в боях были потеряны 30 японских эсминцев. Мой корабль фактически стал единственным, который не только уцелел в этой военно-морской мясорубке, но и не потерял ни одного человека из своего экипажа.

Моряки называли мой «Сигуре» («Осенний дождь») «Эсминцем-призраком» или «Непотопляемым эсминцем», а меня самого прозвали «Чудо-командиром». Действительно, это был наиболее славный период моей военно-морской карьеры.

Старая китайская мудрость гласит, что даже нападая на кролика, лев должен использовать всю свою мощь. Американцы поступили точно как этот лев, когда на рассвете 7 августа 1942 года атаковали острова Гуадалканал и Тулаги. Смешно, но это произошло на следующий день после того, как японцы построили на Гуадалканале взлетно-посадочную полосу, которая сразу и попала в руки к противнику. На островах находились 2600 японских строительных рабочих, а оборона состояла из 800 морских пехотинцев при нескольких орудиях и пулеметах. В их распоряжении также находились 9 вооруженных гидросамолетов и 12 летающих лодок.

Американцы оккупировали Тулаги в течение двух часов и одновременно захватили аэродром на Гуадалканале. В это время японский «лев» — Объединенный |флот — спал в 2700-х милях от

этого места на своих якорных стоянках Внутреннего моря. Правда, неподалеку, в 560 милях северо-восточнее Гуадалканала, на базе Рабаул острова Трук находился 8-й флот вице-адмирала Гуничи Микава. Соединение вице-адмирала Микава, состоявшее из 5 тяжелых крейсеров, трех легких крейсеров и одного эсминца, вышло по тревоге из Рабаула в 15:30 7 августа и в полночь 8 августа атаковало американские силы вторжения на Гуадалканал. При этом были потоплены три американских тяжелых крейсера и один австралийский, поврежден еще один тяжелый крейсер и два эсминца. Все это произошло в течение получасового ночного боя. (Потоплены были американские крейсеры «Квинси», «Винсенс», «Астория» и австралийский крейсер «Канберра». Поврежден американский крейсер «Чикаго». Эсминец «Джервис», поврежденный накануне японскими самолетами, был добит авиацией на следующий день.)

Хотя Микава на отходе, находясь уже вблизи Кавиенга, потерял крейсер «Како», потопленный американской подводной лодкой «S-44», он, несомненно, одержал одну из самых выдающихся побед в морской войне на Тихом океане. Необъяснимо было только почему, разгромив боевые корабли противника, он не занялся американскими транспортами, набитыми различными грузами для высадившегося десанта.

За эту ошибку Микава подвергся острой критике после войны как со стороны американцев, так и японцев. Однако, с моей точки зрения, адмирал Микава со своим относительно слабым соединением и так добился очень многого своим внезапным рейдом. Он бы добился еще большего, если бы его действия поддержали основные силы Объединенного флота, которые адмирал Ямамото держал в водах метрополии.

Когда известие об американском вторжении на Гуадалканал дошло до Японии, спящий «лев» повел ушами, но не поднялся. Император Хирохито, отдыхающий на своей летней вилле в Никко, получив это известие, заявил, что должен немедленно вернуться в Токио. Но в этот момент ему доложили, что начальник главного морского штаба адмирал Нагано прибыл в Никко и просит аудиенции.

— Не произошло ничего, что бы требовало внимания Вашего Императорского Величества, — объяснил Нагано. Он показал императору доклад нашего военного атташе в Москве, в котором говорилось со ссылкой на русские разведывательные источники, получающими информацию от своих американских союзников, что противник высадил на Гуадалканале всего 2000 солдат, планируя уничтожить построенный аэродром и отойти с острова.

Я не знаю, кто мог составить такое дурацкое донесение, но

еще больше меня удивляет, как ему могли поверить. И как можно было игнорировать другие разведывательные сводки, утверждающие обратное.

Через три дня, 10 августа, когда выяснилось, что противник не только не собирается эвакуировать свои войска с Гуадалканала, но высаживает там новые части, было решено направить на остров 5800 солдат, предназначенных ранее для захвата Мидуэя, а ныне находящихся на Труке.

На следующий день, 11 августа, из состава Объединенного флота был выделен 2-й флот вице-адмирала Набутаке Кондо и направлен в 2700-мильный поход к Гуадалканалу.

Соединения лихорадочно переформировывались и мой эсминец «Амацукадзе» в результате попал под командование моего старого друга вице-адмирала Нагумо.

«Амацукадзе» и четырнадцать других эсминцев были сведены в 10-ю эскадру, лидером которой стал легкий крейсер «Нагара», на котором держал свой флаг Нагумо после гибели своего флагманского «Акаги» у Мидуэя. Эсминцами командовал контр-адмирал Сусуму Кимура, считавшийся большим специалистом по минно-торпедному оружию.

Мы шли на юг со скоростью 18-20 узлов, хотя каждый эсминец достаточно легко мог развить 33 узла. Но подобное увеличение скорости влекло за собой такой расход топлива, который мы себе позволить не могли. По графику похода мы должны были прибыть на Трук 20 августа, покрыв за пять суток 2000 миль. Затем мы должны были идти к Гуадалканалу.

Утром 23 августа 2-я эскадра эсминцев, эскортирующая транспорты, доложила, что наши корабли обнаружены разведывательной авиацией противника, поставив тем самым адмирала Нагумо перед проблемой. Наиболее оптимальным решением была бы отсрочка высадки и немедленное начало морского боя с противником за господство над водами вокруг острова. Ямамото приказал 2-й эскадре изменить курс и «отложить высадку на сутки», но вышедшему с Трука другому конвою с бригадой Кавагучи никаких приказов передано не было. Главком принял решение разгромить небольшое американское соединение и продолжать высадку согласно графика.

Приказом Ямамото было поспешно сформировано диверсионно-ударное соединение, построенное вокруг самого маленького авианосца нашего флота «Рюдзе» водоизмещением всего 10 150 тонн. Авианосец должны были прикрывать крейсер «Тоне» и два эсминца: «Токицукадзе» и «Амацукадзе». Соединением командовал мой однофамилец контр-адмирал Чуичи Хара. Ему ставилась задача следовать прямо к

Гуадалканалу и затем, отходя к Бугенвилю, увлечь за собой американские корабли. В то же самое время соединение адмирала Нагумо с двумя авианосцами «Секаку» и «Дзуйкаку» (каждый по 40000 тонн) должно было проследовать на северо-восток, выходя во фланг соединения противника, когда тот клюнет на приманку отряда адмирала Хара.

В 2 часа ночи 24 мая мы вступили в кильватер тяжелому крейсеру «Тоне» — фантастически выглядевшему кораблю, чьи все четыре башни главного калибра были сосредоточены в носовой части, и пошли на соединение с авианосцем «Рюдзе». Мой «Амацукадзе» занял позицию с правого борта авианосца, а однотипный «Токицукадзе» — с левого.

Доведя скорость до 26 узлов, наше четырехкорабельное соединение устремилось к Гуадалканалу.

Контр-адмирал Хара, державший свой флаг на крейсере «Тоне», был одним из наиболее блестящих офицеров нашего флота. Я знал его еще по училищным временам, где он был преподавателем. При нанесении удара по Перл-Харбору Хара командовал одной из дивизий соединения Нагумо. Я полностью доверял ему.

Самым уязвимым в нашем соединении был, конечно, авианосец «Рюдзе», и я постоянно с беспокойством на него посматривал. Построен он был десять лет назад, и я точно знал, что на такие старые корабли принято направлять наименее опытных пилотов. Особенно после потери такого количества опытнейших летчиков в бою у Мидуэя. Зная, что «Рюдзе» выбран в качестве приманки, я сильно сомневался, что подобной приманке суждено уцелеть.

В 07:13, когда здесь, в южной части Тихого океана полностью рассвело, разведывательный гидросамолет установил первый контакт с противником. Противник следовал за нами достаточно долго, но потом отвернул, видимо, получив какую-то новую информацию. Последующие четыре часа мы шли, ничего не зная ни о местонахождении противника, ни о его дальнейших планах.

Море было полностью спокойным. Из-за редких облаков сияло ослепительное тропическое солнце. Погода, столь благоприятная для удара с воздуха, заставляла вспоминать Мидуэй. Меня опять начали мучить мрачные предчувствия.

В 11:00 мы находились в 200 милях севернее Гуадалканала. Точно по графику, предусмотренному оперативным планом, с палубы «Рюдзе» взлетели 6 бомбардировщиков и 15 истребителей для удара по американскому аэродрому на острове. Находясь в 2000 метрах от авианосца и следя с мостика за уходом самолетов, я недоумевал, почему с «Рюдзе» не выпустили 9 оставшихся у

него истребителей для обеспечения собственного прикрытия, с воздуха. Глядя на облака, я представлял сколь неожиданно из-за них могут вынырнуть американские пикировщики и нанести фатальный удар беззащитному авианосцу.

Прошел целый час, но истребители с «Рюдзе» так и не взлетели.

Это было выше моего понимания и мне ничего не оставалось делать, кроме как ругаться про себя, стоя на мостике. В 12:30 возбужденный голос из радиорубки доложил по переговорной трубе:

— Командир, самолеты с «Рюдзе» доложили о том, что они успешно отбомбились над Гуадалканалом.

Я облегченно вздохнул, хотя сильно сомневался в том, что бомбардировка проведенная шестью палубными бомбардировщиками может быть особенно эффективной.

В этот момент рассыльный доставил мне на мостик обед, и я принялся за еду. Заканчивая обед, я услышал крик сигнальщика:

— Самолет, вероятно, противника подходит с левого борта по пеленгу 30!

В бинокль я увидел американский бомбардировщик, величественно плывущий на большом расстоянии, то появляясь из облаков, то скрываясь в них.

Мы подняли сигнальные флаги, дали гудки, сиреной и изготовили орудия к стрельбе по воздушной цели. По мере приближения мы убедились, что самолетов не один, а два. Это были наши старые знакомые по юго-восточной Азии — «летающие крепости» «В-17». Я взглянул на «Рюдзе» и онемел от удивления. На авианосце не было никаких признаков жизни. Казалось, что весь его экипаж во главе с командиром забылся в послеобеденном сне.

Чтобы предупредить авианосец о приближающейся опасности, я приказал своим комендорам открыть огонь, хотя американские бомбардировщики находились еще вне дальности стрельбы наших орудий.

«Тоне» и «Токицукадзе» также открыли заградительный огонь.

Наконец, два истребителя, пострекотав моторами на палубе, поднялись с «Рюдзе», стремительно набирая высоту. К этому времени самолеты противника, видимо, доложив о нашей позиции, развернулись на обратный курс. К тому времени как наши истребители вскарабкались на их высоту, «летающие крепости» уже исчезли в облаках. Истребители вернулись и стали кружиться над авианосцем.

А на палубе «Рюдзе» по-прежнему было тихо и пустынно.

Мое терпение лопнуло. Не в силах больше сдерживать эмоции и злость от ожидания удара противника по беспомощному авианосцу, я набросал на листке бумаги небольшое сообщение и приказал сигнальщикам передать его на авианосец флажным семафором.

Сигнальщик выскочил на крыло мостика и стал размахивать флагами: «От командира «Амацукадзе» капитана 2-го ранга Тамейчи Хара старшему офицеру «Рюдзе» капитану 2-го ранга Хисакичи Киши. Полностью осознавая неуместность своего вмешательства, вынужден спросить: почему авианосец столь вяло проводит операцию? Что случилось?»

Подобное сообщение, разумеется, было дерзким и бестактным. Я знал, что ни один морской офицер не позволял себе ничего подобного в ходе боевых операций. Но я специально адресовал его капитану 2-го ранга Киши, поскольку он был моим сокурсником по училищу. Хотя он не отвечал за летные операции, я надеялся, что ему удастся «разбудить» командира корабля и командира авиагруппы.

С авианосца быстро просигналили ответ: «От Киши капитану 2-го ранга Хара. Глубоко признательны за ваше замечание и впредь рассчитываем на них». Пока я гадал, как понимать этот ответ, на палубе «Рюдзе» внезапно закипела жизнь, и на ней появились еще семь истребителей. Вскоре ветер донес шум их запускаемых моторов, но было уже поздно, поскольку именно в этот момент я услышал крики сигнальщиков:

— Приближается большое количество самолетов противника!

Было около 14:00. «Рюдзе» стал спешно разворачиваться под ветер, когда десятка два американских пикирующих бомбардировщиков камнем стали падать на него со всех сторон. Я с ужасом глядел на наш авианосец. Почему он, находясь под атакой, не очищает свою палубу от самолетов? Надо сказать, что в этот момент мне было чем заняться, кроме как наблюдать за действиями «Рюдзе». Я находился на дистанции примерно в 5000 метров от него и вместе с другими кораблями охранения отбивался от бомбардировщиков противника. Между тем, мы перехватили радиограмму с «Рюдзе», предписывавшую самолетам, отправленным к Гуадалканалу, не возвращаться на авианосец, а садиться на аэродроме Бука — на полпути между Гуадалканалом и Рабаулом. Я опять удивился: не лучше ли было приказать своим пятнадцати истребителям перехватить самолеты противника на отходе?

Один за другим американские пикировщики «Донтлесс» и истребители «Грумман» пикировали на «Рюдзе», забрасывая его бомбами и поливая пулеметно-пушечным огнем. Двенадцать

зениток «Рюдзе» вели спорадический огонь, не сбив ни одного вражеского самолета. (Это были самолеты с американского авианосца «Саратога».)

Две или три вражеских бомбы попали в кормовую часть корабля, пробив полетную палубу. Из пробоин вырвались языки пламени и чередой последовали ужасающие взрывы. По всей длине полетной палубы побежал огонь и повалили клубы густого черного дыма.

Решив, что с авианосцем покончено, самолеты противника ринулись на нас — на корабли охранения. Мой корабль, ведя огонь из всех орудий, отчаянно маневрировал на скорости 33 узла. Огромный бурун, поднятый форштевнем, заливал палубу вплоть до носовой надстройки. Каскады воды достигали мостика.

Атака продолжалась около получаса. Несколько бомб упали в опасной близости от эсминца, но прямых попаданий не было.

Наконец, американские самолеты улетели, и я перевел дух, снова взглянув на авианосец «Рюдзе». Клубы черного дыма отнесло ветром в сторону, открыв авианосец окулярам моего бинокля. Я увидел, что он стоит без хода и... тонет! Тяжелый крен на правый борт обнажил красный сурик корпуса ниже ватерлинии. Волны захлестывали своими верхушками края полетной палубы.

Мой эсминец немедленно начал движение к авианосцу, но внезапное появление из облаков трех самолетов заставило нас снова лечь на курс уклонения от бомб и сыграть воздушную тревогу.

К счастью, и вместе с тем к несчастью, самолеты оказались свои. Это были три истребителя «Зеро», возвращающиеся после удара по Гуадалканалу. Они медленно начали кружиться над «Рюдзе», как бы прощаясь со своей погибающей авиаматкой, а затем, один за другим, совершили посадку на воду вблизи авианосца. Летчиков быстро спасли, но, к сожалению, мы ничего не могли сделать, чтобы спасти их самолеты.

Пока мы спасали пилотов, было потеряно много драгоценного времени. Теперь мне казалось, что авианосец может опрокинуться в любой момент. Но каким-то чудом горящий «Рюдзе» все еще оставался на плаву. Даже языков пламени стало поменьше. Видимо, хлынувшая в корабль вода сама гасила пожары.

Может быть, его удастся отбуксировать на Трука, а там поставить в ремонт? Однако мой оптимизм быстро рассеялся, когда «Амацукадзе» приблизился к авианосцу. Пламя пожаров сожрало все. Было уничтожено все оборудование полетной палубы и орудия на спонсонах. Повсюду вперемешку с

обугленными трупами лежали обгоревшие останки самолетов. Крен корабля достиг уже 40 градусов. Авианосец погружался на глазах. Кто-то на полетной палубе сигналил флагами: «Мы покидаем корабль. Подойдите к борту и примите экипаж».

Мы быстро подошли под заваливающийся правый борт «Рюдзе». Если авианосец опрокинется, а это могло произойти в любой момент, он вполне мог накрыть «Амацукадзе» и утащить его с собой в пучину. Но терять время на какие-то раздумья и колебания было уже невозможно, и я решил рискнуть.

Океан, который до этого казался спокойным, своей зыбью так раскачивал стоявший без хода «Рюдзе», что его островная надстройка то вздымалась куда-то высоко вверх, то зловеще приближалась и угрожающе нависала «над моим маленьким эсминцем. Холодный пот катился по моему лицу. Матросы с кранцами и баграми встали у борта, чтобы нас не ударило волной об авианосец и не навалило на него.

Мы приняли сначала раненых, потом офицеров с секретными документами, а затем всех, кого еще можно было спасти. Прием экипажа «Рюдзе» прошел быстро и эффективно. Мы приняли на борт более 300 спасенных. Внезапно крен авианосца сильно увеличился.

— Закончилась ли эвакуация? — прокричал я в рупор с мостика.

Офицер, отвечающий за прием спасенных, ответил утвердительно.

Взревели мощные трубы «Амацукадзе», и эсминец стал быстро отходить от погибающего авианосца.

Мы успели пройти едва ли метров 500, как «Рюдзе» опрокинулся и исчез в океанской пучине. Образовавшийся на месте гибели авианосца огромный водоворот подхватил «Амацукадзе» и стал кидать эсминец из стороны в сторону. Я страшно испугался, что может произойти что-нибудь очень серьезное и еле-еле справился с управлением, выведя корабль из опасной зоны.

Я еще не успел отдышаться от пережитой опасности, как услышал тихий голос за своей спиной:

— Капитан 2-го ранга Хара... Вы не представляете, насколько я вам благодарен...

Я обернулся и увидел капитана 1-го ранга Тадао Като, командира «Рюдзе», того самого человека, которого я так ругал в течение прошедшего дня. Он выглядел измученным и больным, но снова поклонился мне и прохрипел:

— Пожалуйста, примите мою глубочайшую благодарность от имени всего моего экипажа.

Внезапно мне стало его жаль, а злость снова обратилась на адмирала Ямамото, который выбрал такого неподготовленного офицера — Като был строевиком, а не специалистом — для выполнения столь важной задачи, как «приманка».

— Вам нет нужды благодарить меня, Като, — раздраженно ответил я. — Вы выглядите совсем больным. Вы не ранены?

— Нет, Хара, я здоров. Но я вспоминаю, сколько погибло моих моряков... И мой корабль...

Он закрыл лицо руками и, не в силах больше контролировать себя, разрыдался. Когда он побрел к трапу, я только спросил:

— Господин Като, скажите: мой друг Киши, ваш старпом, он спасся?

Като обернулся. Он не сказал ни слова, но по печали на его измученном лице я понял все и кивнул. Като, опустив голову, стал спускаться по трапу.

Я тяжело вздохнул. Капитан 2-го ранга Киши, мой хороший друг, с которым мы когда-то учились в одной группе Эта-Дзимы, погиб. К чему нельзя никогда привыкнуть на войне — это к гибели друзей...

«Амацукадзе» присоединился к крейсеру «Тоне» и эсминцу «Токицукадзе», и я с облегчением убедился, что ни не получили никаких повреждений. Оба корабля спустили шлюпки, поднимая из воды моряков с «Рюдзе», которым пришлось броситься за борт.

Между тем появились еще четырнадцать самолетов, вернувшихся после удара по Гуадалканалу, и стали крутиться над нами. Видимо приказ совершить посадку на аэродроме Бука до них не дошел. В результате семь самолетов, включая и единственный, имеющий радиоаппаратуру, пропали без вести, а семь совершили посадку на воду вблизи наших кораблей и были подняты на борт. Но все самолеты, разумеется, утонули.

Солнце уже садилось, когда «Тоне», «Токицукадзе» и мой «Амацукадзе» получили приказ Нагумо присоединиться к его главным силам и повернули в восточном направлении. Этот день, 24 августа, вошедший в историю как день сражения у Восточных Соломоновых островов, показался мне бесконечно долгим и изнурительным.

Пройдя примерно 50 миль на рандеву с главными силами, мы обнаружили отряд наших эсминцев, который шел на юг, светя прожекторами. Они вели поиск пилотов, вынужденных совершить посадку на воду.

Стояла непроглядно темная ночь и соответствующая тишина. Я почувствовал страшную усталость после бессонной ночи и столь напряженного дня и стал подумывать о том, чтобы спуститься в каюту и пару часов поспать. Но в этот момент мне

доложили, что с флагманского авианосца «Секаку» прожектором передали позывной «Амацукадзе», а вслед за ним приказ:

«Адмирал Нагумо капитану 2-го ранга Хара. Немедленно следовать в точку КИ Н 21 и обеспечить спасение двух пилотов авианосца «Дзуйкаку», находящихся в воде».

Сверившись с картой, я даже присвистнул от удивления. Ничего себе... Указанная точка находилась в 98 милях к югу от моего нынешнего места и всего в 60 милях от последнего места соединения противника, зафиксированного на момент гибели «Рюдзе». Но приказ есть приказ. Я преодолел усталость и дал приказ ложиться на новый курс.

Я не имел понятия, каким образом и кто определил то место, где должны были находиться сбитые летчики, но понимал, что наши и без того малые шансы их обнаружить, станут совершенно безнадежными, если мы допустим хоть малейшую навигационную ошибку.

После четырех часов хода на 24-х узлах мы прибыли в район поиска. Снизив скорость до 6 узлов, мы начали прочесывать район. Звезд не было видно и приходилось руководствоваться только счислением.

Вахтенный штурман лейтенант Хидео Шодзи доложил, что мы находимся точно в указанной точке. Я выставил дополнительных сигнальщиков, объяснив им, что кроме наших пилотов здесь могут оказаться и сбитые летчики противника. Включать прожектора я не решился, поскольку опасался вражеских подводных лодок, которые при моем следовании со скоростью 6 узлов могли утопить «Амацукадзе» с такой же легкостью, как какой-нибудь старый транспорт.

После получаса бесплодных поисков я начал беспокоиться по поводу имеющихся у меня запасов топлива, поскольку нам еще нужно было добираться до Рабаула, находящегося на расстоянии 500 миль. Приняв все это во внимание, я разрешил зажечь на бортах слабые сигнальные огни.

Летчики должны быть где-то неподалеку. Я решил просигналить с мостика в темноту сигнальным фонарем название их авианосца: «Дзуйкаку! Дзуйкаку!».

Прошло еще полчаса и все надежды стали тускнеть, когда слева по носу я неожиданно увидел слабый проблеск огня на расстоянии примерно 1000 метров. Повернув в этом направлении, мы спустили шлюпку и, подойдя приблизительно на 100 метров, обнаружили спасательный плотик и двух людей на нем. Командовавший шлюпкой лейтенант Шодзи внезапно остановился и доложил, что люди на плоту похожи на американцев.

Я чуть не взвыл от досады. Если люди на плоту — американцы, то это значит, что нам придется продолжать поиск. А уже близился рассвет.

— Кто бы они ни были, — приказал я, — снимите их плотика на шлюпку.

Когда шлюпка подошла к плоту, с нее просигналили фонарем, что это оказались именно те японские пилоты, которых мы искали. Я чуть не пустился в пляс прямо на мостике от радости.

Взяв летчиков на борт, мы повернули на север и, увеличив скорость до 24 узлов, направились на Трук. А первый раз за двое суток опустился в свое кресло на мостике и забылся глубоким сном.

Хотя операция «Приманка» и закончилась гибелью авианосца «Рюдзе», эта жертва не была напрасной. Внимание противника отвлеклось на наш отряд, а это позволило адмиралу Нагумо использовать все свои силы для удара по американскому авианосцу «Энтерпрайз» и нанести ему тяжелые повреждения. Конечно, это служило лишь небольшой компенсацией за потерю «Рюдзе», поскольку «Энтерпрайз» был быстро отремонтирован и через два месяца был снова в строю.

Более того, палубная авиация американцев атаковала конвой, везущий подкрепления для полковника Ичики, и повредила крейсер «Дзинтцу».

Наши эсминцы подошли к Гуадалканалу и в течение всей ночи яростно бомбардировали позиции противника. Однако на следующее утро эскадрильи «летающих крепостей» в течение нескольких часов налетали на корабли и транспорта нашего конвоя, вынудив его отойти к Бугенвилю. При этом был потерян эсминец «Муцуки» и транспорт «Кинрю-Мару».

Узнав о столь серьезном противодействии противника, конвой с бригадой генерала Кавагучи вернулся обратно на Трук.

Таким образом, это сражение закончилось как тактическим, так и стратегическим поражением Японии. Все решения, принятые адмиралом Ямамото, оказались неверными.

3

В истории Второй Мировой войны было мало адмиралов, заслуживших столь высокую репутацию, как адмирал Исороку Ямамото. Отдавая должное величайшим способностям Ямамото, я все-таки считаю, что его репутация как главкома Объединенным флотом была в значительной степени преувеличена.

Несмотря на катастрофическое поражение Японии в войне на Тихом океане, народ все еще склонен рассматривать Ямамото как одного из величайших национальных героев.

В послевоенных мемуарах жесткой критике подвергались очень многие генералы и адмиралы, занимавшие в годы войны высшие командные должности и считавшиеся чуть ли не кумирами нации. Но адмирала Ямамото не критиковал никто. Моя критика адмирала является по существу первой, высказанной военным человеком, прошедшим всю войну. И эта критика основана вовсе не на каких-то личных антипатиях к покойному адмиралу. Напротив, я уверен, что адмирал Ямамото был выдающимся руководителем, вполне заслужившим то почти религиозное уважение, с которым к нему относились его подчиненные. Но он не имел достаточной квалификации, чтобы командовать таким количеством кораблей и таким количеством людей, которые находились в составе Объединенного флота Японии к началу войны. Можно считать трагедией тот факт, что именно Ямамото был избран в качестве главнокомандующего Объединенным флотом.

Многие старшие офицеры флота считают, что адмирал Ямамото был бы идеальным морским министром и некоторые адмиралы прилагали усилия продвинуть его именно на этот пост. Они полагали, что Объединенным флотом должен был командовать адмирал Мицумаса Йонаи. Однако эта идея провалилась, поскольку Ионаи, будучи убежденным противником войны с Соединенными Штатами, отказался возглавить флот, заявив: «Я не боевой адмирал и на этом посту окончательно испорчу отношения с армией. Более того, если такой упрямый человек, как Ямамото, станет Морским министром, его точно убьет какой-нибудь армейский фанатик».

Конечно, главной помехой действиям флота являлась армия, постоянно пытавшаяся подчинить все действия флота своим планам. В начале войны, как известно, правительство возглавлял армейский генерал Хидеки Тодзио. Морской министр адмирал Сигетаро Шимада считался марионеткой премьера. Начальник Главного морского штаба адмирал Осами Нагано не был достаточно твердым человеком, чтобы противостоять влиянию армии. Поэтому, критикуя какие-либо действия или бездействие адмирала Ямамото, необходимо иметь в виду все эти факторы, которые порой сильно подрезали крылья главкому Объединенного флота.

В течение всей своей карьеры Ямамото имел репутацию рискованного игрока. Он считался мастером во всех рискованных играх, особенно в покере. Его решение нанести удар по Перл-

Харбору также было игрой, давшей адмиралу возможность сорвать огромный куш. Но странно, что после удара по Перл-Харбору адмирал перестал рисковать, ведя себя очень нерешительно.

Итак, 25 августа 1942 года мой, набитый спасенными, эсминец «Амацукадзе» вошел в тихую лагуну атолла Трук. Я был уверен, что, выгрузив спасенных на берег, получу приказ немедленно возвращаться в зону боевых действий. Ни я и никто из моего экипажа не мог даже предположить, что в столь критический момент боевых действий мы более чем на месяц застрянем в этой тихой лагуне.

Находясь на Труке и общаясь со штабными офицерами, я более-менее составил для себя общую картину войны, которая выглядела весьма печальной.

7-8 мая, когда я находился в отпуске, произошло сражение в Коралловом море. Наше командование планировало захватить десантом порт Морсби — ключевую базу союзников в южной части Тихого океана на южном побережье Новой Гвинеи. В результате этого сражения от захвата базы пришлось отказаться. При этом был потерян легкий авианосец «Сехо», а ударные авианосцы «Дзуйкаку» и «Секаку» получили такие повреждения, что не смогли принять участие в произошедшем через месяц сражении у атолла Мидуэй. Официально было объявлено об очередной победе нашего флота и о гибели трех вражеских авианосцев. В действительности американцы потеряли в этом бою авианосец «Лексингтон» и танкер «Неошо», а авианосец «Йорктаун» был поврежден. Несмотря на все победные реляции, морякам было ясно, что Японию в этом бою постигла крупная неудача.

Через месяц мы потерпели сокрушительное поражение у Мидуэя, потеряв в одном бою четыре авианосца («Акаги», «Kara», «Сорю» и «Хирю») и тяжелый крейсер «Микума». Американцы потеряли авианосец «Йорктаун», который они сумели отремонтировать к этому бою, и эсминец «Хэмман».

Существенно, что союзники начали вторжение на Гуадалканал 7 августа, когда японские силы завязли в болотах Папуа. Адмирал Ямамото совершил грубые просчеты в оценке операций на Гуадалканале и в Папуа. Так же как и при Мидуэе он разделил свои силы для одновременного удара по Мидуэю и Алеутским островам, также и тут он решил одновременно ударить по двум целям. В итоге, он, погнавшись сразу за двумя зайцами, не поймал ни одного.

.В ночь на 25 августа, когда «Амацукадзе» разыскивал в океане сбитых летчиков, семь других эсминцев снова

обстреливали Гуадалканал, не добившись фактически никаких результатов. В следующие два дня, когда наши самолеты без какого-либо заметного эффекта бомбили американские объекты на Гуадалканале, главные силы Объединенного флота бесцельно маневрировали вокруг Соломоновых островов.

Нерешительность Ямамото становилась очевидной. Через четыре дня конвой с пополнением для полковника Ичики снова попытался пробиться к Гуадалканалу. Эскортирующий конвой 20-й дивизион эсминцев подвергся удару с воздуха, в результате которого эсминец «Асагири» был потоплен, а «Сиракумо», «Югири» и «Амагири» — получили тяжелые повреждения. Адмирал Ямамото запоздало выслал к ним на помощь тридцать Истребителей с авианосцев «Секаку» и «Дзуйкаку», но к цементу их прибытия конвой уже был вынужден отойти Шортленд. Между тем, прижатые к болотам и уже частично истребленные силы авангарда полковника Ичики требовали подкреплений под угрозой полного уничтожения.

На следующий день в Шортленде войска были пересажены с транспортов на шесть эсминцев, которые посте наступления темноты 29 августа высадили 1000 солдат Тайву Пойнт на северном побережье Гуадалканала.

Новые подкрепления, состоящие из бригады Кавагучи, в очередной раз вышли конвоем с Трука. Они прибыли на Бугенвйль в конце августа, где их первый батальон был доставлен в Гуадалканал 30-го числа тремя эсминцами. 31 августа восемь эсминцев доставили на остров еще 1200 человек. 1 сентября к Гуадалканалу двинулась третья группа из четырех эсминцев, но она была вынуждена возвратиться из-за сильных ударов с воздуха.

На следующий день 18 японских бомбардировщиков и 20 истребителей пытались уничтожить авиацию противника на Гуадалканале, а 4-го и 7-го сентября дюжина эсминцев доставила на остров оставшиеся части бригады Кавагучи.

Главные силы Объединенного флота закончили, наконец, свой бесцельный хоровод вокруг Соломоновых островов и 5 сентября вернулись на Трук. В бухте сразу стало тесно, когда около пятидесяти крупных боевых кораблей, возглавляемые суперлинкором «Ямато» водоизмещением 70 000 тонн, встали на якорь в лагуне.

В течение последующих трех дней командиры кораблей, дивизионов, отрядов и соединений собирались в салонах различных флагманов на конференции по вопросам тактического искусства в современной войне.

Последняя конференция произошла на борту «Ямато» под председательством самого адмирала Ямамото. Предварительные

дискуссии касались лишь тривиальных вопросов. Никто не осмелился оспорить уже утвержденную базисную оперативную формулу. Критика основных концепций в японском Императорском флоте всегда рассматривалась как критика высокопоставленных адмиралов, а потому всегда кончалась очень печально для критикующего.

Поэтому все предварительные конференции были совершенно непродуктивными. При подведении окончательных итогов адмирал Ямамото также не был особенно разговорчивым. Он предостерег от недооценки боевых возможностей американцев, и конференция закончилась утверждением двух основных инструкций:

1. Обеспечить полную секретность расположения и движения наших авианосных соединений.

2. При нанесении первых внезапных ударов с воздуха по противнику обеспечить их максимальную силу.

Я вернулся на эсминец разочарованным. Время было потрачено впустую. На трапе меня встретил лейтенант Шимицу с очень печальным лицом.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Нам сегодня не удалось выловить ни единой рыбешки, — ответил лейтенант. — Наш суперфлот за три дня уничтожил всю рыбу в лагуне.

9 сентября соединения Объединенного флота вышли из Трука. Мой «Амацукадзе», как и раньше, шел в охранении авианосцев Нагумо. По плану, 12 сентября мы должны были начать решительное наступление на Гуадалканал, скоординировав свои действия с наступлением сухопутных войск генерала Кавагучи. Однако всю ночь 12 сентября мы провели в ожидании сообщения, что аэродромы Гуадалканала захвачены частями Кавагучи. Этого сообщения мы продолжали ждать и весь следующий день. Только поздно вечером штаб морской авиации в Рабауле радировал: «Соответственно нашим разведданным, аэродромы противника на Гуадалканале захвачены нашими войсками».

Утром следующего дня разведывательные самолеты принесли нам информацию, полностью опровергающую радиограмму из Рабаула. И, наконец, 15 сентября пришло давно ожидаемое сообщение от генерала Кавагучи, говорившее о том, что его войска, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением противника, не смогли удержать аэродромы и отступили, понеся тяжелые потери.

Первым радостным сообщением, пришедшим в эти дни, был рапорт командира подводной лодки «Джи-19» капитана 3-го ранга

Такаичи Кинаши, доложившем о том, что он торпедировал и потопил американский авианосец «Уосп». (15 сентября американский авианосец «Уосп» получил тяжелые повреждения от попадания трех торпед, оставлен экипажем и добит торпедами эсминца «Лансдаун».)

Между тем, адмирал Ямамото пришел к выводу, что для победы на Гуадалканале туда нужно высадить еще целую армейскую дивизию. Поэтому, истратив без всякой пользы огромное количество топлива. Объединенный флот вернулся на Трук.

В то же самое время адмирал Ямамото приказал контр-адмиралу Какудзи Какута с максимальной быстротой довести до полного боевого состояния три новых авианосца в водах метрополии и привести эти корабли на Трук. До прихода этих новых авианосцев, сведенных во 2-й воздушный флот, Ямамото решил отложить все дальнейшие оперативные мероприятия. Приход же соединения Какута ожидался не ранее 9 октября. Таким образом, мы потеряли два драгоценных месяца, прежде чем сумели организовать крупномасштабное контрнаступление.

4

Бессмертный классик военного искусства Сун-Ци в качестве идеального тактического приема любил приводить действия легендарной змеи «шуай-ян», которая в старые времена водилась в горах. Эта змея, помимо ядовитых зубов в пасти, имела еще и ядовитое жало на хвосте. «Напавший на голову «шуай-ян», — объяснял Сун-Ци, — получит смертельный удар ее хвоста; напавший на хвост подвергнется удару головы; а тот, кто нападет на середину змеи, подвергнется удару и головы, и хвоста».

В октябре 1942 года Объединенный флот адмирала Ямамото впервые смог развернуться по образцу змеи «шуай-ян». Роль головы змеи выполняло соединение адмирала Нагумо. Ее тело представляли эскадры линейных кораблей под командованием самого Ямамото. Хвостом же змеи являлись прибывшие авианосцы контр-адмирала Какута.

Смертоносными зубами «шуай-ян» являлись авианосцы Нагумо «Секаку» и «Дзуйкаку» по 40 000 тонн каждый. Это были новейшие авианосцы нашего флота, имевшие наиболее мощные авиагруппы и опытные, обученные экипажи. Их действия должны были обеспечить три авианосца адмирала Какута, которые были перестроены из кораблей других типов: это были «Хийо» и «Цзунье» водоизмещением 27 500 тонн и «Дзуйхо» водоизмещением 13 000 тонн. И хотя эти корабли были укомплектованы наспех обученными экипажами, их недостаточный боевой опыт должен был компенсировать яростной агрессивностью адмирала Какута. Будучи самым молодым из подчиненных Ямамото адмиралов, Какута слыл и самым отчаянным бойцом. Он жаждал мести за гибель «Рюдзе», которым когда-то командовал, также и за катастрофу у Мидуэя, в ходе которой Какута командовал 2-м авианосным соединением, наносившим удар по Алеутским островам. Таким образом, удар хвостом мог быть нанесен с неменьшей силой, чем клыками.

К октябрю 1942 года Императорская ставка в Токио, очнувшись от летаргии, наконец осознала всю серьезность ситуации и приказала адмиралу Ямамото приостановить операцию на Папуа, сконцентрировав все силы на Гуадалканале. Возможно, адмиралу Ямамото и удалось бы продемонстрировать свое тактическое искусство в духе «шуай-ян», если бы ему не мешала армия, все еще владевшая инициативой в решении боевых вопросов.

Армия согласилась перебросить одну дивизию с Явы в Рабаул

и потребовала, чтобы у Гуадалканала была проведена «комбинированная десантная операция», т.е. операция совместно силами армии и флота. Совместная операция, по мнению армии, состояла в том, что она предоставляет войска, а флот должен доставить их к месту высадки, обеспечив им поддержку с моря и воздуха. Армия, например, владела половиной авиационного парка Японии, но не выделила ни единой машины для этой операции. Японская концепция «комбинированных операций» содержала в себе совершенно другой смысл, чем в Соединенных Штатах.

Для перевозки на Гуадалканал 2-й армейской дивизии и был сформирован знаменитый «Токийский экспресс», состоявший из кораблей 8-го флота контр-адмирала Гуничи Микава, базирующихся на Рабаул.

10 октября соединение адмирала Какута покинуло Трук и направилось к Гуадалканалу, чтобы обеспечить поддержкой с воздуха действия сухопутных войск.

Мой «Амацукадзе» вместе с другим эсминцем вышли с Трука накануне, чтобы проверить небольшой островок Ндени в северной группе островов Санта-Круз, где, по некоторым сведениям, укрывались в тихих бухточках на ночь летающие лодки противника.

«Токийский экспресс» адмирала Микава, погрузив на свои корабли 10 000 солдат и офицеров 2-й армейской дивизии, за семь рейсов со 2 по 11 октября доставил их на Гуадалканал практически без потерь. Операция завершилась полным успехом. Американцы, видимо, оценили тактику «шуай-ян» и вели себя крайне осторожно.

В предыдущих операциях Ямамото решительно отвергал все попытки послать линейные корабли в зону боевых действий. Но после завершения строительства аэродрома на южной оконечности острова Бугенвиль, что давало возможность обеспечения воздушного прикрытия кораблей в районе Гуадалканала, Ямамото решил рискнуть. И выиграл.

В 23:00 13 октября два линейных корабля (по 27 500 тонн каждый) подошли на одну милю к побережью Гуадалканала, уменьшили скорость до 18 узлов и приступили к бомбардировке. Шестнадцать их огромных 14-дюймовых орудий выпустили по противнику 918 фугасных снарядов. После этого американский аэродром пылал двадцать четыре часа подряд. Японские войска на острове были воодушевлены подобной демонстрацией нашей морской мощи и просили флот повторить подобное шоу. Ямамото пообещал, и на следующую ночь адмирал Микава с крейсерами «Чокай» и «Кинугаса», идя курсом, параллельным побережью,

обрушил на противника 752 восьмидюймовых снаряда.

Но у флота были и другие заботы, главной из которых являлась доставка на остров тяжелого вооружения. Но, как только мы начали этим заниматься, в районе острова снова появилось американское авианосное сомнение.

Первый сокрушительный удар оно нанесло по нашим конвоям 15 октября, утопив и тяжело повредив шесть наших транспортов. 17 октября два американских эсминца обстреляли на рассвете склады с горючим и боеприпасами нашей армии на побережье, предав их огню и опустошению. Во второй половине дня семь американских бомбардировщиков полностью закончили начатую эсминцами работу. Отсутствие механизированных средств для быстрого перемещения ценных грузов в безопасное место дорого стоило нашей армии.

Американские корабли были обнаружены на отходе в 110 милях южнее Гуадалканала. А соединение Какуты маневрировало в 200 милях севернее острова, а потому не имело никаких шансов перехватить противника.

Таким образом, два мощных японских оперативных соединения, пробыв в водах острова более недели, так ни разу не смогли установить боевого соприкосновения с противником. Это не могло не отразиться на настроении личного состава. Боевой дух стал слабеть.

Между тем, все мы ожидали генерального наступления, обещанного генералами не позднее 20 октября. Однако армия под теми или иными предлогами постоянно откладывала начало генерального наступления, в то время как флоту ничего не оставалось делать, как ждать обещанного армией наступления.

В период этого ожидания, 22 октября, на флагманском корабле адмирала Какута авианосце «Хийо» внезапно произошла крупная авария в машине. Машины «Хийо», предназначенные для торгового судна, не справлялись с нагрузками, необходимыми для авианосца в боевой обстановке, и все усилия механиков отремонтировать их ни к чему не привели. Какута был вынужден отправить «Хийо» обратно на Трук, куда тот доковылял, едва выжимая 6 узлов из своих машин.

Адмирал Какута перенес свой флаг на «Дзунье» и вскоре остался с этим единственным авианосцем, поскольку «Дзуйхо» был передан соединению адмиралу Нагумо. Таким образом, знаменитый хвост змеи «шуай-ян» потерял две трети своей силы накануне решающих боев.

Вечером 24 октября вице-адмирал Чуичи Нагумо с весьма мрачным видом сидел в своем салоне на авианосце «Секаку». Со времени сражения у Мидуэя адмирал заметно постарел. Он стал совсем седым, лицо приобрело болезненный цвет и покрылось морщинами.

Перед адмиралом лежали два листка бумаги, и, хотя он прочел их содержание уже несколько раз, смысл прочитанного еще не был ему до конца ясен.

На одном листке было перепечатано сообщение Юнайтед Пресс от 20 октября, говорящее о том, что флот США готовится к крупным морским и воздушным сражениям в южной части Тихого океана.

Нагумо задавал себе вопрос, что должно означать появление подобного сообщения в открытой печати? Дезинформацию, чтобы скрыть от нас истинное направление удара, задуманного противником?

На другом листке были перечислены вражеские корабли, обнаруженные разведывательными самолетами соединения с момента его прибытия в зону боевых действий.

«Авианосцы противника не появлялись в районе уже целую неделю», — пробормотал адмирал Нагумо. — «Что бы это могло значить?» Адмирал встал и медленно прошелся по салону.

В этот момент в дверь адмиральского помещения постучали, и вошел капитан 2-го ранга Такада, один из офицеров штаба соединения.

— Адмирал, — доложил он, — резко возрос радиообмен самолетов и подводных лодок противника с их главными силами.

— Хорошо, — кивнул головой адмирал Нагумо, — срочно вызовите ко мне начальника штаба адмирала Кусака.

Через несколько минут коренастый и энергичный контр-адмирал Рейносуке Кусака, спустившись с мостика, прибыл в салон.

— Как на наших кораблях с топливом? — спросил его Нагумо.

— Большая часть кораблей в настоящее время принимает топливо с танкеров — доложил начальник штаба.

— Замечательно, — снова одобрительно кивнул командующий. — Предупредите всех командиров отрядов и кораблей, что вскоре неизбежно произойдет крупное сражение. После окончания приема топлива перестроиться в боевой ордер.

Потом адмирал Кусака доложил командующему план оперативного развертывания. — Впереди нас, — Кусака водил указкой по карте, — находится контр-адмирал Коки Абе с линейными кораблями «Хийя» и «Киришима», крейсером

«Тикума» и семью эсминцами. Они держатся в 60-80 милях к югу от нас. Контр-адмирал Чуичи Хара с крейсером «Тоне» и эсминцем «Теруцуки» — в 200 милях к западу.

Нагумо поинтересовался, имеются ли какие-нибудь новые сведения о местонахождении авианосцев противника, и получил отрицательный ответ. Кусака пожаловался, что американцы, видимо, хорошо зная обстановку, выбирают нужное время и место для нанесения удара, а мы действуем вслепую, как у Мидуэя. Возможно, нам следовало бы временно прекратить спускаться на юг до полного выяснения обстановки?

Нагумо молчал. Адмирал Кусака предложил запросить на этот счет мнение начальника штаба Объединенного флота адмирала Угаки, послав ему радиограмму следующего содержания: «Можно ли приостановить наше продвижение на юг до получения совершенно точного сообщения о захвате армией аэродромов Гуадалканала? В противном случае существует вероятность нашего попадания в западню, приготовленную противником».

Вскоре после полуночи из штаба Объединенного флота прибыл долгожданный ответ:

«Адмиралу Кусака. Ваше соединение должно следовать полным ходом к югу. Ранее полученные приказы остаются без изменений».

Офицеры штаба Нагумо переглянулись. Кусака закусил губы, но Нагумо, вздохнув, спокойно, произнес:

— Хорошо, начинайте заправку авианосцев топливом. Три авианосца, уменьшив скорость, начали в темноте ночи прием топлива с танкеров.

На рассвете 25 октября, когда мучительно-медленный процесс заправки почти уже подходил к концу, в каюту адмирала Нагумо буквально ворвался рассыльный с радиограммой. Адмирал лежал, забывшись тревожным сном. Он мгновенно проснулся и прочел сообщение, которое было рапортом одного из истребителей боевого воздушного патруля, кружащегося над соединением: «Я только что сбил самолет противника, видимо, разведывательный». Нагумо схватил трубку телефона:

— Приостановить заправку! Авианосцам лечь на обратный курс и двигаться на север.

В 05:30 соединение со скоростью 20 узлов стало отходить на северо-северо-восток. Начав подобный отход (то, что нужно было сделать и у Мидуэя), адмирал Нагумо сбил противника с толку. Американские разведывательные самолеты вели поиск в более южных районах в тщетных попытках снова обнаружить наши корабли.

Вместе с тем, наши самолеты-разведчики были посланы во всех направлениях на поиск противника. Но они не смогли обнаружить вражеских авианосцев, доложив только о двух линкорах, пяти крейсерах и двенадцати эсминцах противника.

Продержавшись на северном курсе в течение 12 часов адмирал Нагумо приказал всем кораблям возобновить прием топлива. В 19:00 соединение легло на обратный курс и устремилось на юг со скоростью 20 узлов. Стояла теплая безлунная ночь. Южный бриз полоскал гафельные флаги, приятно освежая всех стоявших на мостике. Настроение у всех было мрачное. Снова, как при Мидуэе, не удавалось установить контакт с авианосцами противника, не зная при этом, обнаружены мы или нет.

В 00:50 26 октября на «Секаку» взвыли сирены воздушной тревоги.

— Воздушная тревога! Воздушная тревога! — гремели по кораблю боевые громкоговорители. Адмирал и офицеры его штаба, выскочив из боевой рубки, увидели четыре огромных столба воды, поднявшихся с правого борта авианосца «Дзуйкаку», идущего в 5000 метрах за кормой флагманского авианосца. Столбы воды еще не успели опасть, как Нагумо снова приказал ложиться на обратный курс. С мостика «Амацукадзе» я увидел, как с «Секаку» передали прожектором: «Поворот все вдруг вправо на 180 градусов».

Вскоре флагманский прожектор снова промигал:

«Скорость 24 узла».

И, наконец, в 01:30, когда все корабли завершили разворот, последовал еще один приказ: «Всем кораблям лечь на курс 0 градусов».

Томительно шло время в ожидании воздушного удара противника. Однако ни одного вражеского самолета не появлялось. Видимо, одинокий самолет, атаковавший «Дзуйкаку», совершил ошибку, вспугнув наше соединение, а остальные не могут нас найти.

На рассвете 26 октября в 03:45 по японскому времени (местное время — 05:45) на авианосцах начали подъем самолетов на полетную палубу. Еще глубокой ночью корабли нашего авангарда, теперь оказавшиеся в нашем тылу, катапультировали в кромешную темноту семь самолетов-разведчиков. Через 30 минут с палуб авианосцев вылетели еще тринадцать разведывательных машин. Затем все корабли развернулись и снова пошли курсом на юг.

Около 05:00 по переговорной трубе раздался голос лейтенанта Шодзи из радиорубки:

— Самолет-разведчик с «Секаку» сообщает о крупном соединении противника в квадрате КН-17. Соединение состоит из одного авианосца типа «Саратога» и пятнадцать других кораблей. В 04:50 оно шло курсом на северо-запад.

Я потерял дар речи, когда убедился, что квадрат КН-17 находится всего на расстоянии 210 миль по пеленгу 125. Мы-то считали, что противник должен находиться у нас прямо по курсу или даже чуть справа.

Холодные мурашки побежали у меня по спине. Я уверен, что также чувствовал себя любой из офицеров нашего соединения, смотревший в этот момент на карту, которая показывала, насколько мы были близки к тому, чтобы снова попасться в капкан, расставленный противником. Если бы мы продолжали двигаться в южном направлении, как того требовал штаб Объединенного флота, а не уходили время от времени на север, то американцы нанесли бы нам удар с тыла, разгромив нас и уничтожив.

На мостике «Секаку» адмирал Нагумо впервые за сутки позволил себе улыбнуться и приказал немедленно поднимать в воздух самолеты.

Взревели моторы. Все хорошо помнили Мидуэй, когда колебания и промедление привели к катастрофе.

В течение 15 минут с полетных палуб «Секаку» и «Дзуйкаку» поднялись 40 бомбардировщиков и 27 истребителей.

В этот момент два американских бомбардировщика, неожиданно вывалившись из облаков, сбросили несколько бомб на авианосец «Дзуйхо». Их смелость и внезапность принесла свои плоды. Одна из бомб пробила полную палубу авианосца и взорвалась. И хотя вспыхнувший пожар был вскоре взят под контроль, палуба была разрушена. Командир «Дзуйхо» доложил, что он может упускать самолеты, но принимать их на поврежденную шубу невозможно. Расстроенный Нагумо приказал Дзуйхо» выпустить в воздух все истребители и отходить на базу.

В 06:00 в воздух была поднята наша; вторая ударная волна, в которую были включены и шестнадцать истребителей с «Дзуйхо». Авианосцы были оставлены без воздушного прикрытия. Главной целью было уничтожить вражеский флот.

А на авианосце «Дзунье» адмирал Какута был вне себя от ярости, узнав, что противник находится на расстоянии 330 миль. Он приказал своим кораблям полным ходом следовать на юго-восток. Неуклюжий перестроенный авианосец выжимал из своих гражданских машин максимум 26 узлов, но на этот раз он развил такую скорость, что оставил за кормой три эсминца из своего охранения. Эсминцам пришлось потратить час, прежде чем

удалось догнать свой летящий в бой флагманский корабль.

Дистанция в 330 миль не являлась чем-то запредельным в данной обстановке. Самолеты с «Дзунье» в конце концов могли вернуться на находящиеся поближе авианосцы Нагумо. Однако адмирал хотел сблизиться с противником настолько, чтобы обеспечить своим бомбардировщикам максимальную боевую нагрузку.

Маневрирование и график действий американского соединения были очень искусно продуманы, но противник ничего не знал о нашем одиноком авианосце и не предполагал его боевой ярости.

В 07:14 адмирал Какуто выпустил в воздух 29 бомбардировщиков. Построившись тремя эшелонами, они устремились на противника.

Вскоре была перехвачена радиограмма с самолетов первой ударной волны: «Авианосец противника обнаружен... Атакуем всеми силами».

В решительной атаке, продолжавшейся около 10 минут, сорок наших бомбардировщиков и торпедоносцев добились нескольких прямых попаданий бомб и торпед в американский авианосец «Хорнет».

Пока я слушал это сообщение, мое внимание было отвлечено возвращением на «Секаку» очередного самолета-разведчика. Самолет был поврежден и вынужден был сесть на воду вблизи кормы авианосца. Я направил эсминец к аварийному самолету и начал спускать шлюпку. И в этот момент появились самолеты противника. Взглянув вверх, я увидел примерно полтора десятка пикирующих бомбардировщиков, выскочивших из облаков на высоте около 2000 метров. Чуть ниже их шла шестерка торпедоносцев. Я продолжал спасательную операцию, будучи в полной уверенности, что атакующие самолеты в любом случае выберут в качестве цели авианосец «Секаку», а не мой маленький эсминец.

Когда наша шлюпка вернулась с двумя спасенными пилотами, все корабли уже открыли огонь по приближающимся американским самолетам, уже атакованным шестеркой истребителей нашего боевого воздушного патруля.

Два торпедоносца противника были сбиты нашими истребителями и исчезли, взорвавшись в воздухе. Один из наших истребителей таранил американский бомбардировщик, и оба самолета буквально испарились в яркой и мгновенной вспышке пламени, сопровождаемой грохотом страшного взрыва. Я видел, как два американских бомбардировщика, крутясь, как опавшие листья, падали в океан. Странно, но я не видел в воздухе

вражеских истребителей и был очень удивлен, что американцы бросили в атаку ударную волну без истребительного прикрытия.

Количество самолетов противника быстро уменьшалось. Белые и желтые шапки зенитных разрывов нашего заградительного огня запятнали все небо. Появлялась надежда, что в этой атаке мы не понесем никаких повреждений. «Амацукадзе» шел зигзагом со скоростью 33 зла, ведя огонь из всех орудий, стараясь прикрыть «Секаку».

Я увидел, как два американских пикировщика, пробившись через зенитный огонь и истребительное прикрытие, устремились на авианосец с высоты около 700 метров. Самолеты почти вертикально падали вниз, наконец выровняли полет и, взревев моторами, набрали высоту, скрывшись в облаках. В следующее мгновение мне почудилось, что две или три серебряных полоски, напоминающие молнии, ударили в палубу авианосца «Секаку». Яркие вспышки огня сверкнули в носовой части и вблизи островной надстройки авианосца, и яркое пламя мгновенно охватило все пространство полетной палубы. Из самолетоподъемников вырвались языки огня вместе с клубами черного и белого дыма.

Флагманский авианосец получил попадание сразу четырьмя бомбами. Охваченный пламенем, волоча за собой шлейф черного дыма, огромный корабль медленно развернулся. Видимо, его машины нисколько не пострадали. «Секаку» увеличил скорость до 30 узлов и стал уходить из зоны сражения, сопровождаемый двумя эсминцами. В последний момент я получил приказ вступить в охранение эсминца «Дзуйкаку» — последнего авианосца, оставшегося в соединении.

Я был ошеломлен, еще раз убедившись в уязвимости авианосца. Если гибель «Рюдзе» можно было списать на неопытность и низкую боевую подготовку личного состава, то тут этого сказать было нельзя. Все действовали мужественно, умело, с полной отдачей сил.

Прошел час, но самолеты противника больше не появлялись. Вместо них появились истребители с «Дзуйхо», возвращавшиеся небольшими группами. Их летчики объяснили «тайну» отсутствия истребительного прикрытия у американских бомбардировщиков и торпедоносцев первой ударной волны, атаковавших «Секаку». Дело в том, что первая ударная волна японских самолетов из 40 бомбардировщиков и 27 истребителей совершенно случайно встретилась в воздухе с первой ударной волной авиации противника. Подобную случайность не могли предвидеть оперативники штабов ни у нас, ни у американцев. Половина японских истребителей, нарушив походный строй, обрушилась на

вражескую авиагруппу. Над океаном, примерно на полпути между противостоящими флотами, завязался яростный воздушный бой.

Восемь американских истребителей были сбиты, но их гибель обеспечила бомбардировщикам прорыв к нашему соединению, в результате которого был выведен из строя авианосец «Секаку».

Японская ударная группа, чье истребительное прикрытие также уменьшилось, с трудом прорвалась к американскому авианосцу «Хорнет», всадив в него несколько авиабомб. При этом семь японских бомбардировщиков были потеряны.

Похоже было, что основная авиагруппа противника из 21 бомбардировщика и 8 истребителей, поднявшаяся с авианосца «Хорнет», атаковала корабли нашего авангарда, в то время как гораздо меньшая группа с «Энтерпрайза» нанесла удар по «Секаку».

Почему наиболее мощная авиагруппа с «Хорнета» выбрала корабли авангарда, состоящего из крейсеров, вместо нашего соединения, построенного вокруг двух авианосцев, — все еще остается для меня загадкой. Крейсера авангарда находились в 120 милях впереди нас, увеличив первоначальную дистанцию вдвое из-за нескольких поворотов Нагумо на обратный курс. Возможно, что из-за этого авиагруппа с «Хорнета» просто не смогла обнаружить наше авианосное соединение.

Неспособность американцев нанести по нашим авианосцам еще один удар полностью передала инициативу в наши руки.

Вторым ударом мы добили «Хорнет», который был оставлен экипажем, и повредили «Энтерпрайз». После чего американский адмирал Кинкейд приказал своему соединению отходить.

Однако нам понадобилось слишком много времени, чтобы осознать себя победителями в этом сражении. Слишком силен еще был синдром Мидуэя. После короткого, но весьма эффективного удара американцев по «Секаку», пять эсминцев, включая и мой «Амацукадзе», вошли в охранение авианосца «Дзуйкаку» и провели весь день, разыскивая и спасая экипажи самолетов, выпрыгнувших с парашютами или совершивших вынужденную посадку на воду. Мы подняли на борт пилота и стрелка со сбитого бомбардировщика. Летчик был ранен в левую ногу. Он считал чудом, что его самолет не взорвался, когда очередь с американского истребителя пробила ему бензобак.

Затем один торпедоносец, совершавший посадку на палубу «Дзуйкаку», проскочил финишеры, не смог остановиться, соскользнул с полетной палубы и рухнул в море. Я полным ходом пошел к месту его падения, но не успел. Самолет вместе с экипажем утонул.

Два оставшихся в строю наших авианосца продолжали

ожесточенно сражаться. В 11:06 «Дзуйкаку» и «Дзунье» выпустили в воздух еще одну ударную волну для удара по отступающим американцам — более сорока бомбардировщиков и торпедоносцев.

Когда же штаб Объединенного флота на Труке отдал приказ «преследовать и уничтожить бегущего противника», было слишком поздно. Быстроходные корабли адмирала Кондо, хотя и развили скорость до 30 узлов, не смогли, конечно, догнать американцев, имеющих фору в 300 миль.

Утром 27 октября адмирал Нагумо вернулся в район боевых действий на эсминце «Араси». Он перешел на «Дзуйкаку» и возобновил руководство боем. К сожалению, самолеты, посланные с «Дзуйкаку» и «Дзунье» не сумели снова обнаружить противника, и в 06:30 27 октября Нагумо объявил операцию законченной. Корабли перестроились в походный ордер и триумфально вернулись на Трук.

Соотношение потерь в сражении у Санта-Круз выглядит следующим образом:

Соединенные Штаты - Япония

ПОТОПЛЕНЫ:

авианосец «Хорнет» - нет потерь.

ПОВРЕЖДЕНЫ:

Авианосец «Энтерпрайз» , линкор «Саут Дакота», легкий крейсер «Сан-Джуан», эсминец «Смит» - авианосец «Секаку», авианосец «Дзуйхо», крейсер «Тикума», эсминец «Акицуки», эсминец «Хошицуки».

ПОТЕРИ САМОЛЕТОВ:

74 - 66 машин.

С тактической точки зрения сражение кончилось нашей победой, но стратегически опять победили американцы. Они сорвали наши планы нанесения удара по Гуадалканалу и выиграли время для сосредоточения на самом острове и в водах вокруг него новых сил, а также — для подготовки к грядущим боям. Нам удалось нанести противнику потери, но благодаря ошибкам и нерешительности адмиралов Кондо и Абе, американцы избежали полного разгрома.

6

Ликование по поводу победы у Санта-Круз долго не продолжалось. По возвращении на Трук адмирала Нагумо ждал неприятный сюрприз: он освобождался от командования 3-м флотом, как официально именовалось его ударное соединение, и

назначался командиром военно-морской базы в Сасебо.

Узнав о переводе адмирала в Японию, я прибыл на «Дзуйкаку», чтобы с ним попрощаться. Нагумо выглядел ужасно. За последние полгода он, казалось, постарел лет на двадцать.

— Очень рад вас видеть, Хара, — приветствовал он меня. — Я наблюдал за действиями вашего эсминца. Вы — молодец!

Я смутился и после некоторого молчания осмелился спросить:

— Вы очень плохо выглядите, адмирал. Вы нездоровы?

— Немного простудился, — вздохнул Нагумо, — но дома я быстро поправлюсь и вскоре вернусь, чтобы сражаться вместе с вами.

— Конечно, — поддержал его я. — Климат Сасебо быстро поставит вас на ноги. Вам необходимо отдохнуть. Вы в течение целого года непрерывно участвовали в боях. По сравнению с вами я, можно сказать, совершил увеселительный морской круиз.

— Сейчас вам придется туго, — сочувственно ответил мне адмирал. — Все авианосцы, исключая «Дзунье», отзываются в Японию на ремонт.

Я оторопел.

— Как же мы будем действовать в этом районе всего с одним авианосцем? Неужели нельзя было сделать необходимый ремонт, не отзывая корабли за 2500 миль от зоны боевых действий?

— Если бы речь шла только о повреждениях кораблей, то конечно, большую часть работ можно было провести прямо здесь, на Труке, — объяснил адмирал Нагумо. — Вопрос в другом. Мы потеряли большое количество лучших пилотов и нам нужно вернуться домой, чтобы обучить новых...

Нагумо был заменен вице-адмиралом Джисабуро Одзава, который всю свою жизнь проплавал на эсминцах, и как он справится с командованием авианосным соединением было никому не известно. Все ждали чуда и надеялись на лучшее.

В штабе Объединенного флота царила мрачная и напряженная атмосфера. После жестокого поражения, которое постигло 2-ю армейскую дивизию на Гуадалканале, Армия решила высадить на остров 38-ю дивизию и требовала от адмирала Ямамото обеспечения транспортировки.

Тому не оставалось ничего, кроме как подчиниться армейским требованиям.

В начале ноября двадцать японских эсминцев начали доставку на остров частей и подразделений 38-й пехотной дивизии. Доставка и высадка войск проводилась эсминцами 2, 7, 8 и 10 ноября без какого-либо противодействия со стороны противника. Но американский флот, как и в предыдущих

операциях, ждал только нужного момента.

И этот момент настал. В период с 12 по 15 ноября у Гуадалканала произошла серия ожесточеннейших морских сражений.

Нагумо предсказывал, что нам вскоре придется очень туго, и мне в этом пришлось вскоре убедиться, когда я попал в новую гуадалканальскую мясорубку.

Это было одно из наиболее фантастических морских сражений в истории, когда 14 японских и 13 американских кораблей сражались на дистанции прямой наводки. Японцы потеряли один линкор и два эсминца. Из американского отряда уцелели только три эсминца и один тяжело поврежденный крейсер. Погибло очень много старших офицеров американского флота. Возможно, это было самое тяжелое поражение американцев за всю войну на Тихом океане. Однако и нам было нечему радоваться. А наш адмирал за этот бой попал под суд и был уволен со службы с мотивировкой «за позорное руководство».

Сражение фактически было свалкой без соблюдения какого-либо оперативного плана или тактических схем. Подробности и детали его, не считая конечных результатов, наверное никогда не будут известны.

Я приложил много усилий в попытке восстановить картину этого боя объективно и непредвзято, насколько это вообще возможно.

Японским отрядом командовал контр-адмирал Коки Абе, имевший к тому времени уже большой боевой опыт. Он был известен своей крайней осторожностью, Некоторую недоброжелатели адмирала часто называли робостью.

В сражении у Санта-Круз он, командуя авангардом наших сил, не смог организовать преследование бегущего противника и завершить его разгром. Адмирал Абе без всякого энтузиазма воспринял приказ Ямамото, предписывавший его четырнадцати кораблям осуществить бомбардировку Гуадалканала, как это сделало соединение адмирала Курита в октябре. Абе считал, что повторяться опасно. Американцы не так глупы, чтобы позволить применять одну и ту же тактическую формулу дважды.

9 ноября мой «Амацукадзе» вместе с группой из восьми эсминцев, чьим лидером был легкий крейсер «Нагара», вышел с острова Трук.

На рассвете 12 ноября наш отряд соединился с эскадрой адмирала Абе, состоявшей из двух линкоров и трех эсминцев их прикрытия. Это произошло в районе острова Шортленд.

В 08:30 того же дня, когда наше соединение находилось еще в 300 милях от Гуадалканала, оно было обнаружено американской

«летающей крепостью» «B-17». Опасаясь возможного удара с воздуха, мы запросили у адмирала Какута воздушного прикрытия и вскоре над нашими кораблями закружились истребители с авианосца «Дзунье». Действительно, через некоторое время появилась группа бомбардировщиков противника, но при виде истребителей она повернула обратно, не сбросив бомб. Однако было ясно, что американцам уже известно все о нашем приближении к Гуадалканалу.

Мы продолжали следовать на юг со скоростью 18 узлов. С линейного корабля «Хийя» катапультировали самолет-разведчик. Прошел час, но с самолета не поступало никаких сообщений. Не появлялась и авиация противника. Внезапно начала портиться погода. Небо затянулось свинцовыми тучами и хлынул тропический ливень, перешедший в грозу.

Было совсем темно, настолько, что невозможно было разглядеть ближайшие корабли отряда. Мы ожидали приказа уменьшить скорость и увеличить расстояние между кораблями, но такого приказа не последовало. Нервы у всех были напряжены до предела.

Для адмирала Абе разразившаяся гроза была милостью Небес, поскольку закрыла его эскадру со всех сторон от возможного обнаружения авиацией противника, а также его надводными кораблями и подводными лодками. Когда один из штабных офицеров посоветовал Абе уменьшить скорость, тот раздраженно ответил:

— Нам нужно подойти к цели вовремя. В мирное время ни один командующий не повел бы через слепящий шторм свои корабли на такой скорости и в столь тесном строю. В подобных условиях могло случиться все что угодно. В этом же походе через ливень и грозу, который продолжался более семи часов, не произошло ни одного ЧП, что прежде всего свидетельствует о высочайшей боевой подготовке экипажей наших эсминцев. Именно благодаря столь высокому боевому искусству мы даже в суматохе ночных боев никогда не стреляли друг по другу, а американцы, свидетельствующие об обратном, совершенно не правы.

На мостике линкора «Хийя» адмирал Абе на глазах у своих штабных приходил в самое отличное настроение, сказав своим вымокшим офицерам:

— Эта благословенная гроза движется с той же скоростью и тем же курсом, что и мы.

В это же время поступило первое сообщение с разведывательного самолета: «Обнаружил более дюжины кораблей противника у побережья Лунга». Прочтя сообщение,

адмирал Абе рассмеялся:

— Если Небеса будут по-прежнему на нашей стороне, то, возможно, что нам и не придется иметь с ними дело.

Вскоре была перехвачена радиограмма с армейского наблюдательного поста на Гуадалканале, сообщавшего, что на острове очень плохая погода. Разведывательный самолет с «Хийя» в эфире появился еще раз, сообщив, что направляется на Бугенвиль, поскольку не может в такую погоду отыскать соединение. Адмирал Абе, поняв, что в такую погоду трудно будет организовать бомбардировку береговых целей, решил все-таки выбираться из-под прикрытия идущей на юг грозы. С линкора «Хийя» на ультракоротких волнах передали приказ: «Всем кораблям приготовиться к повороту «все вдруг» на 180 градусов».

Я немедленно отрепетовал по радио о получении подготовительного сигнала и стал ждать исполнительного, который обычно подавался через 30 секунд. Я напряженно смотрел на часы. В таких условиях очень важным является точное время передачи сигнала, чтобы избежать столкновений друг с другом. Прошла минута. Исполнительного приказа не было. Прошло еще 30 секунд. Тишина. Такого еще не бывало! Я крикнул по переговорной трубе в радиорубку:

— Был ли исполнительный? Нервный голос ответил:

— Не было, командир. Эсминцы авангарда «Юдачи» и «Харусаме» не подтвердили получение подготовительного сигнала.

Прошло еще три минуты. Переговорная труба из радиорубки снова ожила:

— Командир, линкор «Хийя» разговаривает с «Юдачи» и «Харусаме» на средневолновой частоте.

— Быть не может! — завопил я. — Они там все с ума посходили на линкоре!

Средневолновые диапазоны очень легко перехватываются противником. Поэтому все преимущества, которые нам дал идущий на юг грозовой фронт, были растрачены на флагманском линкоре.

В 22:00 из радиорубки доложили, что флагман дал исполнительный приказ на поворот. Я дал команду на руль, с тревогой наблюдая, чтобы какой-нибудь корабль не появился передо мной на курсе столкновения. Однако все обошлось. Корабли сманеврировали успешно. Затем с «Хийя» передали следующий приказ: «Всем кораблям уменьшить скорость до 12 узлов».

Абе не хотел рисковать. Многолетний опыт подсказывал ему,

что после следования вслепую в течение семи часов и резкого поворота на обратный курс от первоначального строя должно было уже мало что остаться. И он был прав. Наш строй фактически распался. Позднее я узнал, что еще до сигнала с флагмана пять эсминцев авангарда, что шли в 8000 метрах впереди крейсера «Нагара», вынуждены были лечь на обратный курс, чтобы не выскочить на рифы Гуадалканала.

Таким образом, авангардная дуга разломилась на группу из двух и трех эсминцев, расстояние между которыми постоянно увеличивалось. Этот фактор сыграл важную роль в будущем сражении.

Ливень кончился в 22:40, примерно через 30 минут после начала нашего разворота на обратный курс. Затем Абе приказал совершить еще один поворот на 180 градусов, чтобы приблизиться к острову. Я считал, что теперь нам нужно построиться в одну кильватерную колонну.

Наш походный ордер совершенно не годился для боя с крупными силами противника. Однако Абе не дал приказа перестраиваться, и, возможно, впервые я начал сомневаться в правильности его действий.

Идти в бой, сомневаясь в правильности действий командующего, всегда тягостно, да и опасно. Я считал бессмысленным идти прежним курсом, когда враг нас уже совершенно точно обнаружил из-за радиопереговоров на средних волнах. Такой строй создаст противнику благоприятные возможности для нашего обнаружения и внезапного удара. Мои мысли были прерваны криком сигнальщика:

— Слева по носу по пеленгу 60 градусов небольшой островок! Прямо по курсу вижу вершины гор! Из темноты слева выплыли массивные очертания острова Саво, а прямо по курсу на фоне облаков вырисовывались вершины гор Гуадалканала. Каким-то звериным инстинктом я почувствовал неизбежность боя. Задрожав от возбуждения, я глубоко вдохнул освежающий ночной бриз и скомандовал:

— Орудия и торпедные аппараты на правый борт! Дистанция 3000 метров. Угол раствора торпед 15 градусов!

Мертвая тишина царила на корабле. Все были на своих местах по боевому расписанию. На флагманском линкоре «Хийя» адмирал Абе изучал последние разведывательные сводки. Наблюдательные посты на Гуадалканале доложили, что дождь кончился и они больше не видят кораблей противника у Лунга. С Бугенвиля сообщили, что с острова к Гуадалканалу посланы разведывательные гидропланы.

В 23:42 на частоте чрезвычайных сообщений поступил рапорт

с эсминца «Юдачи»: «Вижу противника!». И все.

— Пусть сообщит расстояние и пеленг! — заорал Абе. — И свое место!

Адмирал не успел закончить, как сигнальщик, находящийся на верхнем ярусе надстройки линкора, доложил срывающимся на крик голосом:

— Четыре черных объекта прямо по курсу... Пять градусов право по носу... Похожи на военные корабли. Дистанция 8000 метров.

И после паузы добавил:

— Не уверен в докладе. Очень плохая видимость. «Юдачи», находившийся в 10 000 метрах справа по носу от флагманского линкора, молчал. Его начальник штаба капитан 2-го ранга Судзуки пытался уточнить расстояние у сигнальщиков: 8000 метров или нет.

— Возможно, 9000 метров, — ответили с дальномерного поста.

Адмирал Абе, заметно нервничая, приказал в башнях главного калибра «Хийя» и «Киришима» заменить фугасные снаряды на бронебойные. Затем он приказал линкорам лечь на обратный курс, но передумал. Нерешительность командующего стоила потом очень дорого.

На линкорах же был объявлен аврал. Почти весь экипаж, покинув свои места, принял участие в перегрузке и замене снарядов.

На ультракоротких, средних и коротких волнах звучали истерические голоса радистов линкора «Хийя», которые, отбросив все правила безопасности и радиодисциплины, оповещали о появлении противника.

Прошло восемь долгих минут, но противник почему-то не открывал огня.

Наши соединения сближались с суммарной скоростью 40 узлов или 1200 метров в минуту. А орудия молчали! Как тут было не вспомнить сражение в Яванском море, где огонь был открыт с дистанции 25 000 метров!

Аврал на линкорах закончился. Фугасные снаряды были спущены в погреба, бронебойные — поданы к орудиям.

Почему противник дал нам эти бесценные восемь минут, которые фактически спасли нас от катастрофы? В поисках ответа я прочел американский послевоенный отчет об этом бое. Точного и простого ответа не давалось, поскольку большая часть американских старших офицеров, имевших право принимать решения, погибли в этом бою. Из воспоминаний уцелевших я понял, что американцы не открыли огонь из-за невозможности

быстрого развертывания в боевой порядок и путаных команд.

В 23:41, когда эсминец «Юдачи» доложил об обнаружении противника, американцы шли кильватерной колонной, направляясь прямо на ядро нашего соединения, то есть на линкоры. В таком строю огонь мог вести только головной корабль. Это как-то объясняет задержку в открытии огня, но оставляет множество вопросов поводу дальнейшей пассивности американцев. В этом бою произошло немало других не совсем обычных вещей.

В 23:50 линкор «Хийя» открыл свои прожектора и обнаружил, что в 2000 метрах впереди нет крейсера «Нагара», как то было положено по диспозиции. Вместо этого крейсер находился на расстоянии 5000 метров, совершая поворот влево и обрезая нос эсминцу «Юкикадзе», который шел в 2000 метрах впереди меня.

Когда прожектор «Хийя» обнаружил также на дистанции примерно 5000 метров американский крейсер «Атланта», тот мгновенно дал залп из своих двенадцати пятидюймовок. Все двенадцать снарядов легли с большим недолетом.

Через тридцать секунд «Хийя», положив руль вправо, открыл огонь из своих восьми 14-дюймовых орудий. Для орудий столь большого калибра расстояние в 5000 метров является дистанцией прямой наводки. Несколько огромных снарядов сразу же поразили «Атланту», убив контр-адмирала Нормана Скотта и всех других находящихся на мостике американского крейсера офицеров.

Однако включение прожекторов дорого обошлось и линкору «Хийя». Четыре американских эсминца, идущие впереди «Атланты» обрушили на линкор яростный концентрированный огонь с расстояния от 2000 до нескольких сотен метров. Идущий впереди всех эсминец «Кашинг» даже прошил мостик линкора очередями крупнокалиберных пулеметов. Многие снаряды и трассы крупнокалиберных очередей летели мимо линкора и падали каскадами вокруг моего «Амацукадзе». Стоял невероятный грохот.

Совершенно ослепленный я в течение некоторого времени стоял на мостике, ничего не видя. К счастью, в эсминец не было ни одного попадания.

«Кашинг» выпустил по «Хийя» шесть торпед (если верить его рапорту), но ни одна из них не попала. Во всяком случае, мы с «Амацукадзе» ни одну из них не заметили.

Между тем все снаряды, не попадающие в «Хийя», продолжали ложиться вокруг нас. Опасность нашего положения увеличивалась еще и тем, что впереди уже отчетливо виднелись очертания острова Флорида с его многочисленными

прибрежными рифами. Я приказал отвернуть вправо, увеличить скорость и отойти от линкора.

Отойдя подальше от «Хийя», я пристроился в кильватер к эсминцу «Юкикадзе», идущего полным ходом с правого борта крейсера «Нагара». Справа я увидел множество американских кораблей, идущих призрачными тенями вдоль берега Гуадалканала.

Положив руль право на борт и дав полный ход, я решил атаковать корабли противника, прежде чем они смогут выйти в позицию для удара по нашему громоздкому ордеру. Однако в следующий момент призрачные силуэты кораблей противника исчезли на фоне берега острова. Я вглядывался в темноту, пытаясь что-нибудь там различить.

Внезапно с правого фланга линкора «Хийя» появились три наших эсминца, закрыв мне видимость берега Гуадалканала. Мой боевой порыв был сорван. Я оглянулся на «Хийя» и в отчаянии громко выругался.

Массивная надстройка линкора была охвачена пламенем. Три наших эсминца, которые так некстати появились между мной и противником, начали поворот влево, видимо, желая прикрыть линкор с тыла. Это были «Акацуки», «Инадзума» и «Икацучи» — более новые и быстроходные эскадренные миноносцы, чем мой. Я уже было решил пристроиться замыкающим в их колонну, но в этот момент непроглядная темнота ночи была освещена двумя яркими ракетами, выпущенными, как я узнал позднее, с крейсера «Нагара». И мне стали ясно видны 5 или 6 американских кораблей, идущих кильватерной колонной. Ближайший из них находился у меня справа по носу по пеленгу 30 градусов на расстоянии примерно 5000 метров. Причем почти на параллельном курсе! Мое сердце подпрыгнуло. Представлялся уникальный шанс проверить на практике мою теорию торпедных стрельб.

Мой минно-торпедный офицер лейтенант Миеси уже стонал от нетерпения. Я приказал приготовиться к стрельбе торпедами и дал указание штурману, повернув вправо, немного сблизиться с противником и выходить на гиперболический курс.

Мы сближались с противником на суммарной скорости 60 узлов. Торпедным аппаратам была дана команда «Товсь!» и Миеси смотрел на меня жадными глазами, ожидая команды «Пли!»

Противник почему-то не открывал огня. Но даже если бы он это сделал, на гиперболическом курсе им меня не достать.

— Пли! — скомандовал я.

Восемь толстых «рыбин» выскочили в воду из аппаратов и пошли к цели. Было 23 часа 54 минуты. Я ждал, затаив дыхание и

читая молитвословие. Брызги обрушивались на мостик от буруна, поднятого полным боевым ходом эсминца, но никто на мостике их не замечал.

Я отвернул немного влево, чуть сбросив скорость, когда еще пара ракет осветила сцену ночного боя. Я видел колонну из четырех американских эсминцев, идущих с интервалами не более 200 метров друг от друга. На них, обрезая им курс и ведя яростный огонь из всех орудий, несся «Юдачи». Казалось, что он собирается таранить головной эсминец противника «Аарон Вард», который резко отвернул в сторону, чтобы избежать столкновения.

Следующий за ним вторым в колонне эсминец «Бартон» вынужден был на короткое место застопорить машины, чтобы не столкнуться с «Аароном Вардом». В этот момент — через две минуты после выпуска мною торпед — два столба пламени поднялись над «Бартоном». Этот прекрасный фейерверк так быстро погас, что я даже не поверил своим глазам, увидев, что «Бартон» переломился пополам и мгновенно затонул.

Зрелище было в самом деле впечатляющим и экипаж устроил мне шумную овацию, хотя я, признаться, ничего не услышал. Я испытывал скорее чувство удовлетворения ученого, убедившегося на практике в достоверности своей теории, чем ликование военного, быстро и эффективно уничтожившего противника. Все получилось как-то слишком легко.

Ракеты сгорели и погасли. Нас снова окружила тьма.

Через несколько минут я обнаружил тусклые, мигающие огоньки слева, очертившие расплывчатый силуэт большого корабля. Я приказал приготовиться к новой торпедной атаке:

— Цель слева по борту по пеленгу 70 градусов! Я проинструктировал Миеси использовать на этот раз четыре, а не восемь торпед и дал команду:

— Аппараты! Товсь! Пли!

Было 23 часа 59 минут, когда четыре смертоносных рыбины снова вылетели из аппаратов «Амацукадзе» и ринулись к цели. Через три минуты и 40 секунд над нашей целью поднялась огромная алая стена пламени. Жертвой оказался американский легкий крейсер «Джуно», который в этот момент вел артогонь по «Юдачи». Мои моряки снова взвыли от восторга.

Лейтенант Шимицу хотел добить противника артогнем, но я не разрешил. Орудийные залпы только бы выдали наше местонахождение.

Придя в себя, я огляделся. В темноте стоял оглушительный грохот орудий, сверкали вспышки выстрелов.

Американский эсминец «Кашинг», выйдя в атаку на линкор «Хийя», попал под огонь нашего эсминца «Теруцуки». Японский

эсминец находился в темноте с левого борта линкора, а «Кашинг» попал в перекрестие наших прожекторов. В итоге «Теруцуки» просто расстрелял его прямой наводкой.

Другой американский эсминец «Лоффи» почти врезался в «Хийя». Отвернув в последний момент, «Лоффи» промчался под бортом линкора, поливая его надстройку очередями крупнокалиберных пулеметов.

Капитан 1-го ранга Судзуки — командир линкора — был убит на месте. Другие, включая и адмирала Абе, ранены. Огромные орудия линкора и торпеды «Теруцуки» настигли американский эсминец на отходе и потопили его в течение нескольких минут.

Третий в строю противника эсминец «Стеррет» выпустил по «Хийя» торпеды, но промахнулся. Четвертый американский эсминец «О'Веннон», оставаясь в темноте, открыл беглый огонь по нашему линкору, добившись множества попаданий и выведя из строя всю систему внутрикорабельной связи на «Хийя», что вынудило линейный корабль выйти из боя.

В темноте ночи бой продолжался в условиях, когда никто толком не знал общей обстановки и сил противника. Эсминец «Акацуки», чье место в ордере было в 2000 метрах с правого борта «Хийя», ринулся вперед и выпустил торпеды, которые поразили американский крейсер «Атланта». Но сам «Акацуки» попал под убийственный перекрестный огонь с американского тяжелого крейсера «Сан-Франциско» и эсминцев и погиб почти со всем экипажем. «Сан-Франциско» еще вел огонь по «Акацуки», когда сам попал под огонь подошедшего линкора «Киришима», который вскоре, однако, вынужден был покинуть район боя, подчиняясь приказу адмирала Абе.

Между тем, эсминец «Юдачи», перерезав вражескую колонну, увидел следующий с ним параллельным курсом американский крейсер. Эсминец выпустил в него 8 торпед, но промахнулся. Крейсер обрушил на него всю мощь своего артиллерийского огня. Капитан 2-го ранга Киккава считал, что ему пришел конец, но в этот момент над крейсером противника поднялся огромный столб пламени, видимо, от попадания торпед.

Когда был потоплен эсминец «Акацуки», следовавшие за ним два японских эсминца пошли в яростную атаку на американские крейсеры «Сан-Франциско» и «Портленд», которые встретили их убийственным огнем.

Воспользовавшись суматохой, непредсказуемый «Юдачи», выскочив из темноты со стороны нестреляющего борта американского крейсера, выпустил в него восемь торпед и сам попал под огонь американских эсминцев, получив тяжелейшие повреждения.

А мой «Амацукадзе» шел на север к нашему подбитому линейному кораблю «Хийя». Стояла странная тишина. Вдали сверкали вспышки выстрелов, но было уже невозможно определить, кто с кем сражается. Единственным кораблем, который еще можно было опознать по пожару, полыхающему на палубе, был линкор «Хийя». И я решил присоединиться к нему. Я запросил радиорубку: не было ли каких-нибудь важных сообщений.

Радисты ответили отрицательно, добавив, что они вообще не слышат флагманского линкора. Видимо, на нем вышли из строя все средства связи.

Я взглянул на часы. Было 13 минут первого ночи. Вспышка вдали показала, что там горит еще какой-то корабль. Позднее выяснилось, что это был «Юдачи». Пока я наблюдал это зарево, прямо передо мной из темноты появился силуэт большого корабля. Чтобы избежать столкновения лейтенант Мацумото резко положил руль право на борт. Казавшееся неизбежным столкновение удалось чудом избежать.

Что это был за корабль? Мы прошли мимо него настолько близко, что я не смог охватить взглядом весь силуэт. Над нами просто проплыла темная громада борта. Какой-либо активности на его палубе заметно не было. Не было видно и артиллерийских башен, но это было явно не торговое судно. Почему-то этот вышедший тьмы корабль напомнил мне «Джингей» — плавбазу наших подводных кораблей. Но как «Джингей» мог сюда попасть? Но уже через мгновение я понял, что это вовсе не «Джингей», а, скорее всего, какой-то из кораблей противника.

Я приказал комендорам и торпедистам приготовиться к бою. Командиры артиллерийской и минно-торпедой боевых частей Миеси и Шимицу немедленно доложили о своей готовности. Но в последний момент я снова заколебался. А вдруг это кто-нибудь из своих?

В отчаянии я приказал включить прожектора и сразу же увидел, что таинственный неопознанный корабль является американским крейсером. И немедленно приказал открыть огонь.

Мы выпустили последние 4 торпеды (из 16 имеющихся на борту) и открыли огонь первый раз за время этого боя из всех шести 127-мм орудий. К нашему удивлению, противник не отвечал.

Примерно через 20 секунд после начала стрельбы мои акустики обнаружили четыре мощных подводных источника звука. Я затаил дыхание, ожидая взрывов. Прошло еще 10 секунд, но никаких взрывов не случилось, но «Амацукадзе» тяжело закачался с борта на борт. И я понял, какую глупость сам и

совершил.

Каждая японская торпеда имела специальное предохранительное устройство, предотвращающее взрыв в пределах 500 метров от места выпуска торпеды, а наша цель находилась менее, чем в 500 метрах от «Амацукадзе». Я выругал себя. В спешке и суматохе я упустил стопроцентную возможность отправить американский крейсер на дно.

За первой ошибкой, как известно, всегда следует и еще одна. Так случилось и со мной. Злясь на самого себя, что попусту истратил последние торпеды, я забыл отдать приказ выключить прожекторы.

Между тем, американский крейсер, по которому мы продолжали вести огонь, горел по всей длине корпуса. Это был тяжелый крейсер «Сан-Франциско», и наша встреча в темноте, видимо, произошла после того, когда погибли адмирал Каллаган вместе с командиром крейсера и офицерами своего штаба. Артиллерийские башни, чье отсутствие так сбило меня с толку, были сметены с «Сан-Франциско» 14-дюймовыми снарядами нашего линкора «Киришима».

«Сан-Франциско» не отвечал на огонь, но снаряды падали вокруг «Амацукадзе». Опьяненные боем и горя желанием прикончить противника, мы не обращали на это внимания. Я тоже не отрывал глаз от пылающего американского крейсера и это была моя третья ошибка.

Через грохот орудий я услышал крик сигнальщика Ивата с его наблюдательного поста над мостиком:

— Командир! Еще один крейсер режет нам курс. Пеленг 70 с левого борта!

Я резко повернулся в указанном направлении и увидел еще один крейсер противника. На какое-то мгновение я застыл от ужаса, а потом скомандовал:

— Закрыть прожектора! Прекратить огонь! Ставить дымзавесу!

Я еще не успел закончить команду, когда залп нового противника (это был американский крейсер «Хелена») накрыл мой эсминец. Два снаряда рванули у самого борта. Я напряг спину и вцепился в ограждение мостика. Взрывом меня чуть не выбросило за борт, грохот оглушил. Я еле устоял на ногах. Но мысль работала четко, и я понял, что не ранен. Я увидел бледное лицо Ивата и его неестественную позу. Сигнальщик как бы висел не дальномере.

— Ивата! — крикнул я. — Что с тобой? Он не отвечал и не шевелился. Тут я заметил, что кровь течет из его пробитой осколками головы, капая на настил. Мой лучший сигнальщик был

убит наповал! Снаряд, видимо, взорвался на дальномерной площадке.

Я наклонился к переговорной трубе и вызвал лейтенанта Шимицу. Но ответа не было.

— Радиорубка! — закричал я. — Доложите обстановку!

Гробовое молчание.

Второй снаряд пробил борт эсминца чуть ниже мостика и взорвался в радиорубке, убив всех находящихся там.

«Амацукадзе», совершая разворот вправо, неожиданно пошел на полную циркуляцию.

— Корабль не слушается руля! — доложил штурман Мацумото.

Из-под мостика, очевидно из радиорубки, вырвалось пламя. А над нами зависли осветительные ракеты. «Хелена» явно намеревалась нас прикончить.

Прибежавшие на мостик рассыльные доложили, что вышла из строя вся гидравлическая система корабля: башни не вращаются, рулевая машина не работает.

Приятно было узнать, что машины эсминца не пострадали. Целыми остались и цистерны с топливом.

Между тем, «Амацукадзе», совершив полную циркуляцию, пошел на второй круг. Снаряды с «Хелены» продолжали падать вокруг нас, осыпая эсминец осколками. Наши орудия молчали, торпеды были израсходованы. Мы были беспомощны как овечка, которую повели на бойню.

К счастью, противник не имел намерения с нами покончить. Огонь стал ослабевать и вскоре прекратился совсем.

Посланный вниз капитан-лейтенант Мацумото доложил, что рули переведены на ручное управление. Гидравлика полностью вышла из строя.

Для устранения некоторых повреждений неплохо было бы остановить машины. Останавливать эсминец в такой близости от противника было, конечно, очень опасно. Но «Хелена» полностью прекратила огонь, и мы ее визуально больше не видели. Позднее я узнал, что в темноте «Хелена» нарвалась на три наших эсминца: «Асагумо», «Мурасаме» и «Самидаре», которые вместе с «Юдачи» и «Харусаме» составляли авангард нашего соединения, но разошлись с ними, запутавшись в адмиральских приказах по маневрированию. Открыв яростный огонь по американскому крейсеру, вовремя подошедшие эсминцы спасли нас от гибели.

«Хелена», пораженная торпедой с «Мурасаме», получила смертельный удар. Каким-то чудом крейсер продержался на плаву еще несколько часов, а затем затонул.

В это время с японских эсминцев заметили мигающий

опознавательный позывной в восточном направлении. Позывной подавал американский эсминец «Монссен», который ошибочно принял наши эсминцы за свои. Передача своих позывных явилась для «Монссена» самоубийством. Несколькими артиллерийскими залпами и торпедами с «Асагумо» с ним было покончено.

А мой «Амацукадзе», переведя руль с гидравлического на ручное управление, продолжал движение на север. Управлять вручную кораблем в 2500 тонн водоизмещения дело очень нелегкое. Хотя нам и удалось увеличить скорость до 20 узлов, шли мы как пьяные, все время рыская на курсе. На руль пришлось поставить десять здоровенных матросов, но и они выбивались из сил, выполняя постоянные команды, которые я кричал им через Мацумото.

В 03:00 Миеси доложил, что все пробоины временно заделаны, а пожары в нижней части корабля потушены.

Через несколько минут слева по курсу я увидел линкор «Хийя». Пожары на нем уже были потушены, но флагманский линкор качался на волне без хода. Что у него случилось с машинами, я не знал. Вокруг флагмана не было ни одного нашего корабля, а мой «Амацукадзе» находился в таком состоянии, что никакой помощи предложить не мог.

Единственно, что я мог сделать — это указать линкору направление на север. Собрав все свои силы и энергию, я продолжал управлять эсминцем, крича команды через переговорную трубу.

С первыми же лучами рассвета появились самолеты противника. Это было очень неприятно, поскольку из всех наших орудий более-менее могло действовать только одно — № 1. Когда самолеты приблизились, оно открыло огонь. К счастью, бомбардировщики неверно определили нашу скорость и сбросили бомбы слишком рано. Ближайшая из них упала в 300 метрах у нас по носу. После чего американские самолеты повернули обратно к Гуадалканалу. Можно было предположить, что вскоре появятся и другие самолеты противника, но у нас не было времени на волнения. Все свои силы мы тратили, чтобы корабль продолжал идти вперед.

Не успели мы порадоваться уходу самолетов, как на горизонте появился корабль, идущий прямо на нас. Дистанция до него была 9000 метров.

Я взглянул на растерянные лица своих офицеров и прокричал в переговорную трубку:

— Мацумото! К нам приближается какой-то неизвестный корабль. Дайте максимальную скорость. Если это противник, то по крайней мере попытаемся его таранить!

Неизвестный корабль приближался со скоростью более 30 узлов. После нескольких напряженных минут я облегченно вздохнул. Это был японский эсминец «Юкикадзе». На расстоянии 3000 метров с него передали флажным семафором: «Сердечные поздравления «Амацукадзе». Мы идем на помощь «Хийя». Можем ли мы чем-либо помочь вам?»

Мои сигнальщики быстро передали ответ: «Благодарим за поздравления. Не беспокойтесь о нас. Следуйте по назначению полным ходом. Авиация противника уже обнаружила нас. Весьма вероятно, что «Хийя» обнаружен также. Будьте готовы к ударам с воздуха. Удачи».

Предупреждение, которое мы успели передать на «Юкикадзе», оказалось правильным. С первыми лучами рассвета два десятка бомбардировщиков американской морской пехоты атаковали подбитый линкор и окончательно его добили. Когда «Юкикадзе» подошел к борту «Хийя», адмчрал Абе приказал экипажу оставить корабль. А затем дал приказ затопить линкор. Через несколько дней именно за этот приказ адмирал Абе и командир «Хийя» капитан 1-го ранга Масао Нисида были уволены со службы и отданы под суд.

Расставшись с «Юкикадзе», мы продолжали, рыская на курсе, идти со скоростью 20 узлов. В открытом море мы перестали беспокоиться о рифах и мелях, но постоянно помнили о том, что наш подбитый эсминец может стать легкой добычей для подводной лодки противника.

К счастью, все обошлось. Подводные лодки противника если и видели нас, то никак о себе не заявили.

Около 15:00 на горизонте появился еще один японский эсминец.

Поняв, что мы уже достигли безопасного района, я внезапно почувствовал страшную усталость. Мы находились уже в 250 милях севернее Гуадалканала, где находился флот адмирала Курита, готовый ночью выдвинуться в район боевых действий.

Появившимся эсминцем оказался «Теруцуки», также участвовавший в ночном бою в составе соединения адмирала Абе. Я приказал сигнальщикам запросить «Теруцуки» об общей обстановке.

Ответ пришел незамедлительно: «С возвращением, «Амацукадзе». Добро пожаловать. Примите наши сердечные поздравления. Несколько часов назад пришло сообщение о вашей гибели. Мало кто уже ожидал вашего возвращения. С нашим соединением все в порядке. По последним данным только «Хийя» и «Юдачи», лишившись хода, дрейфуют южнее нас. Пропал и считается погибшим «Акацуки». «Мурасаме» и «Икацучи»

получили попадания, но отделались легкими повреждениями. Еще раз поздравляем. Вы отработали замечательно. Мы вами гордимся».

Мы подошли к соединению кораблей адмирала Курита и сбавили скорость. Флагманский корабль Курита линкор «Конго» возвышался над водой как сказочная крепость всеми своими 27 500 тонн.

На линкоре поднялся наш позывной и заработал семафор:

«Адмирал Курита капитану 2-го ранга Хара. Я салютую вашему доблестному возвращению и рад информировать вас, что получен приказ о зачислении вашего эсминца в мое соединение для предстоящего ночного боя. Я буду горд иметь вас под своей командой».

Несмотря на столь высокую честь, мне не оставалось ничего другого, как ответить адмиралу, что эсминец подбит, из экипажа убиты 43 человека, включая старшего артиллериста, управление рулем осуществляется вручную, необходим срочный ремонт.

Через несколько минут пришел новый семафор с «Конго»: «Адмирал Курита приказывает вам срочно возвращаться на Трук. Счастливого плавания и удачи!»

Огромный силуэт линкора «Конго» расплылся в моих слезах, когда я читал это теплое послание адмирала Курита.

Сообщив Мацумото, что мы возвращаемся на базу, я впервые за сутки присел в свое кресло. Мацумото предложил мне спуститься в каюту и немного поспать, уверяя, что справится с ручным управлением рулем самостоятельно. Я уже был склонен с ним согласиться, но вспомнил, что до наступления темноты необходимо провести погребальную церемонию по нашим погибшим товарищам.

На полубаке эсминца были выложены сорок три трупа. Некоторые были представлены в виде разорванных на части останков. Друзья каждого из погибших промыли их тела теплой водой и зашили в брезент. Для этой церемонии использовалась только драгоценная дистиллированная вода.

Горны заиграли прощание, офицеры взяли под козырек и тела погибших были преданы океану. Два унтер-офицера обмыли и зашили в брезент тело сигнального старшины Ивата, который, первым заметив крейсер «Хелена», можно сказать, спас эсминец. Я спустился с мостика — первый раз с начала операции — и подошел к останкам сигнальщика.

— Он был моим другом, — сквозь слезы проговорил я. — Я должен лично участвовать в его погребении.

Я снял с себя форменный китель и накрыл им тело Ивата. Многие матросы плакали как дети, вытирая слезы ладонями.

Солнце садилось, и, когда погребальная церемония закончилась, было уже совсем темно. «Амацукадзе» совершил круг почета над местом погребения, экипаж хором читал поминальную молитву, а затем мы возобновили движение на север по направлению к Труку.

Капитан-лейтенант Мацумото, закончивший когда-то училище торгового флота, был прекрасным штурманом и освоился с ручным управлением рулем очень быстро. Эсминец шел, почти не рыская на курсе, и через 24 часа «Амацукадзе» бросил якорь в тихой лагуне атолла Трук.

Прошедшее сражение закончилось безусловной победой японцев. Но победа опять была чисто тактической, а стратегически снова выиграл противник.

Наша попытка бомбардировать аэродромы Гуадалканала была полностью сорвана. Ни одного снаряда по острову выпущено не было и гибель американских кораблей была, таким образом, оправдана.

Адмирал Ямамото был страшно разгневан подобным оборотом событий. Мало того, что адмиралу Абе не удалось выполнить поставленную перед ним задачу, он еще умудрился потерять в этом бою линейный корабль. «Хийя» стал первым японским линкором, потерянным в войне.

Не менее шокировано было и высшее командование в Токио. И хотя вслед за неудачей Абе последовала еще худшая неудача адмирала Кондо, козлом отпущения за обе неудачи стал контр-адмирал Абе. Была назначена комиссия адмиралов для тайного военного суда над адмиралом Абе и командиром «Хийя» капитаном 1-го ранга Нисида. Им не удалось оправдать свои ошибки и промахи. Суд приговорил обоих к увольнению со службы. Им была назначена пенсия, но запрещено было хоть как-то напоминать о себе или появляться в общественных местах и на страницах прессы.

В ночь на 13 ноября эскадра контр-адмирала Шодзи Нисимура из трех крейсеров и четырех эсминцев подошла к побережью Гуадалканала и бомбардировала американские аэродромы. Бомбардировка была столь неэффективной, что уже на следующее утро с этих аэродромов поднялись бомбардировщики американской морской пехоты. Взаимодействуя с самолетами авианосца «Энтерпрайз» они атаковали японский транспортный конвой из одиннадцати транспортов и утопили семь из них. Кроме того, американские самолеты утопили тяжелый крейсер «Кинугаса» и тяжело повредили три эсминца.

При осуществлении следующей операции, назначенной на

ночь 14 ноября, адмирал Курита был неожиданно заменен заместителем главкома адмиралом Кондо. Было составлено мощное соединение, состоящее из линкора «Киришима», тяжелых крейсеров «Атаго» и «Такао» плюс все бывшее соединение адмирала Абе, не считая «Хийя» и трех эсминцев.

Назначение адмирала Кондо командовать этим мощным соединением можно считать одной из самых ужасных ошибок адмирала Ямамото. До сих пор остается загадкой, почему Ямамото так высоко ценил боевые способности адмирала Кондо, хотя тот уже успел довольно явно продемонстрировать свою нерешительность, если не сказать растерянность, в реальной боевой обстановке. В итоге, в ночном бою у Гуадалканала мощное соединение Кондо, включавшее в себя линкор, два тяжелых и один легкий крейсер и девять эсминцев столкнулось с гораздо менее сильной американской эскадрой контр-адмирала Уиллиса Ли из двух линкоров и четырех эсминцев. В последовавшем бою Кондо потерял линкор «Киришима» и эсминец, а Ли — только три эсминца. Два тяжелых крейсера Кондо не получили никаких повреждений, но Кондо приказал отходить, даже на попытавшись продолжить бой с противником. Это был третий подобный поступок адмирала Кондо за четыре месяца.

Адмирал Ямамото, который пришел в такую ярость, узнав, что Абе потерял линкор «Хийя», оказался на удивление снисходительным по отношению к Кондо. Многим офицерам из окружения Кондо было стыдно и за него, и за себя. Они предпочитали вообще не говорить об этом бое.

Адмирала Кондо я хорошо знал. У него были повадки английского лорда. Он был дружелюбен, приветлив и вежлив со всеми, имел репутацию ученого. Ко мне он всегда очень хорошо относился, и я платил ему за это искренним уважением. Но, тем не менее, я убежден, что одной из величайших ошибок адмирала Ямамото была переоценка боевых качеств адмирала Кондо. Кондо мог быть прекрасным профессором Морской академии и даже начальником Главного морского штаба. Но как командир боевых соединений флота он был явно не на своем месте.

Придя на Трук, «Амацукадзе» пришвартовался к борту плавмастерской «Акаши». Главный инженер мастерской пришел на эсминец для осмотра полученных нами повреждений. Я сопровождал его, выразив надежду, что если ремонт начать без проволочек, эсминец обретет былую боеспособность за неделю или, в крайнем случае, дней за десять. Все-таки мы, несмотря на повреждения, добрались до Трука своим ходом.

Мы провели весь день, составляя дефектную ведомость, и мой оптимизм постепенно улетучивался. В корпусе корабля мы

насчитали тридцать две пробоины диаметром больше метра и пять небольших пробоин от неразорвавшихся снарядов. Странно, а мне казалось, что «Амацукадзе» получил всего три прямых попадания! Что касается мелких осколочных пробоин, то насчитав их сорок штук, я сбился со счета и бросил это дело.

Закончив осмотр, мы с инженером спустились ко мне в каюту, где я упал в кресло в состоянии депрессии и полного расстройства.

Инженер, пытаясь поднять мне настроение, сказал:

— Это просто чудо, что вам удалось довести до базы эсминец с такими повреждениями. Но чудо, как вы понимаете, редко случается дважды, подряд.

Он был прав, возразить было нечего. Между тем, инженер продолжал:

— Вы понимаете, что мы не можем сконцентрировать все свои усилия на вашем «Амацукадзе». Многим кораблям также необходим срочный ремонт. Я полагаю, что за месяц мы сумеем залатать ваш эсминец настолько, что он сможет вернуться самостоятельно в Японию для окончательного ремонта, который, как мне сдается, тоже продлится не меньше месяца.

— Но противник, насколько мне известно, проводит такие ремонты за гораздо меньший срок, — напомнил я. — Почему же мы этого не можем?

Мой вопрос, конечно, был бестактным. Мы оба знали, что ответ лежит в огромном индустриальном преимуществе Америки над Японией, а потому инженер мне ничего не ответил. Мне пришлось прервать неловкое молчание, сказав:

— Пожалуйста, сделайте все, что в ваших силах. Я останусь на корабле, и мои матросы помогут во всем вашим рабочим.

Всю следующую неделю я демонстрировал повреждения своего эсминца многочисленным визитерам из штаба Объединенного флота и с других кораблей, стоявших в лагуне. Все удивлялись, почему «Амацукадзе» не затонул.

Многие поздравляли меня, но никто не поинтересовался, как нам это удалось и как избежать подобной судьбы. Было странно и даже страшно, что эти офицеры, составляющие планы и формирующие стратегию Объединенного флота, совершенно не интересовались информацией, полученной на крови недавнего боевого опыта.

Мое унылое настроение было немного скрашено письмами, полученными из дома. Одно письмо было от жены, датированное 13 ноября. «Прошлой ночью, — писала жена, — маленький Микито внезапно проснулся и громко заплакал. Плакал он долго. Сначала я подумала, что он заболел, но он рассказал мне, что

увидел во сне, как тебе угрожает смертельная опасность. Он видел тебя бледным и встревоженным. Напиши мне, где ты был в ту ночь и что делал. В газетах пишут о жестоких боях на юге, и я очень беспокоюсь за тебя».

Да, ночью 13 ноября я, наверное, выглядел очень бледным, когда на нас из темноты неожиданно обрушился огонь американского крейсера. Но как мог мой малыш увидеть это во сне?

Второе письмо было от моей восьмидесятидвухлетней матери.

«Утром и вечером я молю Всемилостивейшего Будду у семейного алтаря наших предков, чтобы Он защитил тебя. Береги себя и вернись живой».

Я расчувствовался, когда читал эти строки, а когда подумал о семьях моих погибших моряков, то не смог сдержать слез.

Прежде чем ответить на письма моей жены и мамы, я должен был написать сорок три письма с соболезнованиями семьям погибших. Солнце уже садилось, когда я закончил эту печальную работу и вышел на палубу.

К трапу «Амацукадзе» подходил очередной катер. Я, признаться, уже устал от визитеров, и мне совершенно не хотелось еще кого-нибудь водить экскурсией по эсминцу. Но сидевший в катере пассажир, сложив руки рупором, громко крикнул: «Привет, Хара!» — и я узнал в нем своего давнего друга капитана 2-го ранга Ясуми Тояма, который был начальником штаба 2-й эскадры эсминцев контр-адмирала Танака, базирующейся в Рабауле. Тояма прибыл на Трук для участия в очередной тактической конференции, устраиваемой адмиралом Ямамото на борту «Ямато».

— Ты выглядишь совершенно больным, — сказал Тояма, поднимаясь на палубу. — Ты не ранен?

— Я просто расстроен, — признался я. — Смотри, как отделали мой эсминец.

— Радовался бы, — улыбнулся Тояма, — я с катера уже посмотрел, как вам досталось. Так что у тебя для уныния нет никаких причин.

— Ладно, — махнул я рукой, — расскажи, что с эскадрой?

— А, — вздохнул Тояма. — Мы уже не боевая эскадра. Работаем в режиме быстроходных транспортов. Проклятые янки дали нам прозвище «Токийский экспресс». Возим грузы и солдат на этот проклятый остров с приказом всеми возможностями избегать боя. Палубы забиты ящиками и бочками, боекомплект уменьшен на половину. Груз привязан к пустым бочкам, мы подходим к острову и выбрасываем его за борт, в надежде что

прибой подгонит его к берегу, и наши солдаты вытащат все на сушу. А сами быстро отходим. Глупость убийственная! Нужно сражаться за господство над этими водами, а не заниматься дикими импровизациями!

Затем я подробно рассказал ему о нашей операции и предостерег от повторения ошибок.

Тояма оставался у меня недолго. Ему нужно было успеть на самолет, летящий в Рабаул. Его короткий рассказ снова показал важность аэродромов, захваченных американцами на Гуадалканале. Они предоставили противнику постоянное превосходство в воздухе над всем этим районом. Из-за этого японские эсминцы, действуя как быстроходные транспорты, должны были подходить к острову только ночью с тем, чтобы до наступления рассвета уйти из опасной зоны и не стать легкой добычей авиации противника. А высаженные на остров наши войска с каждым днем все более отчаянно нуждались в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Выхода не было.

Адмирал Танака был назначен ответственным за снабжение армии на Гуадалканале. Каждый эсминец мог взять на борт около ста контейнеров с грузом и сбросить их в море примерно в 200-300 метрах от побережья. Затем солдаты на лодках или понтонах должны были ловить эти контейнеры в волнах, затаскивать на берег и прятать в джунглях, чтобы эти драгоценные запасы не были уничтожены американской авиацией.

7

27 ноября восемь эсминцев адмирала Танака вышли из Рабаула и взяли курс на юг к Шортленду. Эскадре удалось добраться до Шортленда незамеченной. С наступлением темноты (22:45) 29 ноября эсминцы покинули Шортленд и пошли к Гуадалканалу. Используя ложные курсы, эскадра повернула на восток, как бы направляясь к рифам Ронкадор у острова Рамос, но утром 30 ноября, построившись кильватерной линией, эсминцы резко изменили курс на юг — прямо к Гуадалканалу.

В 08:00 эскадра адмирала Танака была обнаружена самолетом-разведчиком противника, и мечты о скрытном подходе к острову улетучились. Вскоре после этого с наблюдательного поста на Гуадалканале доложили, что у Лунги замечено более десятка эсминцев противника. Сообщения из других источников также подтвердили, что вокруг Гуадалканала патрулирует крупное соединение надводных кораблей противника.

В 15:00 адмирал Танака передал на свои корабли директиву:

«Вечером весьма вероятен бой с надводными кораблями противника. Хотя нашей главной задачей является выгрузка снабжения, всем быть готовыми к бою. Жду от всех проявления инициативы с тем, чтобы разгромить и уничтожить противника».

Американское соединение, которое шло на перехват эсминцев адмирала Танака под командованием контр-адмирала Карлетона Райта, использовало то же построение, что и накануне применили погибшие адмиралы Каллаган и Скотт. Впереди, в сторожевом охранении, шел эскадренный миноносец «Флетчер», оборудованный новейшей радиолокационной аппаратурой. «Флетчер» уцелел в ночном бою двухнедельной давности, но тогда он шел в арьергарде строя, а сейчас был выдвинут в передовой дозор. За ним в кильватерной колонне шли четыре эсминца авангарда и пять крейсеров. Замыкали строй еще два эсминца. Таким образом, численное и материальное преимущество американцев было подавляющим. А боевая мощь наших эсминцев была уменьшена почти вдвое сложенными на палубах ящиками и бочками с армейскими грузами. Эти грузы уполовинили обычный запас снарядов и, что самое главное, торпед. Вместо обычных шестнадцати на каждом эсминце их было восемь.

Соединение адмирала Райта вышло на рассвете из Эспириту Санто специально на перехват эсминцев адмирала Танака, которые были замечены накануне разведывательным самолетом. В 21:00 радар крейсера «Миннеаполис» на дистанции 26 000 метров обнаружил японскую эскадру. Через десять минут на экране радиолокатора эсминца «Флетчер» на расстоянии 7000 метров слева по носу была обнаружена цель, и эсминец приготовился к торпедному залпу. Но прежде чем «Флетчер», а также эсминцы «Перкинс» и «Драйтон» получили разрешение выпустить торпеды, были потеряны пять драгоценных минут.

В это время эскадра адмирала Танака находилась всего в 5000 метрах от места сброса грузов в воду, когда в 21:00 поступило донесение с эсминца «Таканами», находящегося в передовом охранении: «Вижу противника по пеленгу 100. Три эскадренных миноносца».

«Таканами» немедленно дал по обнаруженным кораблям восьмиторпедный залп и открыл огонь из всех орудий. Эсминец действовал по собственной инициативе, не запрашивая адмиральского разрешения.

До того, как пять американских крейсеров не открыли огонь, адмирал Танака даже не подозревал об их присутствии в районе боя.

Оценив обстановку, адмирал приказал немедленно приостановить сброс грузов и увеличить ход до полного. Было 21:22.

Судя по всему, все американские корабли вели огонь только по «Таканами». Получив много прямых попаданий, эсминец был охвачен пламенем и погиб вместе со всем своим экипажем из 211 человек.

Под прикрытием горящего «Таканами» адмирал Танака совершил смелый поворот на 180 градусов, приводя свои эсминцы на параллельный курс с противником. В этот момент американцы выпустили двадцатиторпедный залп с трех эсминцев, но благодаря повороту, все торпеды прошли мимо.

Затем японские корабли, завершив поворот, сблизились с противником, и головной «Наганами», разворачиваясь влево, выпустил веер из восьми торпед по идущему впереди вражеской колонны крейсеру «Миннеаполис». В «Миннеаполис» попали две торпеды, оторвав ему носовую часть и вызвав взрыв в одном из котельных отделений. В результате головной крейсер противника потерял ход. Следующий за ним тяжелый крейсер «Нью-Орлеан» с трудом избежал столкновения со своим флагманом, отвернув влево, когда в него попала торпеда, выпущенная, видимо, «Макинами». Попав в левую носовую скулу крейсера, торпеда детонировала носовые погреба, в результате чего носовая часть крейсера оказалась оторванной по вторую башню главного калибра.

Идущий за «Нью-Орлеаном» тяжелый крейсер «Пенсакола», избегая столкновения со своим мателотом, покатился влево и получил торпеду, от взрыва которой вспыхнули цистерны с мазутом, и крейсер превратился в огненный ад.

Следовавший за «Пенсаколой» легкий крейсер «Гонолулу» резко положил руль вправо, чтобы не столкнуться с горящей «Пенсаколой» и выйти из освещенного пожаром пространства. Крейсеру удалось избежать предназначенной ему торпеды, уклонившись в северо-западном направлении.

«Нортхэмптон», идущий концевым в колонне крейсеров противника, мало что мог сделать, не обойдя своих горящих товарищей. Вначале он пошел за «Гонолулу», но видя, что японские корабли идут западным курсом, также пошел в этом направлении, открыв огонь из своих 8-дюймовых орудий. Ведя огонь почти вслепую, «Нортхэмптон» не добился попаданий, но получил в левый борт две торпеды, вызвавшие страшный взрыв боезапаса. Охваченный пламенем крейсер стал погружаться в воду.

Израсходовав торпеды, эскадра Танака полным ходом стала

уходить на северо-запад, оставив за собой горящего и ошеломленного противника. «Гонолулу» оказался единственным крейсером противника, избежавшим повреждений в этом бою. В темноте и суматохе крейсер открыл огонь по эсминцам собственного арьергарда «Ламсону» и «Ларднеру». Перестрелка продолжалась около 15 минут, после чего эсминцы скрылись в темноте.

Отойдя на 50 миль от Гуадалканала, адмирал Танака приказал своим оставшимся семи эсминцам доложить о повреждениях и потерях. Никаких повреждений и потерь в личном составе его корабли не имели. Казалось просто невероятным, что удалось нанести такой ущерб противнику ценой потери всего одного эсминца. Но адмирал Танака был в мрачном настроении. Он переживал потерю «Таканами» и угрюмо молчал весь путь обратно в Рабаул. Адмирал подумывал даже вернуться и снова вступить в бой с противником, а заодно поискать спасшихся из экипажа «Таканами». Четыре его эсминца израсходовали все свои торпеды, один — половину, а два эсминца вообще не израсходовали торпед, поскольку находились на невыгодном угле относительно цели. Поэтому Танака дал приказ возвращаться в Рабаул.

Командование было крайне недовольно таким решением адмирала Танака, хотя тот уверял, что потопил линкор и два крейсера, повредив еще четыре крейсера. Хотя Танака несколько преувеличивал свои успехи, факты тоже выглядели впечатляюще: Танака утопил один и серьезно повредил три тяжелых крейсера противника, потеряв только один эсминец. Но эта статистика мало интересовала командование. Главное заключалось в том, считали в штабе Объединенного флота, что Танака так и не доставил груз на Гуадалканал, столь необходимый сухопутным войскам.

Поэтому вскоре после этого боя адмирала Танака перевели в Сингапур, а затем — в Бирму. Этот перевод в глубокий тыловой район, безусловно, спас жизнь адмиралу, но лишил боевые соединения флота одного из наиболее способных командиров, нехватку которых мы уже остро чувствовали. Весь остаток войны Танака уже больше не командовал боевыми соединениями в море.

Через пятнадцать лет после этого боя я нанес визит адмиралу Танака на его ферме вблизи Ямагучи. Вспоминая бой у Тассафаронги, Танака сказал мне: «Я слышал, что американские военно-морские специалисты очень высоко оценивают мое командование этим боем. Я не заслужил такой чести. Эта не моя заслуга, а прекрасная боевая подготовка и доблесть моих моряков обеспечили нам победу в том сражении.

Что касается меня, то я скорее заслуживаю критики, поскольку, ввязавшись в бой, не выполнил главной задачи — не доставил армейские грузы на Гуадалканал. Конечно, я должен был вернуться и выполнить задание. Это произошло потому, что я не имел точной информации о силах противника. Я полагал, что американцы имеют четыре эсминца в авангарде и еще четыре, следующие за крейсерами, а потому не рискнул возобновлять бой со своими семью эсминцами, на которых уже фактически не было боезапаса, а палубы были завалены грузами. Если бы я знал, что у противника в строю остался всего один крейсер и четыре эсминца!..»

Слезы потекли у него по щекам, когда адмирал заговорил об эсминце «Таканами»: «Нам удалось нанести сокрушительный удар по кораблям адмирала Райта только благодаря подвигу эсминца «Таканами». В самый важный момент начала боя он принял на себя весь огонь противника и прикрыл всех нас. А мы ушли, так ничего и не сделав для его доблестного экипажа. Никого не искали и не подобрали».

Как бы не оценивал свои действия адмирал Танака, вот что пишет о бое у Тассафаронги американский военно-морской историк контр-адмирал Самуэль Морисон:

«Всегда в случае поражения некоторым утешением служит понимание того, что твой непосредственный противник был лучшим из всех на вражеской стороне. Что касается адмирала Танака, то он не просто был лучшим. Он был лучшим из лучших. Он был просто превосходным. Действуя без своего надежного флагманского крейсера «Дзинтцу», с палубами, заваленными контейнерами армейских грузов, с половинным запасом торпед он потопил тяжелый крейсер и почти на год вывел из строя три других, потеряв лишь один эсминец. Во многих боях этой войны ошибки, совершаемые американцами, нейтрализовались японскими ошибками. А в бою у Тассафаронги адмирал Танака не совершил ни единой ошибки».

8

Новую попытку доставить грузы на Гуадалканал Танака предпринял ночью 11 декабря, подойдя к острову с девятью эсминцами. Ему удалось сбросить в море 1200 контейнеров. Атака с воздуха по его кораблям оказалась неэффективной, но торпедные катера поразили двумя торпедами его флагманский корабль «Теруцукй». «Теруцуки» был объят пламенем. Экипаж героически боролся с огнем, но все их усилия оказались

тщетными. Пламя подошло к погребам с глубинными бомбами, и страшный взрыв отправил корабль на дно. Раненному адмиралу Танака удалось перенести свой флаг на другой эсминец, на котором он и вернулся на базу. Как ни печален был факт потери «Теруцуки», еще печальнее было известие, что из 1200 сброшенных контейнеров со снабжением армии удалось выловить только 220.

Адмирал Танака был госпитализирован в Рабауле. Находясь в госпитале, адмирал составил меморандум на имя высшего командования, в котором он рекомендовал эвакуировать наши войска с Гуадалканала. Вместо ответа Танака получил приказ отправляться в Сингапур. Рекомендации адмирала были отвергнуты, хотя многим было уже ясно, что остров не удержать. Комбинированными усилиями эсминцев и подводных лодок на Гуадалканал удавалось доставить лишь малую толику того, что требовалось для обеспечения двадцатидвухтысячного гарнизона.

В эти волнующие дни я продолжал находиться на Труке. Мне было жаль адмирала Танака, но помочь ему, конечно, я ничем не мог. Мне не удалось получить новый эсминец и оставалось только наблюдать за восстановительным ремонтом «Амацукадзе». Наконец эсминец залатали настолько, что 15 декабря я смог выйти с Трука и направиться в Японию для завершения ремонта. Пятисуточный поход прошел без всяких событий. Когда мы проходили остров Сайпан, я увидел в небе несколько наших самолетов и начал беспокоиться, как они отреагируют на появление «Амацукадзе». К моему удивлению, никто даже не побеспокоился хоть как-то нас опознать. Как всегда бывало, в то время как боевые части истекали кровью на Соломоновых островах, в тылу все умирали от лени и скуки.

Надо признаться, что я и сам почти забыл о войне, когда эсминец вышел на обширный рейд нашей родной военно-морской базы в Куре. Чайки с громкими криками приветствовали нас, когда мы малым ходом прорезали штилевые воды залива, где каждый уголок был знакомым до слез.

Как это все отличалось от смертельно опасных вод Соломоновых островов. Даже не верилось, что столь непохожие места находятся на одной и той же планете!

«Амацукадзе» был поставлен в док, план и график ремонта составлены, и мне удалось получить неделю отпуска.

27 декабря я приехал к себе домой в Камакуру. Неделя в кругу семьи пролетела мгновенно. Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я особенно был счастлив тем обстоятельством, что мне удалось встретить с семьей Новый год.

Но война все равно так или иначе напоминала о себе. В один

из дней моя жена вместе с другими женщинами организовала сбор железных и медных вещей для нужд обороны. На мое удивление, старшая дочь сказала:

— Папа, ты, наверное, забыл, что идет война? В тот же вечер мне позвонил из Токио мой старый приятель и однокурсник капитан 2-го ранга Ко Насагава, который служил в управлении личного состава флота.

— Я не по делу, — сразу предупредил он меня, — так что не беспокойся. Завтра по случаю Нового года решила собраться вся наша группа училищных времен. Праздник Боненкай, все-таки (Новый год — *И. Б* .). Мы выбрали для встречи ресторан Исогоген в Иокогаме. Это хорошее место на полпути между Токио и Йокосукой. Совсем близко от твоего дома. Так что мы рассчитываем тебя увидеть.

Вечером следующего дня я прибыл на указанное место, где был встречен своими старыми сокурсниками. Кроме Насагава был еще и капитан 2-го ранга Инпей Каноока, служивший офицером по связи с флотом при премьер-министре Тодзио. Я даже удивился, что при своей загруженности по службе он выбрал время для встречи с сокурсниками. Поскольку я сидел на банкете рядом с ним, то спросил:

— Наверное из-за событий на юге тебе служить сейчас при премьере совсем не сладко?

— Ты о чем? — не понял Каноока.

— Я думаю ты занят по горло, обеспечивая сейчас взаимодействие между генералом Тодзио, армией и флотом с учетом того положения, в которое мы попали на Гуадалканале?

Он засмеялся:

— Как ты ошибаешься, Хара! Совсем нет. Скорее даже наоборот. Скоро пять месяцев, как генерал Тодзио не задал мне ни единого вопроса, не запросил ни одной справки и не давал вообще никаких поручений. Создается впечатление, что премьера вообще не интересует операция на море. Единственной моей работой за последнее время была организация ночных попоек высших правительственных чиновников. А поскольку я сам не люблю выпивать, то мне было на них и скучно, и грустно. Я вообще боюсь, что подобная обстановка убьет меня. Послушай, Хара, ты же любитель выпить. Не хочешь занять мое место?

Я заметил, что Насагава внимательно прислушивался к нашему разговору. Через некоторое время Каноока был назначен командиром тяжелого крейсера «Нати». Насагава, ведавший отделом кадров флота, отнесся к его словам вполне серьезно.

В остальном банкет проходил тихо и солидно, совсем не напоминая лихие попойки далекой молодости. Всего собралось

человек двадцать капитанов 2-го и 3-го рангов. Разговоры, разумеется, шли только о войне. Согда меня попросили рассказать об обстановке в районе Соломоновых островов, я с готовностью согласился.

— Не знаю, — сказал я, — как видится ситуация из Японии, но в зоне боевых действий она представляется кромешным адом. Вы не хуже меня знаете, насколько можно верить официальным сводкам, которые выпускает Главный штаб в Токио. Нам удалось достичь там нескольких тактических побед, но стратегически мы постоянно проигрываем. Нам приходиться использовать эсминцы и подводные лодки в качестве транспортов. А вы понимаете, что это за транспорты. Одно название.

Меня слушали внимательно, но кто-то заметил, что все-таки сегодня праздник. Стоит ли говорить о столь мрачных вещах?

Пили много, но как-то туго пьянели и разошлись гораздо раньше, чем рассчитывали. Прощаясь под прохладным ветерком звездной ночи, хлопали друг друга по плечам, жали руки, повторяя: «До встречи». Но эта фраза звучала как-то не очень убедительно. Так и случилось. Мало кто уцелел в войне из нашей группы.

Генерал Тодзио мог полностью игнорировать своего офицера связи с флотом, но был не в состоянии игнорировать представителей военно-морского командования, с которыми встречался почти ежедневно на стратегических совещаниях. Последнее из таких совещаний имело место 31 декабря в Императорском дворце в присутствии Императора Хирохито. На совещании было принято единодушное решение эвакуировать наши войска с Гуадалканала.

Последние дни отпуска, которые я провел в кругу семьи, пролетели счастливо, но очень быстро. 7 января я вернулся в Куре, а через три дня пришел приказ, освобождавший меня от командования эсминцем «Амацукадзе» и предписывавший мне явиться в распоряжение командира военно-морской базы Йокосука. Новое место службы находилось всего в нескольких милях от моего дома!

Через неделю я снова вернулся в комфорт домашней жизни и почувствовал себя совершенно больным. Врачи посчитали, что моя болезнь явилась результатом переутомления от изматывающей службы в море в условиях военного времени. Не знаю, были ли они правы, но мне пришлось проваляться в постели две недели.

Мои страдания еще более усилились, когда 25 января пришел приказ о назначении меня командиром 19-го дивизиона эсминцев. Согласно этому приказу я должен был через два дня

вывести в море на учения четыре только что введенных в строй эсминца. Я позвонил капитану 2-го ранга Насагава и сообщил, что болен. С пониманием старого друга он пожелал мне выздоровления, заверив, что к этому времени будут еще несколько вакантных должностей подобно этой.

Мое выздоровление шло ужасающе медленно. Я никогда не чувствовал усталости в бою. В море мне всегда хватало пары часов сна, чтобы зарядиться энергией, порой на пару суток. Теперь я, наконец, понял, насколько изнуряет морская служба и почему адмирал Нагумо выглядел столь измученным, когда я видел его в ноябре на Труке.

Я полностью почувствовал себя здоровым только в конце февраля и, позвонив Насагава, попросил его найти мне какую-нибудь хорошую должность. Его туманный ответ дал мне почувствовать, что обо мне уже успели позабыть. Я звонил в управление кадров флота почти ежедневно, но лишь в начале марта Насагава сообщил, что я назначен командиром 27-го дивизиона эсминцев.

— Что? — в ужасе почти закричал я. — Почему 27-го?

— Минутку, Хара, — сказал он. — Не горячись. Успокойся и выслушай меня. Я знаю, что 27-й дивизион имеет дурную славу, но это делает твое назначение еще более почетным. Командование считает, что только офицер с твоими способностями и опытом может превратить тот дивизион в настоящее боевое соединение.

Конечно, когда офицера впервые в жизни назначают командовать четырьмя кораблями, это следует всегда рассматривать как большую честь, независимо от того, что это за корабли. Кроме того, я упустил прекрасное назначение из-за болезни. Так что мне нечего было жаловаться. Но все-таки я был очень расстроен.

27-й дивизион состоял из четырех старых эсминцев водоизмещением по 1700 тонн, с трудом выжимающих 30 узлов полного хода. Их экипажи состояли из плохо обученных запасников старших возрастов, над которыми экипажи других кораблей только потешались. Вступать в командование этим дивизионом значило брать на себя очень большую заботу и ответственность.

Вздохнув, я ответил Нагасава, чтобы он понял меня правильно. Я приму командование и сделаю все, что в моих силах для превращения этого дивизиона в лучшее боевое подразделение 2-го флота. Куда я должен теперь явиться?

— Мне нравится твое настроение, Хара, — обрадовался Нагасава. — Три твоих корабля находятся сейчас на Труке, а

эсминец «Сигуре» («Осенний Дождь») ждет тебя в Сасебо.

9 марта я прибыл в Сасебо и тотчас отправился на эсминец, чтобы принять дела. Одного взгляда на экипаж корабля было достаточно, чтобы понять, что меня ждет трудная работа. Мои новобранцы на «Амацукадзе», которых я начал обучать еще до начала операции у Мидуэя, выглядели по сравнению с нынешними старыми морскими волками. А эти напомнили мне плохо дисциплинированную армейскую роту, случайно попавшую на военный корабль. Но я не сомневался, что сумею сделать из них настоящий экипаж боевого корабля.

Что касается самого эсминца «Сигуре», то он мне показался совсем дряхлым. Новые эсминцы развивали скорость до 38 узлов, в то время как «Сигуре» задыхался уже на 30-ти. Но я все-таки надеялся, что несмотря на все эти недостатки, «Сигуре» сможет показать себя в бою не хуже более современных кораблей. Я, конечно, и помыслить тогда не мог, что спустя немного времени «Сигуре» станет просто легендарным кораблем, самым известным на тихоокеанском театре военных действий с прозвищем «Несокрушимый».

Эскортируя два транспорта, «Сигуре» вышел из Сасебо и направился к Труку на соединение с тремя другими кораблями моего дивизиона.

Мы прибыли на Трук без всяких приключений. На первый взгляд здесь ничего не изменилось за время моего отсутствия. Все также у пирса стояла старая плавмастерская «Акаши», а в центре лагуны грациозно покачивались на бочках тяжелые крейсеры. На мачте одного из них — «Атаго» — был поднят флаг адмирала Кондо.

Однако, это было первое впечатление. Трук действительно был таким, как и прежде, но военная обстановка в южной части Тихого океана начала драматически и резко изменяться к худшему.

Встав на якорь, я направился на флагманский крейсер «Атаго» для представления командующему 2-м флотом адмиралу Кондо. При виде адмирала я был потрясен. Кондо славился на флоте своими безупречными аристократическими манерами. Всегда холеный, гладко выбритый, тщательно и элегантно одетый — он как бы являлся эталоном внешнего вида и поведения морского офицера, служа ярким примером для молодежи. Сейчас передо мной сидел изможденный и измученный человек. Я был ошеломлен так же, как совсем недавно при виде адмирала Нагумо. Кондо показал мне рукой на кресло.

Голос у адмирала был хриплый, слова он произносил

медленно и с большим усилием.

— Хара, — сказал он, — поздравляю вас с повышением. Но дела идут скверно. Могу только сказать — действуйте с крайней осторожностью, берегите себя и своих людей.

Я ожидал чего угодно, но только не такого приветствия от своего командира. Это было столь неожиданно, что я не нашелся с ответом. Между тем, адмирал с горечью продолжал:

— Мы так нуждаемся в кораблях, что три ваших эсминца пришлось временно передать в другие дивизионы. Возможно, что не ранее, чем через несколько месяцев вам удастся собрать все свои корабли.

Видимо, на моем лице появились какие-то признаки разочарования и недовольства, поскольку Кондо сказал:

— Самое главное, не проявляйте нетерпения, Хара. Я намерен вообще вас никуда не выпускать по меньшей мере месяца три, пока вы не обучите, как положено, свои экипажи и не ознакомитесь с изменившейся обстановкой.

Я засел за изучение штабных документов за прошедшие пять месяцев. Наиболее крупным событием за этот период была эвакуация Гуадалканала. Еще находясь дома, я услышал по радио сообщение Императорской Ставки, говорящей о новой, блестящей победе нашего флота, одержанной у Гуадалканала. В сообщении слова «эвакуация» и «отступление» было заменено словом «теншин», означающим «изменение направления наступления».

4 января 1943 года Императорская Ставка отдала приказ об эвакуации до конца месяца всех наших войск с Гуадалканала.

Американская разведка, которая так успешно действовала при раскрытии японских планов перед сражением у Мидуэя, абсолютно ничего не сумела узнать о планах эвакуации Гуадалканала. Это еще одна из загадок войны, оставшаяся для меня совершенно непонятной. Это тем более непонятно, если учесть, что противник обладал абсолютным господством в воздухе в районе Гуадалканала.

30 января японское оперативное соединение, состоявшее из двух авианосцев, двух линкоров и примерно двух десятков других боевых кораблей вышло с Трука, направляясь к Гуадалканалу, чтобы своими действиями отвлечь внимание американского флота. А накануне, вечером 28 января, армейское подразделение из 300 человек было высажено на остров Рассела — чуть западнее Гуадалканала.

Нет необходимости говорить, насколько гарнизон Гуадалканада радовался своей предстоящей эвакуации. Страдая от голода, болезней и нехватки боеприпасов, они доблестно противостояли превосходящим силам прекрасно снабжаемого

противника.

В ночь на 1, 4 и 7 февраля 22 эскадренных миноносца, подойдя фактически к самому берегу, взяли на борт 12 198 армейцев и 832 морских пехотинца. Экипажи эсминцев были ошеломлены при виде этих людей, напоминающих живые скелеты. Они не ели уже в течение многих дней и были настолько истощены и слабы, что не в силах были даже радоваться своему спасению.

Эвакуация войск с Гуадалканала прошла с феноменальным успехом. Японские потери составили только один погибший эсминец «Макигумо». Три других эсминца были повреждены. Таков был итог этой шестимесячной операции, оставившей в джунглях острова на вечное гниение 16 800 трупов японских солдат, а в омывающих его водах — десятки погибших кораблей и тысячи моряков. Япония проиграла сражение за Гуадалканал.

Затем я стал изучать рапорты о положении на Новой Гвинее. Они были столь же унылыми. Армия пыталась провести маршем пехотную дивизию от Буны через горы Овена Стенли к порту Морсби на восточном побережье Папуа. Большая часть войск погибла в горах. Пока флот занимался Гуадалканалом, экспедиционные силы армии вымерли от голода в Папуа. А противник, начав наступление через джунгли Новой Гвинеи, захватил 9 декабря 1942 года Гону, 14-го — Буну, а через четыре дня — Маданг и Вивак.

Гораздо больше, чем описание вымершей от голода и болезней армейской группировки в Папуа, меня потрясли донесения о совершенно невероятном поражении нашего флота в море Бисмарка.

15 ноября два самых крупных японских аэродрома на Новой Гвинее в Лае и Саланае были переданы армии. Армия, тем временем, решила усилить свои позиции на Новой Гвинее переброской туда еще одной дивизии, взятой из Рабаула. Эта дивизия была погружена на восемь транспортов, которые 28 февраля вышли из Рабаула под эскортом восьми эсминцев. Командующему конвоем контр-адмиралу Масатоми Кимура было обещано достаточное прикрытие с воздуха на переходе к Новой Гвинее. Но ни одного самолета прислано не было, и все светлое время суток 2 марта, а также на следующий день более сотни бомбардировщиков и торпедоносцев противника, не встречая никакого сопротивления, атаковали конвой, утопив все восемь транспортов и четыре эсминца. В результате погибло более 3500 солдат.

Такого еще не бывало. Подобная катастрофа особенно контрастировала с проведенной практически без потерь

эвакуацией Гуадалканала. Теперь я понял, почему адмирал Кондо находился в таком состоянии, когда я представлялся ему на борту «Атаго».

5 марта эсминцы «Минегумо» и «Мурасаме» были потоплены артиллерийским огнем противника, не успев сделать даже одного ответного выстрела. Это произошло в бухте Кула, где противник с успехом применил новую систему радиолокационного управления огнем.

В полном расстройстве я покинул помещение штаба на крейсере «Атаго» и съехал на катере на берег, решив зайти в Офицерский клуб. Там я встретил капитана 1-го ранга Томидзи Коянаги, занимавшего пост начальника штаба адмирала Курита. Поскольку мысль о поражении в море Бисмарка не выходила у меня из головы, я, естественно, спросил у Коянаги, что он думает по этому поводу.

— Адмирал Кимура мне рассказывал, — ответил Коянаги, — что бомбардировщики противника при атаке на его конвой применили новый метод бомбометания. Самолеты, идя над самой поверхностью моря, сбрасывали бомбы, которые скользя по поверхности воды попадали в борт транспортов как торпеды. Обычные методы уклонения оказались бесполезными против этого нового способа, разработанного противником. Называется этот новый метод «топмачтовое бомбометание», поскольку бомбардировщик выходит из атаки чуть ли не на высоте мачт корабля. Это создает серьезную проблему. Мы сейчас думаем, как противостоять этому новому методу противника. Есть ли у тебя какие-нибудь соображения на этот счет? Но из-за шокирующих сюрпризов сегодняшнего дня моя голова была не способна генерировать какие-либо идеи.

Дав экипажу возможность отдохнуть на берегу, я на следующий же день приступил к интенсивным учениям в водах вокруг Трука, поняв, насколько щедрым оказался адмирал Кондо, предоставив мне три месяца. Это был минимум, за который можно было надеяться превратить нынешний экипаж корабля в нечто, способное решать задачи в реальной боевой обстановке.

Помимо обучения экипажа, мои мысли постоянно работали над анализом допущенных в последнее время ошибок. Главной из них я считал повторение тактических приемов без учета изменения обстановки и убеждения в том, что противник будет постоянно играть по предложенным нами правилам. Так, бомбардировка Гуадалканала, предпринятая в октябре адмиралом Курита с линкорами «Конго» и «Харуна», удалась, а месяцем позднее, когда адмирал Абе с линкорами «Хийя» и «Киришима» хотел повторить подобную операцию, не только не

удалась, а привела к гибели обоих линкоров. Эвакуацию Гуадалканала удалось провести фактически без потерь, а переброска войск на Новую Гвинею закончилась катастрофой.

В итоге, пока я находился в море на «Сигуре», обучая экипаж, мне удалось сформулировать собственные мысли в специальном рапорте на имя главкома Объединенным флотом адмирала Ямамото.

Поэтому, вернувшись в море и увидев, что в центре лагуны стоит на якоре флагман Объединенного флота суперлинкор «Мусаси», я направился туда на катере со своим рапортом. Конечно, я не мог так вот просто заявиться к главкому и высказать ему свои соображения. Но я надеялся сделать это в разговоре с начальником штаба Объединенного флота вице-адмиралом Матоме Угаки.

Стоял прекрасный весенний день — 24 апреля 1943 года. На трапе огромного линкора меня встретил какой-то главстаршина, что совершенно не соответствовало протоколу приема на флагмане командиров дивизионов и флотилий. Мое же заявление о желании быть принятым адмиралом Угаки вызвало у главстаршины такое искреннее изумление, как будто я желал бы встретиться с богиней Аматерасу. После паузы он, наконец, предложил мне следовать за ним по гигантским переходам и трапам линкора. По дороге мы не повстречали ни одного офицера, а попадавшиеся матросы выглядели растерянными и унылыми. Подойдя к дверям с табличкой «Главнокомандующий Объединенным флотом», главстаршина открыл ее и жестом предложил мне войти.

Из тускло освещенного помещения дохнуло запахом ладана. В центре адмиральского салона стоял задрапированный черным огромный стол, я на нем в ряд были выставлены семь гробов. Я в ужасе попятился и с испугом посмотрел на сопровождающего меня главстаршину. Тот, опустив голову, тихо сказал:

— В прошлое воскресенье адмирал Ямамото со своим штабом вылетел из Рабаула на двух бомбардировщиках, направляясь с инспекцией на Бугенвиль. На подлете к Буину самолеты попали в засаду, устроенную американскими истребителями, вылетевшими очевидно с Гуадалканала, и были сбит. В этих гробах покоятся останки адмирала Ямамото и офицеров его штаба. Адмирал Угаки тяжело ранен.

Еще окончательно не веря в случившееся, я, сдерживая рыдания, сотворил молитву по душам погибших руководителей нашего флота.

Глава 4. Неравные бои

1

1 мая 1943 года я был произведен в капитаны 1-го ранга. Командир «Сигуре» капитан 3-го ранга Кимио Ямагами устроил по этому случаю торжественный прием в мою честь. Офицеры собрались в кают-компании, чтобы поздравить меня и выпить саке по этому случаю. Мы выпили по паре чашек саке, после чего командир эсминца несколько неуверенным голосом сказал:

— Прошедшие сорок дней экипаж напряженно трудился без какого-либо отдыха. Сегодня на плавмастерской «Акаши» показывают вечером кино. Может быть, нам отпустить матросов туда?

Отказывать в подобных просьбах всегда трудно, но я так и поступил.

— Я знаю, что вы все трудились без отдыха. Но это не моя прихоть, а необходимость. Этой же необходимостью диктуется и то, что мы не вправе терять и впредь ни минуты времени.

Ямагами замолчал, но командир минно-торпедной боевой части капитан-лейтенант Дои попытался мне возражать:

— Господин капитан 1-го ранга, простите, если я покажусь дерзким, но я не понимаю, почему матросы не могут немного развеяться и отдохнуть? Не говоря о том, что они это заслужили, небольшая передышка только воодушевит их для еще более интенсивных тренировок.

— Дои, — ответил я, — может быть, я покажусь вам излишне резким, если напомню, что экипаж эсминца никогда ещё не был в бою, где малейшая ошибка может привести к гибели корабля и всего экипажа. Пусть они ругают меня сейчас за безжалостные тренировки, но я хочу, чтобы хотя бы вы, офицеры, поняли, что лучше как следует потрудиться сейчас, чем быть убитым противником.

Короткое напряженное молчание прервал старший механик капитан-лейтенант Хироши Каянама.

— Господа, — сказал он. — Я разделяю мнение капитана 1-го ранга Хара. За последние месяцы погибло много наших эсминцев прямо на глазах у капитана 1-го ранга Хара. Мы должны быть счастливы, что имеем командира дивизиона с таким большим боевым опытом. Позднее многие поймут, сколь многим они обязаны его боевому опыту.

Мы выпили по третьей чашке, и прием в мою честь

закончился. Все разошлись по своим боевым постам.

После шести недель тренировок «Сигуре» был назначен для несения сторожевой службы в районе Трука. Эта служба включала эскортирование транспортов и поиск подводных лодок противника, предоставляя прекрасную возможность продолжить тренировки.

Между тем, общая военная ситуация становилась все хуже. Наступательные возможности противника росли гораздо быстрее, чем возможности нашей обороны.

Адмирал Минейчи Кога, сменивший покойного адмирала Ямамото на посту Главнокомандующего Объединенным флотом, продолжал тактику своего предшественника. Легкие катера и эсминцы бросались в бой по частям, став своего рода «расходным материалом» морской войны. Им еще удавалось одерживать локальные победы, но изменить ход войны они были не в силах.

После отхода с Гуадалканала, передовая линия японской обороны проходила по группе островов Нью-Джорджия. На главном острове архипелага Мунда находились наши основные базы. Войска были развернуты и на близлежащем острове Коломбангара. Всего на архипелаге находилось около 10 500 наших солдат. 30 июня 1943 года американцы начали высадку на северную оконечность островов Рендова и Вангуну, также входящих в группу островов Нью-Джорджия.

Высадка противника представляла непосредственную угрозу нашим базам, и адмирал Кога приказал усилить гарнизон островов войсками и оружием. Эсминцы снова стали использоваться как «быстроходные транспорты» старого «Токийского экспресса». Перевозя огромное количество людей и грузов, эсминцы вступали в яростные бои с численно превосходящими соединениями противника, обладающего к этому времени более совершенными системами обнаружения и оружия. Подобные стычки проходили почти непрерывно: 4-го, 6-го, 12-го и 19-го июля.

Особенно блестящими были действия пяти наших эсминцев в бухте Куда 12 июля, напомнивших о былой славе боев у Гуадалканала. В этом бою японское соединение состояло из легкого крейсера «Дзинтцу» и эсминцев «Юкикадзе» (мой старый соплаватель), «Хамакадзе», «Микацуки», «Аянами» и «Югуре». Им пришлось иметь дело с сильным отрядом противника из двух американских и одного новозеландского крейсера и десять эсминцев. Сражение началось около полуночи, когда крейсер «Дзинтцу», повторив ошибку линкора «Хией», открыл прожектора и был потоплен концентрированным артогнем противника. В разгоревшемся бою новозеландский крейсер «Линдер» сразу же

был торпедирован и вышел из строя. Союзники совершили крупный промах, разделив свои силы на две группы. Одна из этих групп, состоящая из четырех эсминцев, не сумела атаковать ни одного японского корабля. Пять наших эсминцев, носясь полным ходом в полной темноте и смело маневрируя, торпедировали крейсера «Сент-Луис» и «Гонолулу», выведя их из строя, и утопили эсминец «Гвайн». В суматохе столкнулись американские эсминцы «Вудворт» и «Бьюкенен», нанеся друг другу серьезные повреждения.

Японские же эсминцы с триумфом вернулись на базу. Однако потеря крейсера «Дзинтцу» была для нас более тяжелой потерей, чем для американцев временный выход из строя трех крейсеров.

Я слушал рассказ о подвигах «Юкикадзе» с некоторой завистью. Когда в конце 1942 года нам приходилось действовать вместе, мой «Амацукадзе» не очень выделялся на его фоне. Сейчас же «Юкикадзе» стал заметным кораблем. Он стал единственным эсминцем, не получившим даже царапины в море Бисмарка и блестяще показал себя в бою в бухте Кула. Завидовать мне, однако, пришлось недолго. 20 июля «Сигуре» получил приказ следовать в Рабаул.

Загрузив на борт ящики с запасными частями для самолетов, мы вышли в Рабаул, следуя южным курсом со скоростью 18 узлов.

Плавание прошло без каких-либо происшествий и 23 июля мы прибыли в Рабаул. Встав на якорь, я сразу же отправился в штаб соединения. Выслушав меня, дежурный офицер молча протянул мне листок бумаги. Я быстро пробежал его глазами и онемел: 20 июля эсминцы «Югуре» и «Киенами» были потоплены южнее Чойсела. Это случилось, когда они эскортировали транспорты на Коломбангару. Корабли погибли со всем экипажем: 228 человек на «Югуре» и 240 на «Киенами». Всего за неделю противник расквитался за свои потери в бухте Куда. 27-й дивизион эсминцев все еще существовал чисто номинально.

После краткого отдыха и ознакомления с обстановкой я был отправлен с тремя эсминцами 4-го дивизиона для доставки снабжения на Коломбангару. Мы должны были следовать через бухту Велла, которую в штабе считали «достаточно безопасным маршрутом», памятуя об успехе предыдущего рейда «Ариаке» и двух его товарищей.

Я не разделял этого оптимизма, поскольку уже имел много случаев убедиться в том, что повторение одной и той же тактической схемы всегда приводит к самым печальным результатам. Мы не могли надеяться на то, что противник по-прежнему из любезности к нам будет впустую тратить время и топливо в бухте Куда, так и не выяснив, почему она опустела.

Почему-то в штабах упорно считали американцев дураками, и огромное количество горьких примеров не шло командованию впрок.

1 августа мы вышли из Рабаула, следуя кильватерной колонной во главе с эсминцем «Амагири». Как головной корабль, осуществлявший передовой дозор, «Амагири» не нес никаких грузов. Но следовавшие за ним эсминцы — «Хагикадзе», «Араси» и «Сигуре» — имели на борту 900 солдат и 120 тонн грузов. Это была первая боевая операция 1943-го года, в которой я участвовал. В мое отсутствие, в боях центральной части Соломоновых островов погибли, подорвавшись на минах или в результате ударов с воздуха, много знаменитых эсминцев-ветеранов боевого соединения адмирала Танака.

Охваченный этими воспоминаниями я стоял на мостике «Сигуре», глядя на темнеющее небо и думая о том, кому из наших четырех эсминцев суждено уцелеть в этом походе. Спустилась непроглядно темная ночь, создавая надежду на удачу.

Мы вошли в пролив Блэкетта — узкую полоску воды, отделяющую Коломбангару от трех островков на юго-западе. Обе стороны этого узкого пролива изобиловали опаснейшими рифами и банками на протяжении нескольких миль. Дойдя до условленного места, мы застопорили машины и легли в дрейф. В ту же минуту от берега отошли десятки барж и понтонов, чтобы принять от нас груз. Все делалось быстро, организованно и без малейшего шума. Буквально за 20 минут с эсминцев были сняты все люди и грузы. С великим облегчением я прочел световой сигнал с «Хагикадзе»: «Пошли домой!»

В пределах пяти минут мы развернулись в этой предательской узости и направились в обратный путь. Противник, имеющий здесь разветвленнейшую разведсеть, мог внезапно появиться из любой бухточки, великое множество которых находилось вдоль побережья, прикрытого рифами и мелями, напоминающими смертельный лабиринт.

Развернувшись на обратный курс, мы в течение 10 минут шли со скоростью 30 узлов, что было совершенным безумием в столь опасных водах. В мирное время ни один корабль не осмелился идти здесь ночью со скоростью больше 12 узлов, даже если бы горели все навигационные огни. Мы же шли, естественно, в полной темноте. Расстояние между кораблями составляло не более 500 метров.

Внезапно я заметил небольшой темный объект, быстро идущий в направлении «Амагири», что находился в 1500 метров впереди нас. Что это за объект, я определить не мог, но передал сигнал тревоги и весь сжался в ожидании взрыва.

Черный объект растаял в темноте без всяких взрывов, вспышек или огня. Я был озадачен. В этот момент «Амагири» передал сигнальной лампой: «Атака торпедных катеров противника! Один протаранен и потоплен!» (Это был торпедный катер «ПТ-109» под командованием лейтенанта резерва ВМС США Джона Кеннеди. Ночью 2 августа 1943 года катер был протаранен и разрезан пополам эсминцем «Амагири». Двое из тринадцати членов его экипажа погибли. Остальные, благодаря энергичным действиям их командира, будущего президента США, уцелели и были подобраны своими 7 августа.)

Внезапно залаяли крупнокалиберные пулеметы с «Хагикадзе» и «Араси». Я увидел трассеры, летящие с правого борта эсминцев. Также неожиданно темнота ночи озарилась двумя цветками бушующего пламени. Это горели два торпедных катера противника. Я не успел отдать приказ на открытие огня, как горящий катер исчез, как будто его никогда не существовало. (Эти «два горящих торпедных катера» были двумя половинками торпедного катера PT-109 Роже Пино).

Мы продолжали идти в темноте. Настроение повысилось. На палубе слышались шутки и смех. Я же хорошо понимал, насколько нам повезло. И насколько близко мы были от гибели. Я еще хорошо помнил, как американские торпедные катера утопили в декабре 1942 года эсминец «Теруцуки». Это был новейший японский эсминец водоизмещением 3470 тонн, а утопил его крошечный катер водоизмещением всего 50 тонн. Такая же судьба ждала и нас, сумей противник обнаружить нас на несколько минут раньше.

Выйдя из бухты Велла, мы увеличили скорость и без дальнейших происшествий вернулись в Рабаул. Весь экипаж был еще в возбужденно-веселом настроении из-за ночной стычки с противником. У меня же никаких причин для веселья не было. Когда я пришел в штаб с докладом, мне вручили очередное секретное сообщение:

«Эсминцы «Микацуки» (30-й дивизион) и «Ариаке» (27-й дивизион) при транспортировке грузов в Тулуву на архипелаг Нью-Британия 27 июля сели на мель вблизи мыса Глостер. На следующий день они были атакованы бомбардировщиками «B-25» и полностью уничтожены. Погибло семь человек».

Я снова стал командиром однокорабельного дивизиона. Как быстро тают силы нашего флота! От славного июльского квинтета осталось всего два корабля. А прошел всего месяц. Как могли эти эсминцы вместе выскочить на мель?!

Расстроенный и опустошенный я заперся ночью у себя в каюте и выпил несколько бутылок саке. Потом ко мне

присоединился капитан 3-го ранга Ямагами и примерно часа полтора мы вместе топили наше уныние в водке. Затем он ушел, а я продолжал пить один до полного отключения.

Через два дня, утром 4 августа, командир 4-го дивизиона эсминцев капитан 1-го ранга Кадзу Сугиура пригласил Ямагами и меня к себе на совещание. Стоял прекрасный солнечный день, и мы на катере отправились к эсминцу «Хагикадзе». Стол и стулья для совещания были вынесены прямо на верхнюю палубу, под небольшим тентом. Мы прибыли последними, застав на «Хагикадзе» всех других командиров и их старпомов. Капитан 1-го ранга Сугиура был на несколько лет меня старше, но, в отличие от меня, успел окончить и Военно-морскую академию.

— Господа, — сказал он, открывая конференцию, — я рад доложить вам, что наш последний транспортный рейд на Коломбангару завершился полным успехом. Наше морское командование, равно как и командование армией, выразили удовольствие по поводу проведения этой операции и уполномочили меня объявить всем вам благодарность. Кроме того, поступил приказ повторить подобный рейд послезавтра. Пойдут те же корабли. Только «Кавакадзе» заменит «Амагири», чей нос поврежден из-за тарана торпедного катера. Я буду рад выслушать ваши мнения и предложения.

Оглядев лица присутствующих, я понял, что от командиров эсминцев 4-го дивизиона никаких предложений не поступит. На их лицах можно было прочесть только безоговорочное подчинение всему, что скажет их командир дивизиона. Поскольку я был единственным из присутствующих, имеющим равный чин и равную должность с капитаном 1-го ранга Сугиура, то первым откликнуться на его предложение, видимо, надлежало мне.

— Господин Сугиура, — сказала, — если я правильно понял, мы должны повторить свой ночной поход. Означает ли это, что мы должны провести следующую операцию по той же схеме, что и предыдущую?

— Именно так, Хара, — ответил Сугиура. — Мы должны пройти через бухту Велла, затем — через пролив Блэкетта и разгрузиться на якорной стоянке Коломбангары в 23:30. Точно, как в прошлый раз.

— Прошу прощения, господин Сугиура, — возразил я, — но мне кажется, что не совсем разумно повторять ту же оперативную схему снова. Ведь эта процедура уже дважды использовалась в заливе Велла? Неужели ее нельзя никак изменить на этот раз? Скажем, перед входом в пролив Блэкетта пройти ложным курсом через пролив Гизо? Или хотя бы изменить временной график операции?

— Хара, — ответил командир 4-го дивизиона, — я понимаю и разделяю ваше беспокойство. Но приказ уже отдан. Если изменить в нем любую деталь, это повлечет за собой большие изменения во всех его составляющих, особенно во всем, что касается связи. Вы знаете, какие у армейских гарнизонов допотопные системы связи? С другой стороны, если пролив Блэкетта с его рифами и мелями опасен для нас, то он в равной степени опасен и для противника. Их катера могут, не обнаружив нас, выскочить на камни.

Три командира из дивизиона Сугиуры верноподданно закивали, выражая свое согласие. Я понимал, что любые мои предложения не вызовут одобрения ни у кого, разве что у Ямагами...

Между тем, Сугиура продолжал примирительным тоном:

— Я думаю, вы согласитесь со мной, Хара, если я поставлю ваш «Сигуре» головным, освобожу вас от грузов, предоставив таким образом вам полную свободу рук. С вашим опытом и искусством вы прекрасно обеспечите охранение всего отряда.

Это был, конечно, хитрый ход. В сущности, на меня, единственного офицера, который осмелился показать, что недоволен полученным приказом, возлагалась ответственность за проведение всей операции. Глаза всех присутствующих смотрели на меня, ожидая реакции на это предложение.

— Я понимаю ваши доводы, господин Сугиура, — ответил я, — но принять ваше предложение не могу.

Сказать, что присутствующие командиры были удивлены моим ответом — значит не сказать ничего. Они были просто ошеломлены. Я же продолжал:

— «Сигуре» — самый старый из всех четырех эсминцев. Его машина давно нуждается в ремонте, и я сомневаюсь, что он может развить скорость даже 30 узлов. Он совершенно не подходит для передового дозора. Я рекомендую назначить на сторожевое охранение капитана 2-го ранга Кошичи Сугиока. Его новейший эсминец «Араси» с легкостью развивает ход 35 узлов.

Капитан 1-го ранга Сугиура согнал с лица выражение недовольства и в наступившей тишине взглянул на капитан 2-го ранга Сугиока. Тот отвел глаза, не сказав ничего. Сугиура вздохнул и подвел итог совещания.

— Хорошо, господа, — сказал он. — Отряд поведет мой «Хагикадзе». Он будет осуществлять передовое охранение, но возьмет на борт причитающуюся ему долю людей и грузов. За ним пойдут: «Араси», «Кавакадзе» и концевым — «Сигуре» на расстоянии 500 метров друг от друга. Это создаст компактный, но маневренный строй. Это вас удовлетворяет, Хара?

Я отдал должное его выдержке и терпению и согласился. В конце концов все эти детали имели мало значения на фоне целесообразности всей операции.

Далее совещание стало обсуждать общий тактический план.

По этому плану мы должны были выйти из Рабаула на рассвете с тем, чтобы прибыть в район, где действует разведывательная авиация противника, с наступлением темноты. Сугиура считал, что американские самолеты-разведчики, базирующиеся на острове Рассела, способны действовать в радиусе 300 миль от своей базы.

Возможно, что неделю назад его предположения можно было считать совершенно правильными. Но мы были обязаны учитывать возможность того, что ныне разведывательная авиация американцев вполне может действовать и с более передовых баз. Скажем, с Рендовы, где противник обосновался еще с начала июля. Кроме того, наш отряд мог быть обнаружен и подводными лодками противника, а эта возможность вообще не рассматривалась на совещании.

Я больше не сказал ни слова, сидя в мрачной задумчивости.

Вспоминая это совещание, я до сих пор не могу подавить в себе чувство глубокого сожаления. Все-таки, думалось мне, я не сделал все возможное, чтобы доказать правоту своих взглядов. А сумей я это сделать, сколько жизней мне бы удалось спасти и в этой операции, и во многих последующих. И хотя разум подсказывает мне, что при столь жесткой иерархии, которая существовала в нашем флоте, мне вряд ли чего-нибудь удалось добиться, тем не менее я виню себя за недостаточные усилия.

6 августа около 3 часов ночи мы вышли из Рабаула, взяв курс на юг. Море было спокойным. Через дождевые тучи иногда проглядывало солнце. Временами шел дождь.

Мы проходили остров Бука, когда был замечен самолет противника, уходящий в облака. Наши радисты перехватили длинное шифрованное сообщение о самолете, помеченное «Срочно!» Видимо, это был доклад о нашем обнаружении. Рассчитывать на внезапность более не приходилось.

Я глядел на флагманский эсминец «Хагикадзе», ожидая, как отреагирует капитан 1-го ранга Сугиура на подобное развитие событий. Но ничего ровным счетом не произошло. Отряд продолжал следовать тем же курсом и с той же скоростью. Мне оставалось только сжать зубы и молиться, чтобы пронесло.

В 19:00 мы вошли в Бугенвильский пролив, где повернули на 140 градусов, имея скорость 30 узлов. Через два часа двадцать минут отряд находился северо-восточнее острова Велла Лавелла.

Мой «Сигуре» слегка отстал от отряда, так как 30-узловая

скорость была слишком большой для него.

Штурман лейтенант Ешио Укихара доложил мне, что расстояние до нашего переднего мателота «Кавакадзе» увеличилось до 1000 метров вместо положенных 500. Он предложил форсировать двигатели, чтобы сократить дистанцию, но я не разрешил. Будем держаться на дистанции 1000 метров.

С правого борта проплыла Коломбангара с нависающей над всей местностью вершиной вулкана, зловеще торчащей на фоне черных туч. Слева не было ничего, кроме кромешной тьмы, из которой в любой момент можно было ожидать чего угодно. Меня бил озноб.

Я дал приказ нацелить все орудия и торпедные аппараты на левый борт, установив прицелы на дистанцию 3000 метров, а торпеды — на углубление 2 метра с раствором 20 градусов. А также удвоить число сигнальщиков.

Следующие 10 минут я напряженно всматривался в темноту, надеясь, что какая-нибудь мелькнувшая тень выявит присутствие противника. Тишина была прервана криком сигнальщика Ямасита:

— Вижу буруны! Черные объекты! Несколько кораблей идут прямо на нас!

Положив руль право на борт, я приказал выпустить торпеды по целям, появившимся с левого борта. Их носовые буруны были уже ясно видны. С ужасом я взглянул на идущие впереди три эсминца нашего отряда. Они продолжали следовать прямым курсом, вслепую сближаясь с вражескими кораблями. Мой «Сигуре» теперь находился в 1500 метров от «Кавакадзе», резко поворачивая вправо и выпуская одну за другой торпеды. Было 21:45.

Мы готовились выпустить восьмую торпеду, когда я заметил всего в 800 метрах от эсминца зловещий черный след, идущий в нашем направлении.

Я снова скомандовал: «Право на борт!» — и в этот момент увидел, как столб огня поднялся прямо в середине эсминца «Араси», а через мгновение — два огненных столба, вставших над «Кавакадзе». Нашего флагмана «Хагикадзе», который створился с «Араси», мне видно не было.

Взглянув на поверхность воды, я почувствовал, что у меня перехватывает дыхание: три торпеды шли прямо в носовую часть «Сигуре», которая мучительно медленно поворачивала вправо.

Я почувствовал слабость в коленях и вцепился в ограждение мостика. Первая торпеда прошла в 20 метрах у нас по носу, вторая — еще ближе. Что касается третьей, то казалось, что она непременно нас поразит.

К счастью, этого не произошло. Буквально содрав краску с нашего форштевня, торпеда прошла мимо благодаря резкому повороту, который совершал эсминец.

Не успели мы закончить разворот, как я увидел еще несколько торпед, идущих на мой эсминец. Я приказал положить руль лево на борт.

Когда эсминец мчится на 30 узлах, требуется почти полминуты, прежде чем он начнет подчиняться повороту штурвала. Я с тревогой огляделся. К счастью, больше торпед не было. Я снова взглянул на часы: 21:47. Эти две минуты были, пожалуй, самыми страшными в моей жизни.

В этот момент сигнальщик Ямасита ликуя объявил, что одна из наших торпед попала в корабль противника. Он сам видел взрыв среди американских эсминцев. Это известие явилось хорошей разрядкой для моих матросов, находившихся во время нашего отчаянного маневрирования в страшном напряжении ожидания взрыва собственного корабля. Однако радостные крики быстро умолкли, когда стало очевидно, что ни один из вражеских кораблей попадания не получил.

Позднее выяснилось, что взрыв торпеды, который наблюдал Ямасита, произошел от кильватерной струи американского эсминца. Наши кислородные торпеды были настолько чувствительными, что часто взрывались, попадая в струю от винтов.

Американские корабли не получили в этом бою никаких попаданий. Противник действовал превосходно, не допуская никаких ошибок. (Это была оперативная группа 31.2 ВМС США (капитан 2-го ранга Фредерик Мусбруджер), состоявшая из 12-го дивизиона эсминцев («Данлэп», «Гревен» и «Маури») и 15-го дивизиона («Ланг», «Стерет» и «Стек»).)

Часть моих торпед должна была точно попасть в цель, но вражеские эсминцы вовремя совершили поворот в 90 градусов на восток и уклонились от них.

Я спросил у радистов, что слышно от остальных трех эсминцев.

Из радиорубки доложили, что «Араси» и «Кавакадзе» передали короткое сообщение о получении попаданий торпедами. От «Хагикадзе» не было ничего.

Быстрая оценка обстановки убедила меня в том, что противнику блестяще удалось заманить нас в засаду, и что «Сигуре» сейчас находится в наиболее невыгодном положении, какое только можно себе представить. Я вспомнил ночной бой у Гуадалканала, когда мой эсминец в одиночку атаковал колонну вражеских кораблей и потопил эсминец «Бартон». Теперь роли

переменились. Противник атаковал меня, действуя совсем не в одиночку. Судя по количеству выпущенных торпед, на нас из темноты обрушилось несколько кораблей противника. Я никак не ожидал от американцев такой снайперской торпедной стрельбы в полной темноте. Видимо, опыт прошлых боев с нами их многому научил.

Я, конечно, не мог бросить своих товарищей в беде, но в то же самое время я мало что мог предпринять против настолько превосходящих сил противника. Но поскольку не было никаких сообщений с «Хагикадзе», можно было предположить, что флагманский эсминец еще цел. Тогда нужно попытаться установить с ним контакт.

Я приказал перезарядить торпедные аппараты и объявил, что мы возвращаемся к месту боя. Когда «Сигуре» закончил поворот на обратный курс, было 21:51.

Минутой позже прямо по курсу, примерно в трех милях впереди нас, ночную тьму прорезал огромный сноп пламени. Я отчаянно пытался связаться с нашими кораблями по радио. Никто не отвечал.

В этот момент в ночном небе повисла гирлянда осветительных ракет и засверкали трассы зажигательных снарядов. Противник добивал наши корабли артиллерией.

Еще когда мы разворачивались на обратный курс, я почувствовал, что «Сигуре» как-то неуверенно реагирует на перекладку руля. Еще в самом начале боя я почувствовал какой-то удар в корму, но не был в этом уверен. Только через четыре месяца, когда «Сигуре» был поставлен в док, мы обнаружили в пере руля отверстие диаметром почти в два фута. Американская торпеда прошла прямо через перо руля, но, к счастью, не взорвалась.

Вцепившись в ограждение мостика, я лихорадочно обдумывал свои дальнейшие действия. Палуба эсминца была завалена грузами, а весь корабль забит солдатами, которых было 250 человек. Эффективно сражаться в таких условиях с превосходящим противником было невозможно. У Гуадалканала я совершил три ошибки, и это стоило мне сорока трех человек экипажа. Во сколько обойдутся мне ошибки, которые я совершу сегодня?

«Сигуре» все еще двигался к месту боя, когда в 22:10 артиллерийский огонь неожиданно прекратился. Все снова погрузилось в кромешную тьму. Я был уверен, что три наших эсминца потоплены. Противник, видимо, прячется в темноте, выжидая момент, чтобы обрушиться на одинокий «Сигуре».

В 22:15, не получая никаких ответов по радио и не видя

никого вокруг, я дал приказ уходить с места боя.

Таким образом, этот бой, получивший позднее название боя в заливе Велла, закончился полной победой американцев. Три японских эсминца были потоплены. Из 700 человек их экипажей и 820 находящихся на борту солдат уцелело лишь 310 человек. Среди уцелевших был и капитан 1-го ранга Сугиура. Около 30 часов он добирался до берега, а потом неделю мыкался в джунглях, пока не был обнаружен спасательной партией. Когда 20 августа истощенный и угрюмый Сугиура вернулся в Рабаул, мне было больно на него смотреть. Уцелевшие с погибших эсминцев признали, что заметили идущие на них торпеды, когда те находились уже примерно в 300 метрах от кораблей. Две торпеды попали в «Хагикадзе», сразу выведя из строя радиостанцию эсминца. «Араси» получил попадание тремя торпедами, «Кавакадзе» — двумя. Это была одна из наиболее успешных торпедных атак в истории.

Восьмая американская торпеда угодила, как уже говорилось, в перо руля «Сигуре». Если бы она взорвалась, «Сигуре» разделил бы судьбу трех других эсминцев 4-го дивизиона.

После войны я узнал дополнительные подробности об этом бое.

Противник узнал о нашем выходе еще утром того же дня и постоянно отслеживал движение нашего отряда до входа в бухту Велла.

В 09:30 с Тулаги вышли шесть американских эсминцев. Войдя в бухту, американцы с помощью радаров обнаружили наш отряд на расстоянии примерно в 10 миль. После этого соединение противника разделилось на две группы по три эсминца в каждой.

Группы должны были выйти в торпедную атаку поочередно, но первая группа добилась стольких попаданий, что второй оставалось только добить наши поврежденные корабли артиллерией.

После этого боя в Рабауле начальство наконец поняло, что нельзя снабжать Коломбангару через бухту Велла.

2

Поздно ночью 7 августа «Сигуре» вернулся в Рабаул. В штабах царила атмосфера, напоминавшая панику. Потеря острова Мунда накануне, 4 апреля, а затем небывалый разгром нашего отряда эсминцев повергли всех в состояние шока. Главный бастион японской обороны на Соломоновых островах отделяла от Мунды лишь узкая полоска воды пролива Блэкетта.

Я доложил о катастрофе командующему 8-м флотом вице-адмиралу Самедзима. Он выслушал меня с мрачным лицом, но ни словом не осудил моих действий. Адмирал осознавал собственную ответственность за то, что 4-й дивизион эсминцев был послан в западню из-за дурацкой традиции раз за разом применять одни и те же тактические приемы.

По прибытии на базу мы сгрузили на берег 250 солдат и их грузы. Большинство солдат еле держались на ногах, проведя почти 40 часов в душных, набитых до отказа помещениях под палубой, неимоверно страдая при этом от морской болезни. Спускаясь по сходням на берег, некоторые не могли сдержать радостных криков. Они знали, какая судьба постигла большую часть их товарищей и насколько они сами близки к гибели, а потому были благодарны экипажу «Сигуре» за спасение.

На следующий день я предоставил своему экипажу давно заслуженный отдых, уволив треть матросов на берег.

Увидев в первой группе уходящих на увольнение матросов сигнальщика Ямасита, благодаря которому нам удалось вовремя обнаружить противника, я пригласил его к себе в каюту. Там я вручил матросу свои серебряные часы и сказал:

— Это подарок за отличную службу. Я понимаю, что это слишком малое вознаграждение за спасение корабля и двух сотен человек. Я купил эти часы двадцать нет назад в Нью-Йорке во время учебного плавания.

— Я не могу их принять, — запротестовал Ямасита. — Это не просто часы. Это память о вашей юности. Кроме того, я не совершил ничего особенного, что не входило бы в мои служебные обязанности как сигнальщика. В любом случае, если я и заслужил награду; то пусть пеня официально награждает командующий флотом. — Бери часы и не спорь со мной, Ямасита, — прервал я его. — От командования ты не получишь ничего, поверь мне. Они даже отказываются засчитать нам торпедное попадание, поскольку его наблюдал ты один, а больше свидетелей не было.

— Господин капитан 1-го ранга, — вспыхнул Ямасита, — я точно видел попадание нашей торпеды. Я никогда в жизни никого не обманывал...

— Ладно, — сказал я, — на службе все случается. Иди на берег и постарайся там хорошо провести время.

Я сунул часы в его карман. Сигнальщик остыл, улыбнулся и, отдав честь, вышел из каюты.

Я же засел за рапорт о подробностях ночного боя в заливе Велла. С одной стороны, мне хотелось как можно правдивее описать случившееся, но с другой стороны, не хотелось подставлять своих товарищей на других кораблях, совершивших

кучу ошибок. Потребовалось несколько часов, прежде чем я закончил работу и вышел на верхнюю палубу.

К этому времени первая партия отпущенных на берег матросов уже вернулась на корабль. Среди них находился Ямасита. Форменка на нем была разорвана, губы разбиты, а под глазом набухал лиловый синяк.

— Что произошло? — потребовал я объяснений.

— Ничего страшного, господин капитан 1-го ранга, — вытянулся сигнальщик. — Я оступился и упал.

— Утром ты мне сказал, что никогда в жизни не врал, — сказал я. — Зачем же ты врешь сейчас?

— Простите, господин капитан 1-го ранга, — опустил глаза Ямасита. — Я подрался с какими-то ублюдками на берегу.

— Идем ко мне в каюту, — приказал я. — Доложишь, что случилось.

Ямасита послушно пошел за мной и в каюте честно рассказал, что с ним произошло.

— Дело было так, господин капитан 1-го ранга. Я выпил пару чашек саке. Возможно, опьянел слегка. И стал хвастаться часами, которые вы мне подарили. Тут ко мне подходит какой-то придурок и говорит, что наш «Сигуре» позорно бежал с поля боя и опозорил весь флот. Затем появился еще какой-то дурак и сказал, что вообще весь 27-й дивизион — это сборище трусов и разгильдяев. Ну я ему и врезал. Вы на меня не смотрите, господин капитан 1-го ранга. Они тоже получили все, что заслужили. Подонки!

— Ямасита, — спросил я, — ты считаешь, что «Сигуре» действовал неправильно?

— Нет, командир, — искренне ответил он. — Вы все сделали совершенно правильно. Просто эти придурки на берегу вывели меня из себя.

— Ты должен был не обращать на эти глупости внимания, — пожурил я сигнальщика. — Мы здесь для того, чтобы сражаться с американцами, а не драться друг с другом. Иди в лазарет, приведи себя в порядок.

После боя в заливе Велла атмосфера на «Сигуре» кардинальным образом изменилась. Я понял, что под моим командованием находится опытный боевой экипаж. Я уверенно чувствовал себя перед грядущими боями, которые не замедлили последовать.

Продолжая свое наступление, американцы провели новую высадку морской пехоты 15 августа на Билоа — вблизи южной оконечности Велла Лавелла. Новый плацдарм вместе с ранее захваченным на Мунде брал в клещи 12 000-й японский гарнизон

в Коломбангаре. Реакцией японского командования стал план высадки подкреплений в Хорании для уничтожения нового вражеского плацдарма. Для этого предполагалось использовать и всю наличную в этом районе авиацию.

Утром 16 августа Ямагами и я были вызваны на совещание, которое на борту эсминца «Сазанами» проводил командир 3-й эскадры эсминцев контр-адмирал Мацудзи Иджуин. Было уже объявлено, что он намерен лично возглавить операцию у Хорании.

Иджуин информировал нас, что он добился у командования прекращения выполнения эсминцами транспортных функций. Отныне эсминцы будут заниматься только эскортированием. Эскортирующая эскадра еще год назад всегда состояла не менее чем из восьми эсминцев.

— К сожалению, ныне из-за больших потерь, понесенных в последние месяцы, нам придется довольствоваться четырьмя кораблями. Я сам выбрал эти четыре эсминца, — заявил адмирал. — И уверен, что они стоят восьми других кораблей.

После этого адмирал объявил названия кораблей, отобранных для операции. Если не считать моего «Сигуре», все остальные были эскадренными миноносцами новейшей постройки. Среди них был герой боя в бухте Кула 13 июля эсминец «Хамакадзе», который, помимо всего прочего, являлся одним из немногих японских кораблей, оснащенных радаром. Он и однотипный «Исокадзе» составляли 17-й дивизион эсминцев под командованием капитана 1-го ранга Тошио Мияцаки. Вместе с флагманским эсминцем самого Иджуина «Сазанами» они должны были сформировать охранение конвоя. Это был очень редкий случай, когда такой маленький отряд из четырех эсминцев должно было вести в бой целое созвездие старших офицеров: один контр-адмирал и два капитана 1-го ранга. Все это говорило о том, что на высшее командование разгром в заливе Велла оказал сильное впечатление.

17 августа в 3 часа ночи наши четыре эсминца вышли из Рабаула, продвигаясь в южном направлении на рандеву с конвоем из двадцати самоходных десантных барж. Баржи вышли с Бугенвиля, имея на борту 400 солдат для подкрепления сил гарнизона Хорании.

Мы находились еще примерно в 100 милях от Рабаула, когда радисты перехватили длинное сообщение, передаваемое американским самолетом-разведчиком. Ясно, что речь шла о нас. Адмирал Иджуин радировал в Буин, прося обеспечить воздушную разведку района, чтобы не быть пойманными врасплох кораблями противника.

Первое сообщение от нашего разведывательного самолета пришло в 13:30, когда на юго-западном горизонте уже появились берега острова Бугенвиль. Оно гласило: «Три эсминца противника идут проливом Гизо в направлении Билоа».

Наш отряд со скоростью 28 узлов продолжал идти в направлении Бугенвиля. Мы спешили, чтобы не позволить противнику напасть на неэскортируемый конвой, который медленно шел вдоль побережья Чойсела.

В 21:00 прямо по курсу на горизонте замаячила Велла Лавелла. Мы приближались к своей цели и, вероятно, к схватке с тремя ранее обнаруженными эсминцами противника.

Напряженная тишина, царившая на мостике, была прервана криком сигнальщика Ямасита:

— Вижу самолет противника!

На большой высоте прямо над нами прошмыгнул американский бомбардировщик и скрылся в облаках. Затем, также внезапно, появился второй самолет. Это 5ыл торпедоносец «Авенджер», сбросивший осветительную ракету прямо над «Сигуре».

Наши эсминцы, сломав кильватерный строй, разошлись разными курсами, открыв зенитный огонь. Маневрируя на 30 узлах, корабли закрылись дымзавесами.

Еще один бомбардировщик появился из облаков и, пройдя над самыми мачтами «Сазанами», сбросил несколько бомб. Я со страхом подумал, что это один из «топмачтовиков», о которых мы уже слышали несколько месяцев, но так ничего и не придумали, как уклоняться от скользящих по поверхности воды авиабомб.

Но в данном случае я ошибся. Бомбы были сброшены обычным манером. Они легли вблизи «Сазанами», подняв вокруг флагманского эсминца большие столбы воды. «Сазанами» отбивался изо всех орудий, но так и не попал в этого отважного американского пилота.

Самолеты ушли, хотя существовала большая вероятность того, что они вернутся. Далеко на горизонте, наконец, показался конвой, который мы должны были охранять. До него оставался еще примерно час хода. Все с тревогой всматривались в небо, ожидая нового визита американских самолетов. Пока они появлялись двойками, а что будет, если их появится больше?

Самолеты продолжали нападать на нас парами до самого входа в залив Велла. Когда последние из них улетели, черный зловещий силуэт Коломбангары снова навис над нами с востока. И снова нас окутывала кромешная тьма. Не идем ли мы опять в капкан, расставленный противником?

С «Сазанами» по радио передали приказ повернуть на 180

градусов, на запад, из-за плохой видимости на стороне Коломбангары.

Повернув на запад, мы прошли около 30 миль, когда с «Сазанами» просигналили: «Четыре корабля противника, пеленг 190, дистанция 15 000 метров».

Адмирал Иджуин вовремя вывел нас из очередной ловушки.

Кормовой сигнальный фонарь «Сазанами» промигал новый приказ: «Построиться в боевой ордер. Подготовиться к торпедной атаке с левого борта».

Адмирал Иджуин позднее рассказывал мне, что он очень обрадовался, обнаружив, что противник нас преследует. «Я убедился, что противник, находясь под впечатлением своей феноменальной победы 6 августа, проигнорирует конвой и решит заняться нами. Я повернул на север, чтобы отвлечь американцев подальше от конвоя».

В 22:32 наши эсминцы повернули на 45 градусов к северо-западу. Все следили за маневрированием противника, к которому ближе всех находился имеющий радар «Хамакадзе», прикрываемый «Сазанами». Мой «Сигуре» занимал позицию еще на 1000 метров севернее их.

Противник продолжал следовать полным ходом на северо-восток, явно демонстрируя тот факт, что наше предыдущее маневрирование осталось незамеченным. Расстояние между нами и американцами сокращалось, и в 22:40 в темном небе расцвели две сигнальных ракеты: белая и синяя, выпущенные нашим самолетом-разведчиком. Это был заранее условленный сигнал, означающий: «Корабли противника являются эсминцами».

Американская колонна начала внезапный резкий поворот вправо в западном направлении. Адмирал Иджуин с ужасом понял, что противник прекратил преследование нас и лег на курс перехвата беззащитного конвоя. Адмирал немедленно приказал всем эсминцам совершить поворот на 90 градусов к юго-западу в надежде перехватить колонну противника, прежде чем она обрушится на незащищенные десантные баржи. Но беглый расчет скорости противника показал, что это невозможно.

Тогда Иджуин приказал дать по американцам торпедный залп с предельной дистанции, которая по оценке офицеров «Сазанами» составляла 8000 метров. Мои собственные расчеты показывали более 10 000 метров. С такого расстояния шансов добиться попадания практически не было никаких. Американские корабли шли почти параллельным курсом со скоростью более 30 узлов. Катастрофа нашего конвоя казалась неминуемой, и Иджуин приказал выпустить торпеды. В 22:52 все корабли произвели торпедный залп, выпустив двадцать три торпеды.

Наши торпеды были уже на полпути к цели, когда неожиданно одна из них внезапно встала вертикально в оде, переломилась пополам, осветив темноту бело-зеленым флюоресцентным свечением. С кораблей противника все это, разумеется, заметили и совершили резкое уклонение вправо. В результате все наши торпеды прошли мимо. Адмирал Иджуин, глядя на все это в бинокль с мостика «Сазанами», вздохнул:

— Надо же было ей сломаться! Не повезло. Но по крайней мере мы отогнали их от конвоя.

В 22:55 «Сазанами» выпустил восемь оставшихся у него торпед. Расстояние до противника было еще 7000 метров, но Иджуина это не заботило. Ему важно было еще дальше отогнать американцев от наших барж. Американцы совершили еще один резкий поворот вправо и уклонились от торпед. После чего адмирал приказал открыть артиллерийский огонь.

Загремели орудия «Сазанами» и «Хамакадзе». Однако без прожекторов обеспечить точность наводки было сложно. Да и дистанция для наших 127-миллиметровок была слишком большой.

Мой «Сигуре» и «Исокадзе» также ринулись на сближение с противником, и в 22:59 я приказал приготовиться к выпуску веера из четырех торпед.

В следующий момент на «Сигуре» обрушился град вражеских снарядов, падающих с недолетом в 20-40 метрах от корабля, поднимая каскады воды и брызг. Вторым и третьим залпом мы были накрыты, чудом избежав прямых попаданий.

Я пытался засечь противника по вспышкам его орудий, но не видел ничего и понял, что американцы используют беспламенный порох, слухи о котором ходили уже давно. Подобный порох в сочетании с радиолокационной наводкой орудий давали американцам огромное преимущество. Забыв о собственных планах произвести торпедную атаку, я приказал ставить дымзавесу и переходить на курс зигзага.

Мы носились взад-вперед в дымовой завесе со скоростью 30 узлов. Но каждые шесть секунд вокруг нас продолжали падать снаряды, ежесекундно грозя прямым попаданием.

Огня я не открывал, ожидая более удобного момента. А огонь противника продолжался. Американцы приближались по пеленгу 60 градусов, и мне хотелось сначала выпустить по ним торпеды, а потом открыть огонь из орудий, чтобы не сбить наводку торпедистам.

Столбы воды от американских недолетов и перелетов обрушивались на мостик, окатывая нас с головы до ног.

Сблизившись на 5000 метров, я дал торпедным аппаратам

команду «Пли!» и стал разворачивать влево, наблюдая за движением торпед. Противник продолжал огонь.

Я открыл ответный огонь, и корпус «Сигуре» задрожал как лист от бортового залпа. Стоял оглушающий грохот. Кругом падали снаряды противника, но ни один из них так в нас и не попал. Через гром залпов и разрывов я услышал крик сигнальщика из вороньего гнезда а мачте:

— Торпеда попала во второй от головного корабль противника! Наши снаряды попали в третий корабль противника!

Доказательств этому я из-за клубов дыма сам не видел, но новость подняла боевой дух экипажа.

В это время радиолокатор эсминца «Хамакадзе» обнаружил подход к месту боя мощного соединения противника. Капитан 1-го ранга Мияцаки предложил отходить на северо-запад.

В 23:00 «Сигуре» и «Исокадзе» повернули на северо-запад. «Сазанами» и «Хамакадзе», совместно маневрируя, также легли на курс отхода.

Снаряды продолжали поднимать вокруг нас водяные столбы еще минут десять. Мы так и не получили ни одного попадания. «Исокадзе» повезло меньше. Попав под сосредоточенный огонь противника, «Исокадзе» выпустил по американцам восемь торпед. Противник четко совершил маневр уклонения, продолжая огонь. От осколков близко рвущихся снарядов на «Исокадзе» вспыхнул небольшой пожар, несколько человек получили ранения. Легко поврежден был и «Хамакадзе». Но Сазанами» и «Сигуре» не получили даже царапины. Это был уже второй бой подряд, когда так везло моему эсминцу.

Между тем, двадцать барж с десантом, воспользовавшись тем, что мы увлекли за собой четыре эсминца противника («Николас», «О'Веннон», «Тейлор» и «Шевалье»), проскочили вдоль берега и укрылись в бухточках за коралловыми рифами. Солдаты провели светлое время суток на баржах, а с наступлением темноты были высажены на берег.

До 23:21 американцы шли параллельным с нами курсом, а затем, совершив два последовательных поворота вправо на 90 градусов, повернули на обратный курс в направлении конвоя. Капитан 1-го ранга Раин в своем рапорте указал, что был вынужден прекратить погоню за нашими эсминцами, потому что «японцы уходили со скоростью 35 узлов, а мы могли развить только 30». Это, мягко говоря, неверно, поскольку и мой «Сигуре», и поврежденный «Исокадзе» шли со скоростью не более 28 узлов.

Однако, и повернув на обратный курс, американцы не сделали даже попытки напасть на наши беспомощные десантные баржи. В рапорте противника говорится о том, что эсминцы Раина

израсходовали в бою почти весь боезапас, но для барж хватило бы и крупнокалиберных пулеметов. Возможно, Раин считал, что наши эсминцы действовали снова по образцу «Токийского экспресса», имея у себя на борту основные силы десанта и их грузов. Отогнав нас от Коломбангары, он решил, что сорвал высадку японских подкреплений.

Еще одной загадкой этого боя является факт неиспользования противником торпед. Это странно, учитывая недавний триумф американского торпедного оружия.

Доклад сигнальщика с «Сигуре» о попадании нашей торпеды так и не получил подтверждения. Возможно, это была боевая галлюцинация, а, возможно, торпеда взорвалась, попав в кильватерную струю вражеского эсминца. Однако адмирал Иджуин не разделял моих сомнений и скептицизма. Считая результаты боя превосходными, он написал в своем рапорте: «Наиболее доблестным кораблем отряда стал эсминец «Сигуре», утопивший торпедами КРЕЙСЕР противника».

Сильной критике подвергся наш выход из боя после сообщения «Хамакадзе», обнаружившим своим радаром подход к месту боя нового соединения противника. Позднее выяснилось, что радиолокатор принял за противника баржи собственного конвоя.

3

Наш отряд вернулся в Рабаул 18 августа. Счастливый и гордый экипаж «Сигуре» на следующий день получил заслуженное увольнение на берег. В эти дни ожесточенных боев с большими потерями было настоящим трудом пройти через два боя подряд без повреждений и потерь в личном составе. И если наше предыдущее возвращение вызвало множество сплетен и домыслов, то на тот раз ни у кого не возникло сомнений в доблести старого эсминца.

На следующий день я завтракал в офицерском клубе адмиралом Иджуином и капитаном 1-го ранга Мияцаси. Оба настолько хвалили «Сигуре», что в итоге привели меня в состояние сильнейшего смущения.

— Мне жаль, Хара, — заметил адмирал, — что вы, будучи командиром дивизиона, вынуждены командовать всего одним кораблем да еще столь устаревшим. Но потерпите. Вскоре вы получите новые корабли.

Адмирал Иджуин носил наследственный титул барона. Но несмотря на это, он был очень прост в общении, начисто лишен

какого-либо чванства, столь свойственного родовой аристократии. Еще в старые дни он пользовался репутацией одного из лучших штурманов на флоте.

Закончив завтрак, мы решили прогуляться по острову. Рабаул все еще оставался тихой тыловой базой. Редкие воздушные налеты противника не нарушали общего спокойствия. Теплый юго-восточный бриз шевелил роскошную листву кокосовых пальм. На этой далекой тропической базе уже давно перестали обращать внимание а разные формальности. Мы были одеты в футболки с короткими рукавами и шорты, а на головах у нас красовались соломенные шляпы или пробковые шлемы. Сновавшие вокруг матросы, разумеется, не отдавали чести, а нам было даже приятно оставаться незамеченными.

На острове вовсю работали магазины, принадлежавшие главным образом китайцам. Что за удивительный народ! В то время как японцы и американцы схлестнулись в смертельной борьбе, невозмутимые китайцы, казалось, не думали ни о чем, кроме усиления своего экономического контроля над островом.

Было на острове и весьма экзотическое туземное население, появлявшееся на базе в своей национальной одежде, состоящей из перьев в голове и набедренных повязок. Иногда прямо на каком-нибудь пустыре они устраивали свои ритуальные пляски, привлекая толпы матросов с различных кораблей.

Достопримечательностью острова были его знаменитые горячие источники, где командование организовало чисто японские бани для личного состава. Бани пользовались такой славой, что ими не брезговали даже адмиралы.

Между тем американцы, постоянно наращивая силу своих ударов, продолжали наступление вдоль цепочки островов архипелага. Пока мы наслаждались отдыхом в Рабауле, началась эвакуация японских войск с острова Сант-Изабелла, лежащего почти параллельно островам Велла Лавелла, Коломбангара и Нью-Джорджия.

Отдохнув три дня в Рабауле, Мияцаки и я получили новый приказ. С отрядом из трех эсминцев мы должны были прорваться к Рекате на северо-восточной оконечности острова Сант-Изабелла и эвакуировать оттуда как можно больше солдат, которых там было примерно 3500.

С «Сигуре» в этот поход снова шел «Хамакадзе». Поврежденный «Исокадзе» был заменен эсминцем «Минацуки».

Втроем мы вышли в море утром 22 августа, имея на борту продовольствие и боеприпасы для тех, кого не удастся снять с острова.

Каждый эсминец мог принять не более 250 пассажиров. Наша

задала осложнялась тем, что накануне другая группа эсминцев сняла с острова 600 человек. Противник уже знал об операции, и мы приготовились к худшему. Подходы к Рекате были очень опасны из-за великого множества рифов и мелей, не отмеченных на карте. На наших картах, скопированных с английских карт 1939 года, для этого района была сделана следующая пометка: «Эти острова были описаны лишь частично и воды вокруг них остаются неизвестными. При плавании в данном районе необходимы большая осторожность и осмотрительность».

Мы не отошли и 100 миль от Рабаула, как на высоте 20 000 футов появились три самолета противника. Мы немедленно открыли заградительный огонь. На такой высоте мы их все равно достать не могли.

Самолеты противника бомб не сбрасывали, но держали нас в постоянном напряжения, кружась над нашими головами.

Примерно через десять минут на сцене появились шесть наших «Зеро», вылетевших из Бука. Они яростно накинулись на американцев, сделав на них несколько заходов. Но бомбардировщики противника «Б-24», судя по всему, были как будто неуязвимыми и продолжали свой хоровод над нами.

В конце концов американцы ушли, а наши истребители продолжали прикрывать наше движение на юг до наступления темноты.

Сбросив ход до малого, мы уже приближались к неведомым рифам и банкам вокруг Чойсела, когда радисты приняли срочное радиосообщение из Рекаты: «Четыре крейсера и несколько эсминцев противника замечены у входа в порт Рекаты».

Я даже застонал от злости. Наши перегруженные эсминцы, вынужденные следовать малым ходом из-за отсутствия точных карт, могут стать легкой добычей для столь мощного соединения противника.

Пока я обдумывал создавшуюся обстановку, с «Хамакадзе» промигал сигнальный фонарь: «Отходим мористее для поддержания скорости 24 узла до получения более полных данных о противнике».

Мы отвернули от побережья, взяв курс на север, где радары противника могли нас засечь с гораздо большей легкостью, чем на фоне берега. Действительно, мы не успели пробыть на новом курсе и десяти минут, как радиоперехват показал, что самолеты-разведчики противника уже заметили и сообщили об изменении нашего курса. Оставалось решить, что нам делать в подобном положении.

Карты показывали, что противник еще находится на расстоянии 30 миль. Должны ли мы вернуться под прикрытие

берега, чтобы исчезнуть с экранов американских радиолокаторов? Попытаться пройти вдоль берега и атаковать противника? Но, атакуя, мы сможем в лучшем случае выбить из строя пару кораблей противника. А что потом?

Размышления снова прервал сигнал с «Хамакадзе»:

«Приказ из Рабаула немедленно возвращаться на базу, не вступая в бой. Возвращаться со скоростью 30 узлов».

Я облегченно вздохнул. Около полуночи мы взяли курс обратно на Рабаул, куда прибыли во второй половине дня 23 августа.

Через два дня мы снова вышли к Рекате. Стояла туманная погода и под ее прикрытием мы надеялись прорваться к цели своего похода. С наступлением темноты видимость падала до нескольких сот метров.

Когда мы прибыли к острову Сант-Изабелла, погода была столь же пасмурной. Поскольку противника в районе не было, нам было бы желательно, чтобы погода улучшилась. Со скоростью 6 узлов мы шли мимо рифов и мелей у входа в Рекату, останавливаясь каждые 100 метров для производства промеров глубин. Работа была столь же нервной, как и ожидание противника. Мы ковырялись около двух часов, пока не заметили тусклого сигнала с берега, показывающего нам путь подхода к причалам. В итоге всем трем эсминцам удалось протиснуться в узкую гавань.

В час ночи 25 августа мы начали разгрузку. Несколько сот солдат ожидали на затемненном причале приказа подняться на борт. Напряженное молчание ночи было внезапно нарушено ревом моторов двух американских бомбардировщиков, выскочивших из темноты на высоте наших мачт и скрывшихся в низкой облачности. Сброшенные ими бомбы стали рваться вокруг, поднимая огромные столбы воды и ила.

К счастью, прямых попаданий не было, а весь инцидент послужил быстроте разгрузочных работ. Как только палубы были очищены от грузов, по сходням на борт хлынули солдаты.

Было еще темно, когда вышли в обратный путь. На этот раз пришлось лавировать между рифами без остановки. Все обошлось и в 02:30 мы вышли в открытое море, увеличив скорость до 30 узлов. Все ожидали снова появления самолетов противника.

Через час после нашего выхода в открытое море начался рассвет. Мы шли вдоль побережья Чойсела. Прошел еще час и мы достигли Бугенвильского пролива. И в этот момент появились американские самолеты!

К счастью, мы заметили их приближение, и у нас было время рассредоточиться, укрывшись дымовой завесой. «Хамакадзе» и

«Минацуки» увеличили ход до 35 узлов. Мой «Сигуре» — до 30. На этот раз вражеских самолетов было около дюжины, и казалось, что они налетают со всех сторон. Наши орудия вели непрерывный огонь, но попаданий заметно не было. Отчаянно маневрируя, я снова обратил внимание как плохо «Сигуре» слушается руля.

Налет продолжался около 5 минут. «Сигуре» снова повезло. Ни одна бомба не упала даже вблизи эсминца.

Выйдя из дымовой завесы, мы увидели впереди в 3000 метрах два других эсминца. Я сразу заметил, что с «Хамакадзе» приключилась беда. Эсминец неуверенно держался на курсе. На его полубаке бушевал пожар. На «Минацуки» все на первый взгляд выглядело нормально.

«Сигуре» приблизился, и с «Хамакадзе» передали флагами: «Прямое попадание в полубак. 36 убитых. Скорость упала до 20 узлов. Предполагаю направиться в Шортленд. Мияцаки».

Шортленд был нашей ближайшей базой всего в 30 милях. Но кораблям там было находиться очень опасно, поскольку база не имела никакого воздушного прикрытия. Я приказал передать на «Хамакадзе»: «Капитан 1-го ранга Хара возражает против вашего решения. База на Шортленде небезопасна. Вернемся в Рабаул на 20 узлах. В случае необходимости буду вас буксировать».

Мияцаки согласился с моим предложением. На «Хамакадзе» потушили пожар, и мы все вместе продолжали движение на север. И хотя мы шли агонизирующе медленно, но добрались до Рабаула. Самолеты противника больше не появлялись.

Сотни людей сгрудились на причалах, приветствуя наше возвращение и восхищаясь тем, что колонну эсминцев возглавлял старенький «Сигуре», который в принципе должен был стать первой жертвой любого налета, а не новейший быстроходный «Хамакадзе».

Мне было жаль Мияцаки, когда на следующий день мы встретились в штабе. Блестящий моряк и превосходный командир различными соединениями эскадренных миноносцев — он считался, несмотря на относительную молодость, первым кандидатом на присвоение адмиральского звания. Но ныне для него наступила какая-то пора невезения, когда в каждом бою эсминцы его дивизиона получали повреждения. Сегодня в ремонте стояли все три эсминца: «Юкикадзе», «Исокадзе» и «Хамакадзе», а это, естественно, отдаляло получение адмиральских погон. Мияцаки выглядел расстроенным и угнетенным.

Однако адмирал Иджуин радушно его приветствовал, протянув листок бумаги.

— Читайте, Мияцаки, и радуйтесь, как вам повезло! Мияцаки

прочел и с печальной улыбкой передал листок мне. Это была радиограмма с Шортленда, говорящая о том, что база подверглась мощному удару с воздуха.

— Спасибо, Хара, — сказал Мияцаки, пожимая мне руку. — Если бы я не послушался вас, «Хамакадзе» уже наверняка был потоплен. Вы спасли и меня, и мой экипаж.

Через четыре дня адмирал Иджуин вызвал меня и командира «Сигуре» к себе в штаб. Командующий эскадрой выглядел задумчивым и неуверенным.

— Вашему «Сигуре» придется в одиночку совершить поход в Тулуву, — после минуты молчания сказал он. — Мне совершенно не доставляет удовольствия возлагать на вас подобную задачу, но все остальные эсминцы под моим командованием будут продолжать эвакуацию Рекаты. «Сигуре» выбран для самостоятельных действий именно потому, что на его борту находитесь вы, Хара. А мы знаем, что только вам подобная задача по плечу.

Я ответил, что для меня и Ямагами большая честь, что нашему одинокому эсминцу поручается решать задачи целого дивизиона.

Адмирал Иджуин очень обрадовался подобной нашей реакции. Он долго жал нам руки, напомнив, что наш «Сигуре» уже заслужил на флоте прозвище «Несокрушимого».

В Тулуву, на северной оконечности мыса Глостер острова Нью-Британия, японцы имели небольшую авиабазу. Хотя противник и обладал теперь превосходством в воздухе в этом районе, авиабаза в Тулуву успешно справлялась со своей главной задачей — проведения разведки над морем, став передовым наблюдательным постом Рабаула. Сухопутного пути из Рабаула в Тулуву не существовало и все снабжение базы шло морем.

Тулуву находился на западном входе в море Бисмарка, где в начале марта противник впервые применил топмачтовое бомбометание, утопив четыре наших эсминца (из восьми) и все восемь транспортов. Именно у Тулуву погиб эсминец «Ариаке» вместе с «Микацуки» 28 июля. Оба эсминца сели на камни и были добиты авиацией противника.

Тулуву находился в радиусе действия авиации противника, и любой появившийся там корабль мог рассчитывать на самую «теплую» встречу со стороны американцев, включая и топмачтовиков. А как уклоняться от топмачтовых атак мы, сколько не думали, так и не решили.

В полдень 1 сентября «Сигуре» вышел из Рабаула в Тулуву. Со скоростью 18 узлов мы шли вдоль побережья Нью-Британии, столь же опасного и предательского, как и побережье любого из

Соломоновых островов.

К наступлению темноты мы подошли к мысу Холлмена на северной Оконечности полуострова Вилламез — примерно на полпути между Рабаулом и Тулуву. «Сигуре» входил в опаснейшую зону. В радиорубке слышали переговоры американских самолетов, находящихся где-то неподалеку.

Через час радисты доложили, что перехватили сообщение с разведывательного самолета противника, находящегося, судя по четкости приема, прямо над нами. Сообщение расшифровать не удалось, но складывалось впечатление, что в нем сообщались наше место, скорость и курс.

По мере нашего продвижения в западном направлении видимость все более ухудшалась. Стояла неимоверная духота. На мостике царила напряженная тишина. Я вытер платком лицо, подумав, что еще никогда не было так душно. Мой штурман, лейтенант Тоукихара, предположил, что мы входим в зону встречного ливня, и был прав. Ливень укрыл нас, и, хотя видимость уменьшилась буквально до нескольких метров, мы под прикрытием дождевого шквала повернули на юго-запад навстречу скалистому берегу.

Радиорубка сообщила, что больше не слышит самолетов противника. Мы провозгласили славу погоде и богам, которые ей управляют.

Было 20:00. Напряжение спало. Освеженные ливнем люди вышли из оцепенения. Кто-то обменивался шутками, кто-то смеялся.

И в этот момент в уши ворвался страшный вой и рев пикирующего бомбардировщика, выскочившего из туч прямо над нашим мостиком. Последовал страшный оглушающий взрыв, а затем еще несколько. Еще один самолет с громом пронесся над нашими мачтами.

Я никак не мог понять, откуда взялись пикировщики противника. Они появились столь внезапно, что мы не успели даже открыть огонь. «Сигуре» покатился влево, и бомба взорвалась в нашей кильватерной струе. Вторая у самого полубака. Мостик рвануло. Тонны воды обрушились на носовую часть эсминца, пенясь над орудийными башнями.

Стоя еще под водопадами обрушившейся на мостик воды, я дал команду:

— Руль право на борт! Немедленно довести ход до самого полного! Немедленно!

Я увидел растерянное лицо Тоукихара, переводящего рычаг машинного телеграфа в самое крайнее положение. Капитан 3-го ранга Ямагами дублировал приказ по переговорной трубе, громко

произнося молитвословие.

Реакция офицеров была вполне понятна. Мне еще никогда не приходилось отдавать подобных команд, и многие могут прослужить на флоте всю жизнь, не отдавая и не слыша подобных приказов.

При нормальных условиях требуется полчаса, чтобы перейти с экономичного хода 12 узлов к максимальной скорости 30 узлов. В условиях военного времени этот период был сокращен до 15 минут. Мое «немедленно» игнорировало все уставы и наставления, создавая риск загубить турбины, чьи лопатки могли не выдержать столь резкого изменения режима работы.

«Сигуре» рванулся, как конь под ударом хлыста. Турбины выдержали, но из задней трубы вырвалось пламя, осветив корабль и все вокруг.

Мы оцепенели. Пикирующие бомбардировщики редко промахиваются по такой прекрасной цели. В страшном напряжении мы ждали появления бомбардировщиков. Томительно текли минуты. И тут из радиорубки доложили» что перехвачено сообщение американских летчиков, переданное открытым текстом. Они докладывали, что добились нескольких прямых попаданий в японский эсминец, который горит и тонет.

Я с трудом поверил своим ушам и попросил радистов еще раз прочесть перехваченное сообщение.

Списав нас со счета, американские пикировщики ушли.

А мы, снова снизив скорость до 12 узлов и окутавшись сгущающейся темнотой, дошли до Тулуву без каких-либо новых происшествий.

Сдав груз, мы, провожаемые радостными криками авиаторов, вышли в обратный путь и снова прибыли в Рабаул целыми и невредимыми.

4

После возвращения в Рабаул «Сигуре» был поставлен в ремонт. В ремонте нуждались изношенные котлы и машины эсминца, а также его обросший и проржавевший корпус.

Мы простояли в ремонте до середины сентября. За это время военная ситуация стала еще хуже. Противник перерезал основные линии наших коммуникаций. Гарнизоны на отдаленных островах оказались изолированными и просто вымирали от голода. Перед высшим командованием ясно встала необходимость нового отступления. Было решено эвакуировать весь регион вокруг Коломбангары.

Как раз к началу этой операции «Сигуре» снова вступил в строй.

21 сентября мы сняли гарнизоны с Арундела и Гизо, охранявшие Коломбангару с флангов на юге и юго-западе. К началу октября эта операция была успешно завершена ценой гибели всего 66 человек.

Следующей должна была стать эвакуация Велла Лавелла. Войска, снятые оттуда, как и с других островов, сосредотачивались на Бугенвиле.

Адмирал Иджуин получил приказ эвакуировать из Хорании 600 солдат местного гарнизона.

Для выполнения задания адмирал Иджуин сформировал из девяти эсминцев три группы поддержки. Если учесть, что для эвакуации десятитысячного гарнизона Коломбангары использовалось всего двадцать пять эскадренных миноносцев, выделенные силы можно было считать весьма солидными.

Операция не представлялась особенно сложной, поскольку гарнизон Хорании предстояло перевезти в Буин на острове Бугенвиль, т.е. на расстояние не более 50 миль. Кстати сказать, это армейское подразделение, которые ныне предстояло снять с острова, мы сами на него и высаживали полтора месяца назад.

6 октября мы вышли из Рабаула под командованием адмирала Иджуина, организованные следующим образом.

Общее руководство операцией — контр-адмирал Иджуин.

1-я группа поддержки: эскадренные миноносцы «Акигумо», «Исокадзе», «Кацегумо» и «Югумо» (контр-адмирал Иджуин).

2-я группа поддержки: эскадренные миноносцы «Сигуре» и «Самидаре» (капитан 1-го ранга Хара).

1-я транспортная группа: эскадренные миноносцы «Фумицуки», «Мацукадзе», «Юнаги» (капитан 1-го ранга Канаока).

1-я транспортная группа: 4 охотника за подводными лодками и 20 десантных барж (капитан 1-го ранга Накаяма).

Адмирал Иджуин нес свой флаг на эсминце «Акигумо». Вторым в командовании был опытный капитан 1-го ранга Мияцаки, шедший на «Исокадзе».

Четыре корабля 1-й группы, находящиеся под командованием самого адмирала, были способны развивать скорость до 35 узлов. В соответствии с этим, по составленному Иджуином тактическому плану, он попытается увлечь противника в погоню за собой, чтобы навести его на мои два эсминца. В то время как транспортная группа сможет при этом выполнить свою задачу без противодействия американцев. Наши 9 эсминцев, разделенные на три группы, не дадут возможности противнику точно определить состав наших сил, а потому и правильно оценить обстановку.

День был пасмурный, временами шел дождь. Мы радовались этому — под прикрытием дождя можно провести операцию вообще не встретив противника. Мы крались вдоль берега Бугенвиля, когда радисты перехватили шифрованную радиограмму противника. Неизвестно, исходила ли она от самолета-разведчика или от тайного наблюдателя, скрывающегося в джунглях острова, но ясно, что она сообщала о нас. Все были разочарованы, узнав, что нас так быстро обнаружили.

Теперь приходилось ждать удара с воздуха. Мы увеличили расстояние между кораблями с 500 до 1000 метров.

Около 15:00 со стороны Чойсела появилось несколько самолетов противника, но, к счастью, налетел дождевой шквал, укрывший нас примерно на полчаса. За это время самолеты куда-то исчезли.

С заходом солнца я получил сообщение от флагмана, что его группа намерена полным ходом идти к Велла Лавелла. Мне предписывалось «уменьшить скорость до 9 узлов и оставаться у берегов Шортленда, чтобы встретить баржи», появление которых ожидалось вскоре.

После этого Иджуин со своими четырьмя эсминцами вошел на скорости 26 узлов в Бугенвильский пролив. В темноте идти на такой скорости через эти воды, было очень рискованно, но все обошлось без происшествий.

Мои два эсминца медленно прошли через пролив и точно в указанное время встретили восточнее Шортленда транспортный конвой.

Иджуин почти уже дошел до Хорании, когда в темноте он заметил «четыре» эсминца. Набежавший очередной дождевой шквал полностью закрыл видимость. Однако Иджуин помнил об американских орудиях с радиолокационной наводкой и не решился идти дальше. В этот момент ему принесли радиограмму следующего содержания: «Разведывательный самолет из Рабаула обнаружил четыре крейсера и три эсминца противника, идущих в западном направлении к северу от Велла Лавелла».

Прочтя радиограмму, Иджуин дал приказ своей группе приготовиться к повороту на обратный курс. Как выяснилось позднее, сообщение с самолета-разведчика оказалось полностью неверным, но оно привело к серьезной тактической ошибке адмирала Иджуина. Лично я думаю, что виной всему неопытность пилота разведывательного самолета. Видимо, в разрывах облаков он обнаружил группу из трех американских эсминцев. Видя их время от времени с разных позиций, он принял их за две или три отдельные группы, о чем и докладывал в штаб.

Будь этот рапорт правильным, вся картина предстоящего боя могла выглядеть иначе. Огневая мощь крейсера в десять раз превышает огневую мощь эсминца. Именно это и заставило адмирала Иджуина проявить некоторую нерешительность, помня об убийственной точности огня с помощью радиолокационной наводки. Он знал также, что в условиях столь низкой видимости его эсминцы не смогут противостоять такому мощному соединению противника.

Когда разведывательный рапорт был получен мною на «Сигуре», я хотя и удивился столь быстрому появлению противника, но не имел никаких причин сомневаться в точности самого донесения. Я понял перед какой дилеммой стоит адмирал: продолжать операцию или отменить ее? Это было трудное решение. Отряд адмирала Иджуина был непропорционально сильным для выполнения такой мелкой операции по эвакуации войск, которую мы проводили. Отмена операции стала бы ужасным ударом по репутации адмирала.

Пока Иджуин колебался, обдумывая различные возможности, его группа продолжала идти в южном направлении со скоростью 26 узлов.

В это же время три американских эсминца под командованием капитана 1-го ранга Уолкера, ведущего колонну на своем флагмане «Селфридж», заметив корабли Иджуина в 21:31, решили, что это японский транспортный конвой. Уолкер приказал своим эсминцам увеличить скорость до 33 узлов и атаковать «конвой». Одновременно он вызвал еще одну группу из трех американских эсминцев, маневрирующих в этот момент у северного побережья Нью-Джорджии — примерно в 20 милях от Уолкера.

Видимость в эту ночь резко менялась, иногда достигая 15 000 метров, а порой падая практически до нуля. Таким образом, капитан 1-го ранга Уолкер обнаружил японские корабли, в то время как Иджуин еще ничего не знал об его эсминцах.

Пока эсминцы Уолкера полным ходом пошли на сближение с группой Иджуина, я получил от адмирала приказ «присоединиться к нему как можно быстрее». Я получил этот приказ в 20:10 и немедленно пошел на соединение с группой Иджуина, увеличив скорость до 30 узлов. Адмирал Иджуин все еще ничего не знал о приближении противника. Ожидая подхода моих двух эсминцев, он в 20:29 повернул свои корабли в западном направлении. Через 6 минут я радировал ему: «Из-за плохой видимости не могу вас обнаружить. Прошу, чтобы «Югумо» включил синий кормовой огонь».

Было 20:35. Адмирал приказал своим эсминцам развернуться

влево, а «Югумо» включить опознавательный огонь.

Колонна Иджуина совершила еще два последовательных поворота, и наконец в 20:38 я заметил синий опознавательный огонь.

Через минуту Иджуин обнаружил колонну кораблей противника, подходящую с востока. Четыре эсминца первой группы, увеличив скорость до 35 узлов, повернули на юг. Хотя и считалось, что колонна противника состоит из четырех крейсеров и трех эсминцев, адмирал Иджуин решил выйти в торпедную атаку, повторив ту же тактику, что и 17 августа.

К сожалению, как часто бывает ночью, адмирал слегка ошибся в определении расстояния до противника. Американские корабли показались ему ближе, чем были на самом деле. В 20:45 адмирал Иджуин понял свою ошибку. Вражеская колонна держалась на прежнем курсе, но была еще достаточно далеко. Адмирал приказал повернуть на юго-восток, чтобы откорректировать допущенную ошибку, а в 20:48 скомандовал поворот «все вдруг» на 45 градусов вправо.

И тут адмирал Иджуин совершил вторую ошибку. Поворот «все вдруг» является очень сложным маневром, особенно для эсминцев, следующих на высокой скорости в плотном кильватерном строю. Для успешного выполнения этого маневра флагману необходимо точно знать положение на каждом корабле колонны, держать с ними связь с тем, чтобы все корабли начали маневр одновременно. Поэтому все каналы связи флагманского эсминца были заняты связью с остальными кораблями колонны, а связь с моей группой из двух эсминцев оказалась потерянной.

После неправильного определения расстояния до противника и ошибочной команды на поворот «все вдруг», адмирал с ужасом убедился, что занял такую позицию, в которой его корабли стали прекрасной целью для противника. Американцам представлялась отличная возможность нанести по колонне Иджуина сокрушительный удар, а затем следовать на север и уничтожить японский транспортный конвой.

Понимая весь ужас подобного развития событий, уставший и несколько растерявшийся Иджуин совершает очередную, на этот раз самую крупную из всех своих ошибок. Он приказывает своим кораблям совершить еще один поворот «все вдруг» влево. Это выстраивает его корабли в изломанную линию фронта, еще лучше подставляя их под удар противника.

В 20:56 эсминцы Иджуина совершили очередной поворот «все вдруг» — на этот раз вправо, перестроившись из строя фронта снова в кильватерную колонну, подставляя свой арьергард под бортовой залп противника. Концевым следовал эсминец «Югумо»,

находясь всего в 3000 метрах от американских орудий с радиолокационной наводкой.

В этот момент противник открыл артиллерийский огонь и выпустил торпеды. Эсминец «Югумо» сразу же получил попадания пятью снарядами. «Югумо» выкатился из строя влево, открыл яростный ответный огонь и выпустил по противнику 8 торпед. Следующий впереди эсминец «Кацегумо» также открыл артиллерийский огонь, но не смог выпустить торпед из опасения попасть ими в поврежденный «Югумо». «Исокадзе» и «Акигумо» не имели возможности на своем курсе даже открыть артогонь.

Между тем, «Югумо», пораженный еще несколькими снарядами, потерял управление и стал дрейфовать к юго-западу. В 21:03 он получил попадание в правый борт по меньшей мере одной американской торпеды, взорвался и, продержавшись на поверхности еще несколько минут, затонул. Никто из его экипажа (241 человек) не спасся. Три оставшихся корабля Иджуина бежали из этого района в хаотическом беспорядке. Десять минут у них ушло на то, чтобы снова построиться, после чего вся группа ушла в западном направлении.

Три американских эсминца, которые до сих пор действовали безукоризненно, стали, судя по всему, жертвой излишней самоуверенности.

В 20:56, после открытия огня и торпедного залпа по «Югумо», они отвернули вправо. Останься они на этом курсе, то скорее всего им удалось бы уцелеть. Но примерно через полторы минуты прямо по курсу американцы обнаружили еще два японских эсминца — «Сигуре» и «Самидаре» на расстоянии 13 000 метров. Они тут же повернули на обратный курс, параллельный их новым целям, и приготовились к атаке. Сам по себе это был правильный маневр, но он не учел только одной опасности — торпедного залпа с погибающего «Югумо». Возбужденные своим успехом американские моряки забыли об этой опасности и были сурово наказаны.

Одна из торпед «Югумо» попала в американский эсминец «Шевалье», вызвав детонацию боевых погребов. Это случилось в 21:01 — за две минуты до взрыва самого «Югумо».

В 21:05, в тот самый момент, когда «Югумо» скрылся в пучине, американский отряд постигла еще одна беда — эсминец «О'Веннон» врезался на полном ходу прямо в середину правого борта погибающего «Шевалье».

Третий американский эсминец «Селфридж», единственный пока еще оставшийся неповрежденным, продолжал сближаться с «Сигуре» и «Самидаре», ведя огонь из орудий. Огонь был очень неэффективным. Открытый в 21:04, он продолжался 2,5 минуты,

когда в носовую часть «Селфриджа» угодила торпеда. Это была одна из шестнадцати торпед, выпущенных несколькими минутами ранее «Сигуре» и «Самидаре».

Теперь я хочу вернуться к 20:38, когда прошло три минуты, как я запросил адмирала Иджуина показать световым сигналом свое место, поскольку я не мог обнаружить его группу из-за плохой видимости.

Заметив синий опознавательный сигнал, включенный «Югумо», я полным ходом пошел в указанном направлении.

Внезапно с левого борта появился какой-то черный объект, похожий на небольшой островок. Но в этих водах никаких островков не было. В этот момент сигнальщик Ямасита доложил:

— Неопознанные объекты 50 градусов слева по носу. Похожи на крейсеры или эсминцы, вероятно, противника. Сближаются!

Я взглянул в окуляры огромного 20-сантиметрового бинокуляра.

Так и есть! Какие-то корабли шли прямо на нас. Сосчитать их не мог, так как они шли кильватерной колонной, когда головной корабль закрывал остальных. В 20:40 с «Самидаре», который также их обнаружил, передали сигналом: «Корабли противника по курсовому 115 градусов».

Противник быстро сближался. Я наблюдал за ними в бинокль, обдумывая свои действия. Дистанция до них составляла сейчас 13 000 метров.

Я решил, что самое лучшее — пустить им навстречу пару торпедных вееров. Чтобы улучшить нашу позицию при торпедной атаке, я приказал отвернуть чуть влево.

К 20:55, когда расстояние до противника составляло уже 10 000 метров, и мы были в пределах дальности его управляемых радаром орудий, я потерял из вида опознавательный сигнал, поднятый «Югумо».

Кроме того, я, еще считая, что соединение противника состоит из четырех крейсеров и трех эсминцев, больше думал о том, как спасти свои два корабля от уничтожения, нежели о нанесении какого-либо серьезного урона американцам. Видя, что колонна противника поворачивает вправо, я в 20:58 тоже скомандовал резкий поворот вправо. Теперь нас разделяло расстояние 8500 метров. В составленном мною наставлении по торпедным стрельбам идеальной считалась позиция на параллельном курсе чуть впереди противника. Световым сигналом и по радио я передал на «Самидаре» приказ приготовиться к выпуску торпед и открытия огня. В этот самый момент противник подставлял нам свой левый борт, желая ввести в действие все свои орудия сразу.

Поняв это, я в 20:59 приказал еще немного отвернуть вправо, чтобы, резко сблизившись с противником, сбить ему наводку, а, следовательно, и время открытия огня.

В этот момент меня вывел из себя командир «Самидаре», который, как дурак, запросил меня по радио: будем ли мы вести бой на этом новом курсе?

— Скажите ему, — прошипел я, — что мы еще повернем влево.

Мы сблизились с американцами еще примерно метров на 500, когда я приказал начать разворот влево и дал команду произвести торпедный залп. Было 21 час и 30 секунд. Противник находился от нас по пеленгу 50 градусов по правому борту на дистанции 7500 метров. Шестнадцать «рыбин» плюхнулись в воду с моих двух эсминцев, и торпедисты начали спешно перезаряжать аппараты.

Торпеды были еще на своем пути к цели, когда вокруг моих кораблей стали вздыматься столбы воды от вражеских снарядов. Первым же залпом американцы достигли накрытия, но прямых попаданий ни один из наших кораблей не получил. Я ждал, когда будут перезаряжены торпедные аппараты, готовясь вместе с новым торпедным залпом открыть артиллерийский огонь.

«Сигуре» взвизгнул изогнувшимся от бортового залпа корпусом, когда грохнули пять наших 127-миллиметровок, осветив тьму океанской ночи и ослепив всех находящихся на мостике. Пороховой дым на мгновение закрыл полностью видимость. Первое, что я услышал, оглушенный грохотом орудий и вспышками залпа, был голос сигнальщика Ямасита, кричащего о том, что одна из наших торпед попала в цель.

Когда мои глаза снова привыкли к темноте, я увидел взрыв на головном корабле вражеской колонны. Но кораблей, которые шли за ним, нигде не было видно. Сигнальщики подтвердили, что видят только один эсминец противника. Это привело нас к предположению, что все три американских эсминца стали жертвами наших торпед. Мы, конечно, и представить не могли, что «Шевалье» и «0'Веннон» терпят бедствие в 6000 метрах за кормой головного корабля. Всему виной была плохая видимость.

В попытке проверить результаты нашей торпедной атаки, я снова развернул свои корабли вправо. После десяти минут бесплодных поисков я приказал повернуть на 90 градусов влево и возвращаться на базу.

Ошибочный рапорт, переданный разведывательным самолетом о наличии вражеских крейсеров в этом районе продолжал, между тем, лихорадить группу из трех оставшихся эсминцев адмирала Иджуина. После потери «Югумо» они

продолжали в полном беспорядке отходить в западном направлении. В 21:13 их сигнальщики заметили вдали «Шевалье» и «0'Веннон», приняв их в панике за четыре американских крейсера. Хотя оба эсминца стояли без хода, на эсминцах Иджуина почему-то решили, что они приближаются.

В 21:19 три эсминца 1-й группы выпустили двадцать четыре торпеды по увиденному ими миражу, ни одна из которых в цель не попала. Сигнальщики через ночную мглу увидели отблески огня от пожаров на «Селфридже» и «Шевалье», что дало повод доложить о «потоплении нашими торпедами двух крейсеров или больших эсминцев противника». Это был еще один мираж, порожденный паникой.

После чего адмирал Иджуин повернул свои корабли на север и вернулся на базу. Между тем, японский транспортный конвой добрался до Хорании без всяких помех. За два часа они эвакуировали 589 человек из местного гарнизона, не понеся никаких потерь.

Таким образом, в результате этого боя один американский эсминец был потоплен, а два — повреждены. Мы потеряли один эсминец. Американцы потеряли почти столько же людей, сколько погибло на «Югумо», хотя мы тогда еще не знали, что примерно треть экипажа «Югумо» была подобрана американскими эсминцами.

Но самое главное, что несмотря на все ошибки, удалось провести конвой без каких-либо потерь. А это уже было победой. Я лично считаю, что этот бой мог бы закончиться полной победой американцев, если бы Уолкер повернул не на север, а на юг и добил бы артиллерией три удирающих в панике эсминца адмирала Иджуина. Но это всего лишь гипотеза. Морские бои всегда полны ошибок, галлюцинаций и сюрпризов.

По возвращении в Рабаул я застал адмирала Иджуина шокированным, не знающим куда деваться от стыда. Открыто его никто не осуждал, но высшее командование откровенно выразило свое отношение к этому бою, наградив меня церемониальным мечом, а моих командиров — капитана 3-го ранга Ямагами с «Сигуре» и Сугихара с «Самидаре» — почетными кортиками. Из первой группы эсминцев никто не получил ни наград, ни поощрений, хотя это был первый японский успех на море за три прошедших месяца.

5

Наш успех праздновался на следующий день, 7 октября.

Торжественная церемония вручения меча и кортиков, как водится, завершилась банкетом. Все происходило в нашем роскошном офицерском клубе, где по этому случаю присутствовали практически все высшие офицеры, включая командующего военно-морской группой «Юг» и 11-м воздушным флотом вице-адмирала Кусака, и командующего 8-м флотом вице-адмирала Самедзима.

На стол было подано громадное количество саке, а когда появились женщины, торжественно-церемониальная часть тут же переросла в бурное веселье. Женщинами были гейши, нанятые министерством ВМС и посланные на крупные передовые базы для поднятия боевого духа личного состава.

Произнося тост, адмирал Кусака сказал:

— Жизнь эсминца в Рабауле в среднем продолжается меньше двух месяцев. И только один корабль, непрерывно участвуя в боях три месяца подряд, не получил ни царапины и не потерял ни единого человека из своего экипажа. Я предлагаю тост за капитана 1-го ранга Хара, капитана 3-го ранга Ямагами и за весь экипаж прославленного эсминца «Сигуре»!

За столом становилось все более шумно. Неожиданно один из штабных офицеров встал и обратился к адмиралу:

— Господин адмирал Кусака, я давно хотел задать вам один вопрос, но не осмеливался. Разрешите мне задать его сейчас?

От такой неслыханной дерзости в помещении сразу же воцарилась мертвая тишина. Но адмирал благодушно кивнул, и молодой офицер продолжал:

— Господин адмирал! Вы только что с непонятной гордостью отметили, насколько коротка жизнь эсминца в создавшейся обстановке. Но почему такая обстановка возникла? Почему все наши крупные корабли отсиживаются на Труке? 20 октября мы можем отпраздновать годовщину с тех пор, как наши авианосцы последний раз принимали участие в боевых действиях. Воюют уже целый год исключительно одни эсминцы, не говоря уже о том, что их еще используют как транспорты. Почему на таком важнейшем театре военных действий всю тяжесть войны возложили на эскадренные миноносцы. А где все наши авианосцы, линкоры и крейсера?

Такой дерзости со стороны молодого офицера не ожидал никто, хотя он выразил мысли, которые мучили всех нас. Адмирал Кусака мрачно молчал. Вместо него в напряженной тишине заговорил адмирал Самедзима:

— Я полагаю, — не совсем уверенно сказал он, — что главнокомандующий Объединенным флотом адмирал Кога ведет подготовку к решительному сражению, в котором будут

задействованы все наши крупные корабли.

Задавший вопрос офицер пьяно засмеялся:

— Решительное сражение? Когда оно будет, это решительное сражение? Что они даже сейчас смогут сделать, если уже целый год не участвовали в боях? Целый год, который стал для наших эсминцев целым веком. Целый год, за время которого противник настолько повысил свою боевую подготовку, что уже во всем превосходит нас!

Видно было, что из-за большой дозы выпитого этот офицер потерял контроль над собой. Его приятели пытались прервать поток разоблачений, усадить пьяного на место или увести из клуба. Тот отбивался и продолжал орать:

— А что сообщает Императорская Ставка в Токио? Противник истекает кровью на Соломоновых островах! Это мы здесь истекаем кровью, а не противник!

Двое приятелей, наконец, схватили его и вытащили из зала.

Этот эпизод оказал на меня какой-то странный эффект. Я тоже был сильно пьян и стоял пошатываясь и опираясь на длинный церемониальный меч, который мне торжественно вручил адмирал Самедзима.

Я подошел к нему и сказал:

— Адмирал, я хочу вернуть этот меч, потому что я его не заслужил. Но даже если я его заслужил, то что мне делать с ним на корабле?

Все застыли от удивления от моей выходки. Первым опомнился от шока капитан 1-го ранга Мияцаки. Он подскочил ко мне, обнял, приговаривая:

— Хара, ты переутомился. Пошли домой, Хара. Тебе надо отдохнуть.

Я отпихнул его и продолжал:

— Я хочу обменять этот меч на саке для моего экипажа. Мои моряки должны же быть как-то награждены. Адмирал Самедзима, купите выпивки для моих матросов. Не для себя прошу!

Тут возле меня возник мой непосредственный командир контр-адмирал Иджуин.

— Все в порядке, Хара. Я поставлю выпивку твоим морякам. Но сейчас все уже устали и надо расходиться.

Я проснулся на следующее утро в ужаснейшем похмелье.

Капитан 3-го ранга Ямагами скорбно напомнил мне о моей выходке и о том, как адмирал Иджуин и капитан 1-го ранга Мияцаки волокли меня, что-то ревущего, с банкета. Подобное поведение старшего офицера было неслыханным в Императорском флоте, и к мучениям от перепоя добавился стыд за свое поведение и страх от ожидания возможных последствий.

Как ни странно, но за свое постыдное поведение я никак не поплатился. А когда слух о моей выходке распространился среди матросов, то это только добавило мне популярности. То, что мне все это сошло с рук, говорит, видимо, о том, что многие из моих начальников разделяли общее недовольство в отношении высшего командования.

Главное командование в Токио приказало считать отход на Бугенвиль последним рубежом обороны. Но в зоне боевых действий этот приказ никому оптимизма не добавил. Остров Бугенвиль был по размеру раза в три больше Гуадалканала, и его побережье, не имеющее фактически никакой обороны, предоставляло много потенциальных мест для высадки противника.

Адмирал Минейчи Кога, занявший пост главкома после гибели адмирала Ямамото в апреле 1943 года, вообще ничего не делал и его никто не видел. Непонятно чем занимался и вице-адмирал Исабуро Одзава, сменивший в ноябре 1942 года адмирала Нагумо на посту командующего авианосными соединениями. Стояли в бездействии на якорях и корабли 2-го флота, которым с августа 1943 года командовал вице-адмирал Курита, сменивший адмирала Кондо.

Прошло уже полгода после гибели адмирала Ямамото, а его политика продолжалась. Еще со времен, боя в Яванском море в феврале 1942 года я убедился, что участие только в одном бою учит гораздо большему, чем участие в тысяче маневров. К сожалению, командующие адмиралы не разделяли моих взглядов. Они продолжали держать главные силы нашего флота в Рабауле или, что еще хуже, в водах метрополии, мотивируя свои действия необходимостью «сохранить корабли и подготовить личный состав». Результатом явилось то, что ни корабли, ни люди не оказались готовыми к боям, когда сама жизнь вынудила эти бои начать.

А агрессивный противник не давал нам ни минуты передышки. Уже после возвращения из боя в заливе Велла мы могли убедиться, насколько обстановка стала критической. 12 октября 349 американских бомбардировщиков берегового базирования совершили налет на Рабаул.

К счастью, бомбардировка, ведущаяся с большой высоты, оказалась не очень точной. Был потоплен только один транспорт. Но столь массированный налет на главную японскую военно-морскую базу шокировал штаб Объединенного флота на Труке. Если противник сумел бросить такое количество самолетов берегового базирования против Рабаула, то Соломоновы острова не могут считаться благоприятным местом для базирования и

действий флота.

Еще один массированный налет имел место 18 октября, когда самолеты противника атаковали Рабаул и Буин — нашу главную авиабазу на Бугенвиле. Через пять дней произошел новый воздушный налет, который затем продолжался ежедневно, пока Буин не был превращен в пылающие руины.

К этому времени адмирал Кога после некоторых колебаний выделил нам в Рабаул два тяжелых крейсера и эскадру эсминцев, которые прибыли на базу 21 октября. Среди эсминцев был «Сирацуи», номинально входивший в мой дивизион и только сейчас попавший под мое командование.

Наконец, после шести месяцев после моего назначения командиром дивизиона, у меня под командованием оказалось три корабля.

«Сирацуи» был однотипен с «Сигуре» и «Самидаре», но внешним видом от них отличался, напоминая самые современные эсминцы. В ноябре 1942 года он получил тяжелые повреждения авиабомбами в. районе Новой Гвинеи и был фактически заново построен в Куре.

Несмотря на то, что мое тщеславие как командира дивизиона было удовлетворено, забот мне прибавилось. «Сирацуи» был укомплектован совершенно неопытным экипажем, и я сильно сомневался, что этот эсминец добавит боевой мощи моему дивизиону.

23 октября я вывел три своих корабля в море, транспортируя грузы в Ибоки — примерно в 50 милях восточнее мыса Глостер. На рассвете американские самолеты совершили свои, ставшие ежедневными, налеты на Рабаул и Буин и атаковали наш дивизион в море. К счастью, было еще достаточно темно, чтобы атаковать такие маленькие и шустрые цели, какими были эсминцы. Причем «Сирацуи», уклоняясь от бомб, показал гораздо больше выучки, чем я от него ожидал.

27 октября американцы совершили очередную высадку. На этот раз их целью был небольшой остров Моно в 20 милях южнее Бугенвиля. На следующий день американские парашютисты были сброшены на Чойсел, и адмирал Кога понял, хочется ли ему этого или нет, но решительное сражение неизбежно. Императорская ставка в Токио требовала удержать Бугенвиль любой ценой.

Кога немедленно приказал трем авианосцам адмирала Одзава с 173 самолетами на борту перейти в Рабаул. Вместе с тем он отдал приказ соединениям в Рабауле уничтожить десантные силы противника в районе Бугенвиля.

Но график действий американцев не совпадал с графиком адмирала Кога. Авианосцы «Дзуйкаку», «Секаку» и «Дзуйхо»

находились еще далеко на севере, когда мощные силы противника под прикрытием сметающего огненного вала с моря и воздуха начали вторжение на мыс Торокино на западном побережье центральной части Бугенвиля. Это началось в 07:00 1 ноября. Высадка противника почти не встретила сопротивления.

Адмирал Кусака бросил все 104, истребителя и 16 бомбардировщиков своего 11-го воздушного флота в Торокино, но они не смогли остановить поток вражеского вторжения, затоплявший остров. Три авианосца адмирала Одзава, которые думали больше о собственной безопасности, выпустили в воздух 173 боевых машины, находясь еще в 200 милях севернее Рабаула.

Адмирал Кога, руководивший операцией со своей штаб-квартиры на Труке, пытался избежать тех ошибок, что были допущены пятнадцать месяцев назад, когда американцы высадились на Гуадалканале. Тогда адмирал Микава со своим отрядом из семи кораблей одержал блистательную победу, утопив четыре крейсера противника. Но при этом он не уничтожил ни одного транспорта противника. Поэтому сейчас было принято решение бросить все имеющиеся в распоряжении корабли к Торокино, а затем провести туда конвой с войсками для осуществления контрвысадки и уничтожения плацдармов противника.

Командовать этой операцией Кога назначил контр-адмирала Сентаро Омори. Адмирал Омори, недавно прибывший в Рабаул, провел до этого много месяцев с двумя своими тяжелыми крейсерами «Миоко» и «Хагуро» либо на Труке, либо в водах Японии. Однако почему-то ожидалось, что в этой операции Омори если не превзойдет, то по крайней мере повторит подвиг адмирала Микава под Гуадалканалом. От него требовалось помимо уничтожения вражеских боевых кораблей, перетопить и транспорты с десантом.

Два тяжелых крейсера адмирала Омори должны были взаимодействовать с двумя группами кораблей поддержки. Левофланговая группа, состоящая из легкого крейсера «Сендай» под флагом адмирала Иджуина и моих трех эсминцев, представляла единственное соединение, имеющее хоть какой-то боевой опыт. Правофланговая группа, которой командовал контр-адмирал Хироси Мацубара на легком крейсере «Агано», имела в своем составе еще три эсминца: «Наганами», «Хацукадзе» и «Вакацуки». Эти эсминцы никогда до этого не плавали вместе, а Мацубара не имел никакого опыта ночных боев. Во время краткого совещания в кают-компании флагманского крейсера «Миоко» адмирал Омори сказал:

— Мы никогда до этого не действовали вместе, и это может

стать серьезной помехой в бою. Но отряд адмирала Микава тоже не имел времени на предварительную подготовку, но добился блестящих результатов. Я твердо верю в боевое искусство каждого командира корабля и в доблесть экипажей. А потому убежден, что мы победим!

Когда я поднимался на палубу после окончания совещания, адмирал Иджуин взял меня под руку.

— Дело будет жаркое, — сказал он. — Я полагаюсь исключительно на вас, Хара. Я рассмеялся:

— Захватите лучше побольше противоакульего порошка и приготовьтесь вдоволь искупаться. Но адмирал был явно не настроен шутить.

— Я не люблю крейсер «Сендай», — мрачно проговорил он. — Ему уже девять лет и он страшно неповоротливый.

Я знал, что Иджуин не использовал «Сендай» уже много месяцев, хотя тот и числился флагманским кораблем его 3-й эскадры эсминцев. Адмирал предпочитал эсминцы.

Мы молча сошли по сходне на берег. Адмирал подал мне руку и сказал:

— Что-то все делается не так, Хара. Мы должны сейчас сражаться и сражаться отчаянно, Хара. Япония рухнет, если падет Бугенвиль.

Вернувшись на «Сигуре», я не мог отделаться от мысли, почему именно адмиралу Омори поручено командовать этой операцией. До недавнего времени он преподавал тактику в Минно-торпедной школе и никогда не участвовал в крупных морских сражениях...

В 15:20 1 ноября наши десять кораблей вышли из Рабаула. Сразу после выхода в море мы построились в походную колонну.

Впереди шел легкий крейсер «Сендай» под флагом Иджуина, ведя за собой мои эсминцы: «Сигуре», «Сами-даре» и «Сирацуи». Мы шли слева и чуть впереди тяжелых крейсеров «Миоко» и «Хагуро». Справа от тяжелых крейсеров адмирал Мацубара вел легкий крейсер «Агано» и эсминцы «Наганами», «Хацукадзе» и «Вакацуки».

За нами на расстоянии нескольких миль шли пять транспортов, набитых солдатами, и пять эсминцев их охранения.

День был холодным и мглистым, видимость — ограниченной. Дул слабый юго-восточный бриз, море было спокойным.

Едва мы успели выйти из канала Сент-Джорджа, как наши радиостанции начали принимать многочисленные радиопереговоры противника, находящегося где-то поблизости. Мы не видели никого, но становилось ясно, что разведывательный самолет противника, оборудованный РЛС,

обнаружил нас, находясь над слоем облаков. (В распоряжении 5-й бомбардировочной группы авиационного командования Соломоновых островов имелось два специальных самолета-разведчика («СБ-24»), оборудованных РЛС. Они передавали информацию адмиралам Хелси и Мерриллу о движениях японских кораблей в направлении бухты Императрицы Августы. Первое сообщение о контакте с противником было передано, когда японские корабли находились в 15 милях восточнее мыса Сент-Джордж.)

В 19:45 один из бомбардировщиков «СБ-24» пробил облачность и сбросил несколько бомб на «Сендай», но не добился попаданий.

К этому времени наш самолет-разведчик доложил обстановку на юге: «Три линкора, много крейсеров и эсминцев противника маневрируют в бухте Императрицы Августы вблизи Торокино».

Силы противника оказались гораздо большими, чем мы предполагали. Американцы явно находились в полной готовности, поджидая нас.

Адмирал Омори проконсультировался со штабом в Рабауле, и в 21:30 адмирал Кусака приказал транспортам с войсками повернуть обратно. Он решил, что контрвысадка невозможна при такой концентрации сил противника, но приказал Омори следовать дальше и уничтожить корабли противника.

Десять наших кораблей продолжали идти через дымку, ограничивающую видимость 5000-ми метров. Мы шли со скоростью 18 узлов. Находящая мгла давала возможность противнику использовать против нас свои радары с наибольшей эффективностью.

В 23:24 еще один «СБ-24» выскочил из облачной тьмы и сбросил бомбы на тяжелый крейсер «Хагуро», но не добился попаданий. Уклонившись от бомб, крейсер «Хагуро» катапультировал самолет-разведчик, который через 14 минут доложил: «Вижу один крейсер и три эсминца противника в 50 милях по пеленгу 330 от мыса Мутупина».

Указанное место находилось всего в 20 милях к югу от нас. Омори приказал пилоту продолжать поиск кораблей противника, а своим кораблям временно повернуть на обратный курс, чтобы выиграть время в ожидании дальнейших сообщений от разведывательного самолета. Мы прошли обратным курсом около 10 000 метров, а затем развернулись и снова легли на южный курс. Подобное маневрирование хорошо срабатывало в 42-м году, когда противник мог только надеяться на визуальное обнаружение наших кораблей, и повороты на обратный курс сбивали его с толку. В 1943 году подобные методы уже устарели,

поскольку американцы могли вести за нами постоянное наблюдение с помощью радиолокаторов.

Поворачивая на обратный курс, мы с нетерпением ожидали новых сообщений с нашего разведывательного самолета. Но никаких сообщений не поступало. Мы не имели ни малейшего понятия о том, что соединение адмирала Меррилла в составе четырех крейсеров и восьми эсминцев, имея полную информацию о нашем приближении, уже устремилось на север, чтобы перехватить наше соединение на подходе.

В 00:25 я увидел вдали тусклую красную ракету, повисшую в ночном небе. Пеленг на эту ракету был 70 градусов с левого борта и примерно соответствовал направлению местонахождения сил противника, сообщенного самолетом-разведчиком тяжелого крейсера «Хагуро». Ракета выглядела столь тусклой, что я оценил расстояние до нее в 20 тысяч метров. Продержавшись в небе 2-3 секунды, ракета исчезла.

Я продолжал как зачарованный глядеть на ракету, а потом на то место в небе, где она погасла, тратя драгоценное время и игнорируя другие важные факторы. В этом была моя ошибка.

Оглянись я в этот момент по сторонам, то увидел бы, что в результате сложных маневров и поворотов, которые только что завершились, наш строй пришел в совершеннейший беспорядок. Кроме того, все корабли оказались опасно скученными. «Самидаре» находился вне строя слева от меня, а три других наших, корабля сблизились друг с другом на 300 метров вместо предписанных 500.

Я решил, что ракета, видимо, сброшена нашим самолетом-разведчиком для обозначения места противника, а потому передал на все корабли срочное сообщение:

«Вижу противника по пеленгу 70 левого борта!»

Никто в нашем соединении даже и помыслить не мог, что главные силы противника подходят к нам с юга и находятся в данный момент у нас прямо по курсу.

В этот момент мои сигнальщики доложили: «С левого борта по пеленгу 70 четыре корабля!» Было 00:45 2 ноября 1943 года.

Я считал, что эти четыре корабля появились продолжая следовать своим курсом с места, обозначенного ракетой. В действительности, пока я пялился на эту ракету, четыре из восьми американских эсминцев, идущих с юга на север, уклонились с курса, чтобы, развернувшись, выпустить торпеды.

Мой сигнальщик продолжал докладывать: «Отряд противника разделился на две группы. Одна группа удаляется, вторая — ложится на параллельный курс с нами. Это эсминцы! Дистанция 7000 метров!»

Я вздрогнул от понимания, что уходящие эсминцы уже выпустили свои торпеды. Противнику удалось захватить инициативу! Я немедленно приказал положить руль право на борт и выпустить торпеды.

«Сигуре» начал поворот вправо, выпустив с двухсекундными интервалами восемь торпед. Я следил за обстановкой, будучи в полной уверенности, что мне удастся уклониться от любых торпед, выпущенных американцами. Обернувшись, чтобы проследить за ходом собственных торпед, я с ужасом увидел, что крейсер «Сендай» полным ходом несется прямо на мой эсминец! Одновременно с «Сигуре» крейсер также повернул вправо, но выполнил этот маневр гораздо быстрее и круче. Я оцепенел, видя с какой скоростью крейсер сближается с «Сигуре». Его огромный корпус, превышающий в три раза наш по размеру, торпедой несся прямо в середину нашего правого борта.

— Право на борт! — заорал я. — Полный вперед!

Подобно тонущему в пучине, я задержал дыхание, видя, как над «Сигуре» нависает огромный форштевень крейсера. Мне казалось, что «Сигуре» ползет как улитка, и я весь напрягся в ожидании неизбежного столкновения, когда «Сигуре» вильнул своей хрупкой кормой и пронесся менее чем в трех метрах от крейсера.

Переведя дух от миновавшей опасности, я бросил настороженный взгляд в направлении «Самидаре» и снова застыл от ужаса. «Самидаре», резко уклоняясь вправо от обезумевшего «Сендая», прочертил бортом весь левый борт и палубу «Сирацуи», разбив и смяв все его орудия и торпедные аппараты!

Но все мои удивления только начинались. Не успел я прийти в себя от столкновения двух своих эсминцев, как «Сендай» без всякого предупреждения снова развернулся и помчался к противоположной колонне наших кораблей. Ошеломленный таким поведением своего флагманского крейсера, адмирал Иджуин приказал переложить руль, и наблюдал, как крейсер неожиданно вильнул влево, выполняя какой-то непонятный маневр. В следующий момент я с ужасом увидел, как вокруг «Сендая» встали водяные столбы от упавших снарядов, а один из них угодил прямо в середину крейсера. Рыская как пьяный, «Сендай» попал под первый залп американских крейсеров. Мне еще никогда не приходилось видеть такой исключительной точности — первый залп и — прямое попадание!

Второй и третий залпы также поразили обреченный крейсер, и он вспыхнул, как гигантский факел. Корабль задрожал, накренился и замедлил ход, но все-таки сумел выпустить восемь своих торпед в общем направлении кораблей противника.

С находящегося в 500 метрах дальше эсминца «Самидаре» сумели вычислить место американских кораблей, и в 00:52 капитан 3-го ранга Сугихара выпустил веер из восьми торпед.

Четыре невидимых американских крейсера находились от нас на удалении 15 000 метров. В 00:51 они совершили последовательный поворот вправо и успешно уклонились от шестнадцати торпед. Попадание из-за ошибки в маневрировании получил только последний корабль во второй американской колонне — эсминец «Фут». Он был выведен из строя, но не затонул.

Между тем хаос и паника царили в двух других колоннах наших кораблей. В 00:45, когда я передал сигнал об обнаружении кораблей противника, адмирал Омори их видеть не мог. Зато пятью минутами позже он увидел, как вспыхнул «Сендай» под градом американских снарядов. Адмирал считал, что «Сендай» находится примерно в 1000 метрах впереди его на курсе, параллельном курсу тяжелого крейсера «Миоко». Вместо этого он обнаружил горящий «Сендай» у себя слева по носу. Решив снова перестроить соединение в первоначальный ордер, адмирал приказал всем кораблям ложиться на обратный курс, чтобы выйти из зоны обстрела. Этот маневр мог бы удасться, если бы все корабли его четко выполнили. Но на многих кораблях офицеры не имели никакого опыта ночных боев, и результатом этой команды стал полный хаос. К нему еще добавились ошибки, допущенные третьей колонной адмирала Мацубара.

Мацу бара, не имеющий большого боевого опыта, был, однако, известен своей фанатичной агрессивностью. Получив мое сообщение о появлении противника, он немедленно бросил свою колонну в атаку на американские корабли. Развив полный ход, его корабли минут десять шли в полной темноте в указанном направлении, ничего не видя. Затем Мацубара увидел, что тяжелые крейсера «Миоко» и «Хагуро» начали поворот, он начал делать то же самое, совершив самую серьезную ошибку из всех, допущенных этой ночью.

Когда его крейсер «Агано» и три следующие за ним эсминца, завершив поворот, взяли курс на север, Мацубара не заметил, что его колонна под прямым углом пересекает курс тяжелых крейсеров адмирала Омори. В результате тяжелый крейсер «Миоко» врезался в эсминец «Хацукадзе», а тяжелый крейсер «Хагуро» едва избежал столкновения с «Вакацуки».

В панике Мацубара снова развернулся, чтобы вернуться к своему поврежденному эсминцу» Но поскольку в разгаре боя он ничем не мог помочь поврежденному кораблю, Мацубара снова приказал своей колонне лечь на параллельный курс с тяжелыми

крейсерами.

В 01:15 американские снаряды накрыли «Миоко» и «Хагуро». Тяжелые крейсера вслепую открыли ответный огонь в вероятном направлении нахождения противника. В следующие несколько минут, продолжая вести огонь из орудий главного калибра, тяжелые крейсера выпустили также двадцать четыре торпеды, ни одна из которых в цель не попала.

Американские радиолокаторы лишили японский флот былого преимущества в ночных боях. Американские эсминцы добились великолепных результатов, хотя все десять их торпед прошли мимо. Одним ударом были выведены из строя три японских корабля!

В это время сигнальщики доложили, что с кормы «Сендая» сигнальным фонарем передают сигнал бедствия, прося «Сигуре» подойти к крейсеру. Мой эсминец находился в 500 метрах с правого борта «Сендая». Снаряды противника не долетали до нас, продолжая каскадами обрушиваться на подбитый крейсер. Мой лучший друг, адмирал Иджуин, звал меня на помощь, но «Сигуре» не имел никаких шансов уцелеть, если бы он приблизился к горящему «Сендаю». Я еще помнил, что сорок три человека на «Амацукадзе» погибли, попав из-за собственной ошибки под сосредоточенный огонь крейсера «Хелена». Ради душ этих моряков я не имел права повторять подобной ошибки.

Командир «Сигуре» с нотками нетерпения в голосе попросил разрешения подойти к «Сендаю». Я не разрешил.

— Но это приказ командующего эскадрой! — закричал Ямагами. — Он приказывает нам подойти к крейсеру и снять экипаж!

— Нет, Ямагами, — твердо ответил я. — Я решил этого не делать. Смотрите, что делается вокруг крейсера. Мы, может быть, успеем снять с него пару человек, но погибнем все и погубим эсминец.

— Но мы получили приказ! — не унимался Ямагами.

— Приказ? — переспросил я. — Да, мы имеем приказ и давайте его выполнять. Нам отдан приказ сражаться с врагом. Идет бой, а во время боя все спасательные операции являются второстепенными...

— Но там гибнут наши товарищи, капитан 1-го ранга Хара! — в истерике закричал Ямагами. — Они гибнут на ваших глазах и просят о помощи!

Это меня разозлило и я заорал в ответ:

— Молчать! Не суйтесь не в свое дело! Пока я отвечаю за все!

Ямагами в каком-то оцепенении замолчал, а я дал команду:

— Лево руля! Полный вперед! Мы атакуем! Турбины «Сигуре»

взревели, доведя скорость до максимальных 30 узлов. Я хотел присоединиться к другим кораблям и вместе организовать поиск и атаку кораблей противника. Но я не видел никого, и никто не заметил меня. Следующие 10 минут я провел в отчаянном поиске целей. Я продолжал идти южным курсом до 01:34, когда был получен приказ адмирала Омори отходить с места боя и возвращаться в Рабаул.

Омори решил выйти из боя, поскольку пришел к выводу, что нам противостоят семь крейсеров и девять эсминцев противника, действующих в двух кильватерных колоннах. К этому выводу адмирал пришел на основании ошибочных докладов с самолетов-разведчиков. Благодаря этому, два наших тяжелых крейсера всю ночь сражались с миражом, существовавшим лишь в голове командующего. В действительности четыре американских крейсера в 01:01, которые шли южным курсом, повернули на север. Это и породило иллюзию у Омори, что один крейсер противника был потоплен «определенно», а два других — повреждены. Он так и не понял, что его крейсера вели себя как двое слепых, понапрасну тратя боезапас и горючее.

При возвращении на базу на мостике «Сигуре» царило тяжелое молчание. Я думал о том, что нам еще повезло. Действуй американцы активнее, они в таком хаосе могли бы перетопить все наши корабли. 2 ноября в 20:00 мы вернулись в Рабаул. Мы вставали на якорь, когда с «Миоко» семафором сообщили: «Подводная лодка «J-104» доложила, что спасла с «Сендая» адмирала Иджуина и тридцать семь человек экипажа. С эсминца «Хацукадзе» не удалось спасти никого».

На следующее утро капитан 3-го ранга Ямагами предложил отправиться на «Миоко» и представить адмиралу Омори полный рапорт о событиях минувшей ночи. Я посоветовал ему сделать это позднее, а пока подготовить корабль к отражению воздушного налета. В последнее время американцы все чаще и интенсивнее бомбили Рабаул. У меня было предчувствие, что сегодня обязательно будет налет. И не ошибся. Самолеты противника появились с севера, стелясь над водой на высоте не более 50 метров. Предыдущие бомбежки проводились с больших высот, но сегодня тактика изменилась. Начавшийся бой оставил у меня одно из самых ярких воспоминаний войны.

«Сигуре» был первым кораблем, давшим ход в момент появления американских бомбардировщиков. За ним шли «Самидаре» и «Сирацуи».

Все орудия были задраны в небо, а их расчеты работали, как разъяренные дьяволы, ведя непрерывный огонь. Казалось, что в этот огонь вложена вся злость, порожденная неудачным исходом

боя в бухте Императрицы Августы. В этот день в налете на Рабаул участвовали 80 американских бомбардировщиков «Б-25» и 80 истребителей «П-38». Большая часть из них проскользнула прямо над мачтами моих эсминцев.

Бомбардиры американских самолетов, видимо, не поняли, что это за маленькие кораблики крутятся под ними и не особенно желали тратить на нас бомбы. Всего было сброшено несколько бомб, одна из которых слегка повредила «Сирацуи». Но наши орудия вели такой огонь, что строй вражеских самолетов сразу же рассеивался, пролетая над нами. В итоге американцы добились результатов, совершенно несоизмеримых с их количеством: были уничтожены восемнадцать японских самолетов, а потоплены только два торговых судна и один охотник за подводными лодками. За эти ничтожные результаты американцы заплатили восемью бомбардировщиками и девятью истребителями, которые точно были сбиты. Кроме того, много самолетов получили такие повреждения, что, кое-как доковыляв до базы, разбились на посадке.

Обычно зенитный огонь с надводных кораблей по самолетам не бывает особенно эффективным. Но в этот день все было иначе. Самолеты противника сами входили в сплошную стену нашего зенитного огня. Я сам видел по меньшей мере пять машин, сбитых орудиями «Сигуре». (Капитан 1-го ранга Хара совершенно прав, описывая эффективность зенитного огня его эсминцев. Официальная история авиации Армии США отмечает: «...два эсминца, находящиеся у устья реки Варангой, оказались прямо на пути наших самолетов и своим огнем вынудили бомбардировщики рассеяться и заходить затем на цели в одиночку или парами». («Тихий океан» — От Гуадалканала до Сайпана, T.IV, стр. 326).)

Когда мои эсминцы вернулись на свои якорные стоянки, я с радостью заметил, что упаднические настроение, порожденное вчерашним ночным боем, исчезло. Офицеры и матросы снова шутили и смеялись.

После обеда я отправился на флагманский крейсер «Миоко» с рапортом о вчерашнем бое. После отражения воздушного налета мне было легче говорить о неприятных событиях минувшей ночи.

Адмирал Омори встретил меня, как обычно, тепло и приветливо. Выслушав мой рапорт, он, почувствовав мою нервозность, успокаивающе сказал:

— Я считаю, что вы все сделали правильно. И то, что вы держались подальше от «Сендая», когда тот находился под сосредоточенным огнем, тоже правильно. Кроме того, я особо благодарю вас за ваше сообщение в 00:45 об обнаружении

противника. Больше никто не заметил американских кораблей. Если бы не это сообщение, вообще неизвестно, чем бы дело кончилось для всего нашего соединения.

Я попросил разрешения идти и уже направился к дверям, когда адмирал приказал мне вернуться. Он вытащил из кармана свой бумажник и высыпал его содержимое на стол.

— Здесь 30 иен, — ухмыльнулся он. — Это немного, но примите их как мой вклад в покупку выпивки для ваших матросов.

Видимо, я выглядел очень растерянным, потому что адмирал громко захохотал. Потом мы пожали друг другу руки и рассмеялись вместе. Видимо, до него дошел рассказ об эпизоде с возвращением меча, чтобы получить деньги на выпивку для матросов, хотя этот эпизод произошел задолго до прибытия адмирала в Рабаул.

В бою в бухте Императрицы Августы американцы одержали уверенную победу. Их эсминец «Фут», хотя и был тяжело поврежден торпедой с «Самидаре», сумел вернуться на базу. Потери в людях составили менее сорока человек убитыми и ранеными.

Японские потери были гораздо большими. На затонувшем крейсере «Сендай» погибли 335 человек. Эсминец «Хацукадзе» погиб со всем экипажем в 240 человек. Прямые попадания в тяжелые крейсера «Миоко» и «Хагуро» причинили этим кораблям некоторые повреждения, убив еще 6 человек и ранив семерых.

Омори вскоре был отстранен от командования и назначен начальником Минно-торпедной школы. От должности был отстранен и Мацубара, переведенный на береговой пост.

3 ноября в Рабаул пришла подводная лодка «J-104» со спасенными с крейсера «Сендай». Жалко было смотреть на адмирала Иджуина, когда он сходил на причал. Я подошел к нему с извинениями за то, что не мог подойти к «Сендаю» по его требованию. Он обнял меня:

— Вам не за что извиняться, Хара. Я не имел права отдавать подобный приказ. Это приказ труса.

Вскоре адмирал Иджуин был отозван в Токио. После нескольких месяцев отдыха он вернулся в южную часть Тихого океана и доблестно сражался. Иджуин погиб 24 мая 1944 года, когда во время выполнения эскортирования конвоя его флагманский фрегат «Ики» был потоплен американской подводной лодкой «Ретон».

Можно что угодно говорить о боевых способностях адмирала Иджуина, но в одном он оказался совершенно прав, когда заявил, что с падением Бугенвиля рухнет и Япония.

Воздушный налет на Рабаул 2 ноября не принес больших потерь, но налет, произошедший через три дня стал настоящим бедствием.

Американцы считают наш налет на Перл-Хабор катастрофой, но их налет на Рабаул был еще хуже. Целая эскадра крейсеров, которую с фанатичным упорством пытались сохранить, не выпуская в бой в течение целого года, была выведена из строя в один день.

Как такое могло произойти?

Рабаульская катастрофа 5 ноября явилась прямым следствием печального исхода боя в бухте Императрицы Августы. Уроки боев полностью игнорировались, ошибки повторялись, нарастали, превращаясь в фатальные.

Уверенность адмирала Омори в том, что он «определенно» утопил один американский крейсер и повредил два, привела не только к его производству в вице-адмиралы, но и к отправке по приказу самого адмирала Кога еще семи крейсеров в Рабаул. Адмирал Кога и все офицеры его штаба уже забыли, когда последний раз участвовали в боях с ежедневно набирающим мощь противником.

Вице-адмирал Курита, сменивший адмирала Кондо на посту командующего 2-м флотом, разделял самоуверенность и оптимизм адмирала Кога. Его самоуверенность подогревалась последним воздушным налетом на Рабаул, когда американцы не сумели добиться ни одного прямого попадания в боевые корабли. Сам Курита уже более года не участвовал в боях по-прежнему считая, что японские истребители имеют качественное преимущество над американцами и по матчасти, и по искусству летчиков, как это было в 1942 году.

На рассвете 5 ноября соединение Куриты прибыло в Рабаульскую бухту Стимпсона. Я с изумлением смотрел, как флагманский крейсер Куриты «Атаго» с величественной беспечностью прогрохотал якорь-цепью в узкой бухте, уже забитой семью крейсерами и 40 вспомогательными судами их обеспечения. От вида этой картины у меня на сердце стало как-то тревожно.

В 07:00 того же дня патрульный самолет доложил об обнаружении пяти тяжелых крейсеров, семи эсминцев и двух транспортов противника в точке на расстоянии 150 миль по пеленгу 140 от мыса Сент-Джордж. В штабе решили, что американцы снова нацелились где-то высадиться. Никому и в

голову не пришло, что обнаруженные «транспорты» были на самом деле авианосцами «Саратога» и «Принстон». Вопиющая безграмотность наших пилотов разведывательных самолетов уже не раз ставила нас на грань катастрофы. Теперь она произошла.

В 09:00 в Рабауле завыли сирены воздушной тревоги. Мой «Сигуре», находясь в полной боевой готовности, сразу же дал ход, направляясь к выходу из гавани мимо стоявших на якоре тяжелых кораблей.

Крейсера тоже начали сниматься с якоря, когда в 09:15 на базу обрушились самолеты американской авианосной группы. Для 23 американских торпедоносцев «Авенджер» и 22 пикирующих бомбардировщиков «Донтлесс», прикрытых 42 истребителями «Хеллкет», 50 японских кораблей, сгрудившихся в узкой бухте, стоя на якоре, стали отличными мишенями, как сидячие утки для охотников. В воздухе находились около 70 наших истребителей «Зеро», но они не смогли остановить огненный ливень американских бомб.

Выходя из гавани, «Сигуре» открыл ураганный зенитный огонь из всех орудий. Я сам видел два самолета, сбитых огнем нашего эсминца, а сигнальщики уверяли, что мы подбили еще два. Катастрофу можно было предотвратить, если бы весь флот вышел из бухты, как это сделал «Сигуре». Я был один, поскольку накануне два других моих эсминца отправились на Трук для ремонта.

Около 10:00 мы вернулись в гавань, и я был потрясен тем, что здесь произошло менее чем за час.

Флагманский тяжелый крейсер «Атаго» пылал. Горели и однотипные с ним «Майя» и «Такао». Их трубы и надстройки были сильно повреждены. Сильные повреждения получили также тяжелые крейсеры «Могами» и «Тикума», легкие крейсеры «Агано» и «Носиро» и эскадренные миноносцы «Фудзинами» и «Амагири». Я протер свои глаза, не веря в реальность того, что я увидел.

В штабе базы обычно интеллигентный адмирал Кусака в ярости изрыгал страшные проклятия.

Между тем, все японские аэродромы в районе Рабаула гудели, как гнезда потревоженных шмелей. Все имеющиеся в наличии машины были подняты в воздух для ответного удара по американцам. Около ста бомбардировщиков и истребителей обнаружили отходящее авианосное соединение противника в 235 милях юго-восточнее Рабаула. Атаковав противника, они доложили о «потоплении одного большого авианосца и двух крейсеров и повреждении одного авианосца меньшего размера».

Этот рапорт можно было назвать тотальным преувеличением. Адмирал Кусака, которому суждено было уцелеть в войне,

позднее вспоминал: «Я очень скептически отнесся к этому рапорту, как, впрочем, и ко многим другим докладам в этом же духе, которые ко мне поступали тогда. Я знал, насколько упало боевое мастерство наших летчиков за прошедший год. Но я не мог отвергать эти рапорты или требовать их проверки или перепроверки, чтобы окончательно не погубить моральный дух тех, кто шел на любые жертвы во имя победы над врагом».

На следующий день, 6 ноября, крейсера «Атаго», «Такао» и «Могами» заковыляли из Рабаула обратно на Трук под эскортом неповрежденного крейсера «Судзуя» и не очень поврежденной «Тикумы». С болью в сердце смотрел я на уход этих разбитых кораблей, вспоминая какие надежды возлагались на них в довоенные времена и насколько эти надежды оказались неоправданными.

В Рабауле остались лишь тяжелый крейсер «Майя», который получил такие тяжелые повреждения, что не мог выйти в море, и с трудом вообще державшийся на плаву легкий крейсер «Агано».

В полдень того же дня я был вызван в штаб к адмиралу Самедзима. Адмирал был мрачен.

— Я хочу, — приказал он, — поручить вам сегодня ночью одну задачу. Кроме «Сигуре» с вами пойдет «Юбари» — единственный оставшийся в строю крейсер. Обстановка очень плохая. Возможно, мы будем вынуждены сдать Бугенвиль, но нам необходимо сохранить ближайшую базу в Бука. Поэтому необходимо усилить там оборону.

Подобное решение не удивило меня. Я откозырял и повернулся, чтобы идти, но адмирал вернул меня.

— Я скажу вам честно, Хара, — вздохнул он, — что мне совсем не хотелось бы посылать именно вас в этот поход. Но это будет ваша последняя задача. Я отлично помню, сколь вашему эсминцу необходим капитальный ремонт, а вам — отдых.

Из всех Соломоновых островов Бука находился ближе всех к Рабаулу. «Сигуре» и «Юбари» подошли глубокой ночью к его побережью, высадив 700 солдат 17-й армейской дивизии и выгрузив двадцать тонн предметов снабжения.

Хотя операция была короткой, напряжение на обоих кораблях было очень высоким. Противодействия мы не встретили никакого, но вернулись в Рабаул совершенно измученными. Я явился в штаб, чтобы доложить о выполнении задания и попрощаться с адмиралом Самедзима.

— Задача оказалась на удивление очень легкой, — доложил я, — но предупреждаю — в следующий раз она уже столь легкой не будет. Поэтому не повторяйте того, что сделали мы. Это может очень плохо кончиться.

Адмирал поблагодарил меня за предупреждение, сказал, что ему будет очень меня не хватать, особенно при столь острой нехватке опытных офицеров. Он выразил надежду, что я вернусь обратно в Рабаул.

7 ноября в 05:30 «Сигуре» вышел из Рабаула. По пути домой мы должны были проэскортировать до Трука два транспорта «Токио-Мару» и «Онтакесан-Мару». За кормой в туманной дымке таяли вулканические сопки Рабаула. Сколько здесь пришлось пережить, скольких друзей потерять в беспрерывных боях за удержание Соломоновых островов.

И все тщетно! Мы теряли остров за островом, и к настоящему времени в наших руках оставался только Бука, который тоже может пасть в любой момент. А за ним наступит очередь и Рабаула.

Стоял ясный и солнечный день. Море было спокойным. Все шло гладко и приятно, как в туристском круизе. Подставив лицо под освежающий бриз, я стоял на мостике, посматривая на транспорты. Мы шли со скоростью 12 узлов.

К закату солнца мы находились у юго-западного побережья Новой Ирландии. Погода продолжала быть тихой и ясной, на небе сверкали мириады звезд. Мы прошли пролив Изабеллы и повернули на восток к Кавиенгу, когда из радиорубки доложили, что перехвачена зашифрованная радиограмма, говорящая о том, что где-то поблизости находятся самолеты противника. Приятный туристский круиз закончился!

Увеличив скорость до 18 узлов, я приказал ставить дымовую завесу. Транспорты, отчаянно дымя, развили свой максимальный ход 16 узлов. Я ходил около них, чтобы окутать их дымом завесы.

Самолеты появились внезапно, заходя с правого борта. К счастью, они выбрали эсминец, а не транспорты. Пройдя над нами, они развернулись и стали заходить на «Сигуре» с левого борта. По тому, как они стелились над водой, я понял, что это знаменитые «топмачтовики». Я часто ломал себе голову над методом уклонения от их атак, и сейчас, когда два ревущих монстра неслись прямо на меня, инстинкт подсказал мне правильное решение. Открыв ураганный огонь из всех орудий и пулеметов, я направил «Сигуре» прямым курсом прямо на противника. У скользящих по воде бомб было мало шансов попасть мне в форштевень; выскочив из воды, они взорвались метрах в 10 с правого и левого бортов. «Сигуре» тряхнуло и подбросило, но на этом дело и кончилось. Самолеты исчезли, а вскоре по радио мы перехватили переговоры американских пилотов с базой открытым текстом. Летчики сообщали, что получили сильные повреждения от зенитного огня и собираются

совершить вынужденную посадку на воду, прося прислать спасательный гидросамолет...

Вскоре мы пришли в Кавиенг, разгрузились там, а на рассвете 8 ноября вышли к Труку. Снова все было спокойно и приятно, как в развлекательном круизе до 10 часов утра, когда мне доложили, что наш гидролокатор вышел из строя. Акустики возились весь день, но так толком починить его не смогли. Слишком старым и изношенным было оборудование. Это было очень неприятно. Район кишел американскими подлодками, а «оглохшему» эсминцу было трудно охранять транспорты в трехсуточном походе.

Я приказал приготовить глубинные бомбы, а двум транспортам было передано сигналом увеличить расстояние друг от друга до 1500 метров. «Сигуре» занял позицию с их правого борта. Праздничный круиз превращался в напряженно-нервный поход.

В оставшиеся часы дня и ночью ничего не произошло. На следующий день, во вторник, все также было спокойно.

В среду все утро я проводил интенсивные противолодочные учения. В 11:30 был сыгран отбой, чтобы дать немного отдохнуть экипажу. Погода к этому времени несколько испортилась: небо затянуло тучами, разволновалось море.

Именно в тот момент, когда матросы расходились по палубе после отбоя, я увидел зловещий след торпеды, идущий наперерез курса «Сигуре» со стороны правого борта. Не в силах что-либо сделать, я молча наблюдал, как торпеда шла в направлении «Токио-Мару», который находился в этот момент примерно в 700 метрах по левому борту эсминца.

Я следил за зловещим следом оцепенев. Торпеда попала прямо в середину транспорта. Силой взрыва, тряхнувшего эсминец, меня вывело из состояния оцепенения. Приказав увеличить скорость до 24 узлов и приготовиться к сбросу глубинных бомб, я повел «Сигуре» вдоль торпедного следа, пытаясь по нему примерно рассчитать местонахождение лодки. Мы сбросили шесть глубинных бомб, но никакого результата не наблюдали.

Подводная лодка ушла. И не удивительно, если иметь в виду мою замедленную реакцию на случившееся. Я стоял бледный и злой, наблюдая за «Токио-Мару». На транспорте не было заметно ни пожара, ни дыма, но оказалось, что машинное отделение у него затоплено, хода нет, но судно еще держится на плаву. «Онтакесан-Мару» взял поврежденный транспорт на буксир, и мы пошли дальше со скоростью 7 узлов.

По мере того, как мы продолжали свой путь, крен «Токио-

Мару» постепенно увеличивался. Через 8 часов стало ясно, что транспорт обречен. «Сигуре» подошел к борту, сняв с транспорта семьдесят человек команды, после чего «Токио-Мару» быстро затонул. Это был первый случай, когда я терял транспорт, находящийся под моим эскортом.

«Сигуре» и транспорт «Онтакесан-Мару» прибыли на Трук около полудня 11 ноября. Я отправился на флагманский крейсер «Атаго», чтобы доложить о печальных результатах нашего похода командующему 2-м флотом адмиралу Курита. Мне удалось встретиться с начальником штаба флота контр-адмиралом Коянаги. Он обрадовался, увидев меня, но когда я пробовал ему доложить о походе, он кивал головой, но было ясно, что он меня не слушает, думая о чем-то другом. Не понимая в чем дело, я замолчал. Адмирал встрепенулся:

— Извините, Хара. Дело в том, что противник снова нанес удар по Рабаулу. Сегодня утром... Очень большие потери.

Выяснилось, что 128 американских самолетов, поднявшись с трех авианосцев: «Эссекс», «Банкер Хилл» и «Индепенденс» появились в 08:30 над Рабаулом. Кусака, узнав вовремя об их приближении, приказал поднять в воздух 68 истребителей «Зеро», которые перехватили противника над мысом Сент-Джордж. Однако бомбардировщики противника прорвались к Рабаулу и потопили эсминец «Суцунами». Эсминец «Наганами» был тяжело поврежден, а крейсер «Агано» — получил попадание торпедой. Более 100 японских самолетов ринулись в преследование и доложили о повреждении двух авианосцев и крейсера. Этот рапорт тоже оказался чистейшей иллюзией, но 41 самолет был потерян.

— Простите, Хара, — продолжал адмирал, — мне нужно вернуться на совещание. Да... адмирал Курита хочет, чтобы вы эскортировали крейсера «Миоко» и «Хагуро», которые завтра уходят в Сасебо. Удачи, Хара! И адмирал чуть ли не побежал по коридору. В унынии от услышанного я вернулся на «Сигуре» и приказал приготовиться к походу на завтра. 12 ноября в 08:00 мы оставили Трук, эскортируя два тяжелых крейсера. Наше отплытие совпало по времени с решением адмирала Кога отозвать из Рабаула самолеты с трех наших авианосцев, которые прибыли туда всего две недели назад. Кога, видимо, расстался с идеей дать американцам решительное сражение в районе Соломоновых островов.

Пять суток плавания прошли спокойно, и 17 ноября 1943 года мы встали на якорь в Сасебо. Это возвращение было, конечно, приятнее, чем в декабре 1942 года, когда я вернулся с похоронками на 42 моряка из моего экипажа. За восемь месяцев

службы на Труке и в Рабауле «Сигуре» не потерял ни одного человека. Матросы кричали от радости, прыгали и обнимались, когда эсминец входил в наш родной порт. Во время страшных боев у Соломоновых островов мы, порой, и не чаяли снова увидеть родные берега.

После двух дней разных бюрократических проволочек и болтовни «Сигуре» был введен в сухой док.

На следующий день я не мог отбиться от репортеров и фотокорреспондентов различных газет, которые прорвались на судоремонтную верфь. Они щелкали затворами камер, исписывали страницы записных книжек, спрашивая экипаж о действиях эсминца в далеких южных водах.

Слава «Сигуре» как самого знаменитого эсминца Императорского флота берет начало именно с этого времени. Газеты посвящали нашему кораблю целые полосы, а кто-то написал даже «Сагу о «Сигуре». Мне было очень неудобно читать некоторые статьи, полные выдумок и сильных преувеличений тех результатов, что нам удалось добиться в боях.

В ближайшие дни мы устроили в ресторане Манкиро банкет для экипажа «Сигуре». Ресторан был очень популярным среди моряков. Управлялся он пожилой женщиной, которую все звали Осеки-сан. С каждым своим посетителем она обращалась как с ребенком, называя даже адмиралов уменьшительными именами. В обращении она была очень простой, не признавая почти никакого этикета. Входящих офицеров она хлопала по спине, громко произнося их имя перед словом «привет». Так всегда она поступала и со мной, когда я появлялся в ее заведении после долгого отсутствия. Но на этот раз я был поражен. Одетая в праздничное кимоно, Осеки-сан встретила меня церемонным поклоном и сказала тоном, которого я никогда ранее не слышал:

— Добро пожаловать домой, капитан 1-го ранга Хара. Для меня величайшая честь принимать у себя вас и ваш прославленный экипаж. Примите мою глубочайшую почтительность.

— Что с вами, Осеки-сан? — удивился я. — Что за странные вещи вы говорите? И так странно себя ведете? Здоровы ли вы? Это же я, Тамеи Хара. Вы разыгрываете меня? Вы же знали меня еще кадетом.

— Я абсолютно серьезна, господин Хара, — отвечала она. — Мы все так гордимся вами. Я никогда не думала, что вы станете таким знаменитым офицером. Мне так стыдно, что я была груба с вами в прошлом.

— Да о чем вы говорите, Осеки-сан? — засмеялся я. — Я же тот самый Тамеичи, вечно пьяный, который почти никогда не мог

полностью оплатить свой счет. Наверное, я и сейчас вам что-нибудь должен?

— Теперь вы меня разыгрываете, Тамеичи-сан, — сказала хозяйка. — Все долги, как ваши, так и вашего экипажа, давно списаны. И сегодняшний банкет будет проведен за счет ресторана. Я знала много эсминцев, которые погибли в боях. А ваш «Сигуре» прошел через ад, не потеряв ни одного человека. Я обслуживаю моряков уже пятьдесят лет, и я никогда не встречала столь прославленного офицера со времен адмирала Хейхачиро Того, когда он вернулся из своего Цусимского триумфа в 1905 году.

— Теперь я вижу, — сказал я, — что вы читаете газеты, Осеки-сан. Не верьте ничему из того, что там написано обо мне и «Сигуре». То, что мы сохранили корабли и уцелели сами — считайте, что нам повезло. Возможно, потому, что вы горячо молились, чтобы мы остались живы и вернули ваши долги.

Тут мы засмеялись вместе, но хозяйка настойчиво повторяла, что весь банкет будет проходить за счет заведения. Когда мы вошли в зал, она шепнула мне:

— Все гейши в Сасебо добровольно вызвались обслуживать ваш банкет бесплатно. Они также сказали, что ни за какие деньги не будут обслуживать этих индюков с «Миоко» и «Хагуро».

Нет необходимости рассказывать, насколько весело мы провели время. На следующий день весь экипаж эсминца на ротационной основе получил отпуска домой на десять суток. Мне было очень приятно видеть, как первая партии из восьмидесяти матросов сходила с эсминца, отправляясь на вокзал Сасебо.

В Сасебо мне удалось последний раз в жизни встретиться с адмиралом Нагумо, оправившимся от болезни и ожидавшим нового назначения. Хотя адмирал и выглядел значительно лучше, в каждом его слове чувствовалась какая-то обреченность. Возможно, он предвидел и собственную гибель, и гибель Императорского флота. Нагумо погиб в июле 1944 года на острове Сайпан, будучи командующим всего региона Центральной части Тихого океана и 14-м воздушным флотом.

Вскоре и я воспользовался правом десятисуточного отпуска, отправившись домой. Такого отпуска у меня никогда не было. Ежедневно, а то и по несколько раз в день, ко мне приходили мои офицеры и матросы, каждый раз с большой бутылкой саке. Поэтому мне ничего не оставалось делать, как сидеть с ними дни и ночи и пить. Конечно, моя жена и дочери были страшно недовольны, но внешне вежливы с гостями.

6 декабря я вернулся в Сасебо. Голова у меня гудела от бесконечных пьянок. Потребовалась неделя, чтобы я

окончательно пришел в себя.

20 декабря ремонт «Сигуре» был закончен. Я провел двухсуточные послеремонтные испытания и убедился, что корабль приведен в состояние полной боеготовности, о чем и доложил в штаб, сообщив о готовности вернуться в южную часть Тихого океана. Мне приказали находиться в готовности и ждать.

Прошло три дня томительного ожидания, после чего я был вызван в штаб военно-морской базы Сасебо. Там я был принят заместителем командующего военно-морским районом, который лично вручил мне приказ о назначении преподавателем в Минно-торпедную школу!

Мое недоумение быстро сменилось яростью:

— Береговая служба? Что это все значит? Адмирал Самедзима сам говорил мне, что ждет моего возвращения на театр боевых действий, что я ему нужен! Я хочу вернуться на фронт! Я настаиваю на этом!

Адмирал терпеливо выслушал мои претензии и сказал:

— Успокойтесь, Хара. Не горячитесь. Вам еще не все известно. Ваше назначение на преподавательскую работу вызвано не тем, что вы оказались неспособным к строевой службе на кораблях, как иногда случается. Вы отобраны на специальную работу по рекомендации адмиралов Нагумо, Иджуина и Омори. Задание совершенно секретно и пока я могу сказать вам, что речь идет о совершенно новой тактике применения торпедного оружия. По общему мнению, никто кроме вас не способен эту работу выполнить. В настоящее время это одна из наиболее важных задач, стоящих перед нашим флотом.

Вернувшись на «Сигуре», я собрал экипаж на полубаке и попрощался со всеми своими моряками, пожелав им успеха с новым командиром. Шокированные матросы молчали. У некоторых по щекам катились слезы.

Собрав свои вещи, я спустился в шлюпку и последний раз окинул взглядом свой гордый корабль. Экипаж, сгрудившись у лееров и облепив надстройки, взмахами рук и фуражек прощался со мной. Я пытался помахать им в ответ, но сердце у меня не выдержало. Я опустился на банку шлюпки и заплакал.

Глава 5. Последний поход

1

10 января 1944 года, как раз в тот день, когда адмирал Кога приказал перенести штаб-квартиру Объединенного флота с Трука в Палау, я приступил к обязанностям старшего преподавателя Минно-торпедной школы в Сасебо. К этому времени школа главным образом занималась подготовкой экипажей торпедных катеров, которыми ранее пренебрегали, а сейчас, по чрезвычайной программе военного времени, решили построить чуть ли не 500 единиц. На командование произвела глубокое впечатление эффективность действий американских торпедных катеров в районе Соломоновых островов.

Новости с фронта приходили с большим опозданием, и я иногда ездил в штаб базы, чтобы ознакомиться с последними секретными сводками. Конечно, прежде всего меня интересовала судьба моих бывших кораблей.

Эсминец «Амацукадзе» эскортировал весь 1943 год транспорты между Японией и юго-западной частью Тихого океана. Вскоре после начала моей преподавательской деятельности я был потрясен известием, что «Амацукадзе» был торпедирован в 250 милях севернее острова Спратли. При этом около восьмидесяти его моряков были убиты. Тяжело поврежденный эсминец добрался до Сайгона, а затем перешел в Сингапур, где его ремонт продолжался до марта 1945 года.

«Сигуре» также использовался на эскортной службе после того как он покинул Сасебо с новым командиром. 17 февраля 1944 года он получил попадание авиабомбой.

Повреждения были легкими, но погиб двадцать один человек. Самым шокирующим обстоятельством был тот факт, что это случилось на Труке, который я привык считать тихой тыловой базой.

Затем тревожные новости хлынули водопадом. 30 марта американское оперативное соединение под командованием адмирала Раймонда Спрюэнса нанесло удар по Каролинским островам, смешав с землей всю оборону Палау. Адмирал Кога вылетел в тот же вечер из Бабельтхуапа, чтобы перенести свой штаб в Давао на Филиппинах, и пропал без вести. (Офицеры штаба Объединенного флота вылетели на двух летающих лодках и попали в грозу над Филиппинами. Второй самолет, на котором летел вице-адмирал Фукудоме, попал в пограничную зону

тайфуна и сумел совершить вынужденную посадку у острова Себу. Этот тайфун, видимо, и погубил самолет главкома. О гибели адмирала Кога официально было объявлено лишь 5 мая, и на его место назначен адмирал Тойода).

Узнав о назначении Тойоды на должность главкома Объединенным флотом, я только пожал плечами. С моей точки зрения, он совершенно не годился на эту должность. До последнего времени он командовал военно-морской базой в Йокосуке, а до этого был членом Высшего Военного Совета. Он и сам забыл, когда последний раз выходил в море. А уж в боях, разумеется, не участвовал никогда. Я до сих пор не понимаю, чем вообще руководствовалось верховное командование, выбирая главкомов?

Мой скептицизм по поводу способностей адмирала Тойода, к сожалению, скоро подтвердился. 19-20 июня 1944 года авианосное соединение адмирала Одзава потерпело сокрушительное поражение в сражении у Марианских островов, названном американцами «Охотой на куропаток над Марианами». Адмиралы, планируя операцию, совершенно не приняли во внимание возросшее мастерство американских летчиков, новые радары противника и низкую боевую подготовку собственных пилотов. В результате Одзава потерял три авианосца и 500 самолетов. Через четыре месяца Одзава выполнял у Филиппин с тремя авианосцами задачу по «приманке» противника, потеряв все три авианосца и не достигнув ничего.

10 июля я узнал о падении острова Сайпан и гибели на нем адмирала Нагумо.

К этому времени я был назначен начальником новой Торпедной школы в Каватане, недалеко от Сасебо. Мною было получено секретное указание готовить курсантов «к боям у побережья Японии».

Я не знаю, что случилось со мной, но я неожиданно сел и начал писать послание Императору Хирохито. Это было, конечно, глупо, но, видимо, я уже не мог себя контролировать.

Я написал, что Япония уже проиграла войну, призывая Императора взглянуть на ситуацию реалистически. Я отметил, что высшие посты в Армии и Флоте занимают офицеры, не знакомые с методами ведения современной войны, и что продолжающееся соперничество между Армией и Флотом не дают возможности успешного проведения операций. Я призывал Императора закончить войну и в качестве первого шага выгнать со службы всех некомпетентных адмиралов и генералов.

От этого моего поступка веяло не просто вопиющей недисциплинированностью, но и государственной изменой. Я

вполне мог угодить под военный суд в соответствии с Военно-Морским Уставом. Но я совсем об этом не думал. Я думал только о том, что вся страна катится к катастрофе.

Закончив свою петицию, я первым же поездом отправился в Токио.

12 июля я, страшно волнуясь, вошел в здание Военно-Морского Министерства. Первым, кого я там увидел, был контр-адмирал принц Такамацу — младший брат Императора. Я бросился к нему:

— Ваше Высочество, могу ли я поговорить с вами наедине?

Брови принца взметнулись от подобной наглости. Вероятно он решил, что я немного свихнулся, но кивнул и повел меня к себе в кабинет. Там я передал ему свое послание, попросив представить его Императору.

— Можно мне его предварительно прочесть? — спросил принц.

— Конечно, Ваше Высочество, — поклонился я. Принц медленно развернул бумагу и пробежал текст глазами. По нервному движению его бровей я понял, насколько неприятно ему было читать мое послание. Он снова взглянул на меня, видимо, соображая: сумасшедший я или нет, а затем сложил письмо и положил к себе в карман.

— Хорошо, Хара, — сказал принц, вставая, — ни о чем не волнуйтесь.

Мне так и не удалось узнать, что сделал принц Такамацу с моим посланием на имя Его Величества. Во всяком случае, в военно-морских кругах о нем никому не стало известно. Узнай о нем морской министр или главком, мне бы не поздоровилось...

Между тем, высадка американцев 20 октября в заливе Лейте привела к серии морских сражений, в которых с нашим флотом было практически покончено. 27 октября было передано беспрецедентное коммюнике о формировании «Корпуса Камикадзе» — добровольных смертников.

А затем в школе появился мой старый друг капитан 1-го ранга Мияцаки. Он привез новые методики подготовки курсантов. В них шла речь о формировании отрядов «Шиньо» («Океанские Акулы») и «Фукуруи» («Подводные драконы»). Фактически это были морские аналоги корпуса камикадзе. «Океанские акулы» являлись водителями деревянных катеров, начиненных взрывчаткой, на которых они должны были врезаться в корабли противника. «Подводные драконы» были боевыми пловцами, которые в легководолазном снаряжении должны были ожидать подхода противника к местам высадки, находясь в заранее выставленных воздушных колоколах, а затем взрываться под

днищем вражеских кораблей.

Во всех боях для меня самым важным было сохранить людей, а потому я категорически отказался обучать курсантов по подобным методикам.

Мияцаки не согласился со мной.

— Я долго и мучительно думал обо всем этом, Хара. И я хочу все честно объяснить курсантам. Я расскажу им, как погибли моряки на моем эсминце, несмотря на все их мастерство и долгие годы боевого опыта. Теперь мы истекаем кровью на Филиппинах. Любого вступающего в бой ждет смерть. Преимущество противника таково, что простыми методами его уже не остановить. Летчики пошли добровольцами в камикадзе, когда узнали, что 500 их товарищей с сотнями часов боевого опыта воздушных боев были перешлепаны, подобно мухам, в сражении у Марианских островов. Вы знаете, как гибнут наши корабли один за другим. Боевой «Самидаре» потоплен подводной лодкой! Вы понимаете — лодка топит эсминец! Мышь съедает кота! «Сирацуи» столкнулся с танкером и затонул со всем экипажем. Ваш старый «Сигуре», хотя и уцелел в Лейте, став единственным спасшимся кораблем из всего отряда Нисимуры, но его час скоро настанет... Разве это война? Это уже бойня. Если мы хотим остановить американцев, мы должны сознательно идти на гибель, ценой каждой своей жизни уничтожая сотни врагов.

На следующее утро я собрал всю школу и объявил курсантам о формировании отрядов морских смертников. Я напомнил им, что они поступили в школу, чтобы стать членами экипажей торпедных катеров. Никто не может принудить их стать смертниками. Они сами должны добровольно решить этот вопрос без какого-либо давления. Я предупредил их, что буду находиться у себя в кабинете всю ночь и принимать их заявления. Никто не будет задавать вопросов, почему вы сделали свой выбор так, а не иначе.

В школе обучалось 400 курсантов. Все они до четырех часов ночи прошли через мой кабинет, принося листок бумаги со своей фамилией и выбором. 200 человек решили остаться на торпедных катерах, 150 добровольно вызвались стать катерниками-смертниками, а 50 — «Подводными драконами».

Несмотря на свое грозное название, «Океанские акулы» оказались совершенно неэффективным оружием. Еще более бесполезными стали «Подводные драконы». Столь первобытными методами невозможно было бороться с противником, оснащенным по последнему слову науки и техники для ведения современной войны.

Все это просто разрывало мое сердце. Я впал в хроническую

депрессию, из которой был единственный выход — запой. Я не знаю, чем бы вообще это кончилось для меня, если бы 20 декабря 1944 года не был получен приказ сдать командование школой Мияцаки, а самому вступить в командование легким крейсером «Яхаги».

Это был мой самый счастливый день в этом ужасном году.

Мне трудно передать свое ликование, когда 22 декабря 1944 года я поднялся по трапу легкого крейсера «Яхаги», стоявшего в гавани Сасебо. Я возвращался в родную стихию, имея шанс снова сражаться с врагом, забыв все разочарования и интриги береговой службы.

Старшие офицеры корабля собрались в салоне, чтобы представиться мне.

Старший помощник, капитан 2-го ранга Шиничи Учино, взволнованным голосом сказал:

— Экипаж «Яхаги» просто ликует от счастья иметь вас своим новым командиром. Даже самые молодые новобранцы и те с гордостью говорят о нашем «Чудо-командире».

Я ответил, что очень благодарен своей счастливой судьбе, вручившей мне командование над «Яхаги» и добавил:

— Я еще никогда не командовал таким большим кораблем. Мне еще от каждого из вас придется многому научиться.

Мое замечание было принято с вежливым молчанием, и я чувствовал, что все действительно взбодрены моим прибытием на борт. Если сам факт моего прибытия на корабль мог поднять настроение экипажа, это было отлично, так как команда «Яхаги» очень в этом нуждалась.

Крейсер только что вернулся из катастрофического по своим последствиям для нас боя в заливе Лейте, где был флагманским кораблем группы поддержки 2-го флота вице-адмирала Такео Курита. Подробности этого боя были пока что неизвестны даже его участникам. Но многие уже знали, что японский флот был разбит, и Соединенные Штаты снова захватили Филиппинский архипелаг.

Когда 25 октября адмирал Курита, нанеся тяжелые повреждения соединению эскортных авианосцев противника, неожиданно начал свое знаменитое отступление, не сумев сорвать высадку американцев в заливе Лейте, «Яхаги» с тремя эсминцами были примерно в 10 милях от места боя.

Контр-адмирал Сусуму Кимура, командир 10-й эскадры эсминцев, в которую входил «Яхаги» и шесть эскадренных миноносцев, после боя был смещен со своего поста.

Он был прекрасным моряком, но не бойцом. Нежелание Кимуры сражаться было ясно продемонстрировано еще в ноябре

1942 года у Гуадалканала, когда его легкий крейсер «Нагара», хитро маневрируя, никак не мог сблизиться с противником, в то время как остальные корабли сражались с американцами на дистанции прямой наводки. Использование Кимуры после этого в таком важном сражении, как Лейте, прекрасно иллюстрирует, хотя и не объясняет, таинственные процессы мышления нашего высшего командования.

Но еще более серьезной ошибкой было оставление на командных постах адмиралов Куриты и Одзавы. Оба адмирала пережили войну и живы до сих пор. Мне бы не хотелось критиковать этих безусловно честных и мужественных людей, но я убежден, что назначение на высокие командные посты этих двух пожилых и уставших адмиралов явилось главным фактором нашего катастрофического поражения в заливе Лейте.

Курита показал свою вопиющую некомпетентность еще когда повел свой 2-й флот в Рабаул, чтобы подставить его там под удар американской авиации. Но, несмотря на это, он, подобно Одзаве, удержался на своей должности. В результате оба адмирала командовали силами нашего флота в сражении у Марианских островов 19 июня 1944 года, еще раз продемонстрировав свою бездарность. Но по причинам, которые я так и не понял до сих пор, оба остались на своих должностях и после поражения у Мариан.

Огромная ответственность лежит и на главнокомандующем Объединенным флотом адмирале Соему Тойода. Прибыв 18 октября в Японию с Формозы, он управлял боем сначала из Иокосуки, а затем переехал на 30 миль от побережья в курортное местечко Хиеши, откуда продолжал выполнять свои обязанности главкома. Таким образом, эта фантастическая операция была запланирована и управлялась с суши адмиралом, который никогда в жизни не участвовал ни в одном морском бою.

С потерей острова Сайпан Япония фактически уже проиграла войну. После этого наши линкоры и тяжелые крейсеры были просто брошены на заклание в заливе Лейте.

В тот день, когда я прибыл на «Яхаги», Курита был, наконец, снят со своего поста и заменен вице-адмиралом Сейичи Ито. Подобно многим другим решениям, принимаемым в то время на высшем уровне, это также ошеломило меня. С самого начала войны Ито постоянно служил в Морском Генеральном Штабе, ни одного дня не проведя в море и не имея никакого боевого опыта.

Мне казалось, что все спятили в Управлении кадров. Курита, несмотря ни на что, был назначен начальником Военно-морской академии. А Одзава был произведен в адмиралы и в мае 1945 года занял должность Главнокомандующего Объединенным

флотом. Вообще это очень показательно, что большинство старших офицеров, участвовавших в сражении у Лейте, были повышены в чине.

Занятый по горло своими новыми обязанностями на «Яхаги», я с болью в сердце наблюдал, какие из эсминцев моего старого дивизиона, уцелев в филиппинской мясорубке, прибывают на базу. «Сигуре» входил в соединение адмирала Нисимура, когда тот с двумя линкорами, крейсером и четырьмя эсминцами пробирался 25 октября к заливу Лейте через пролив Суригао. Все корабли, исключая «Сигуре» были потоплены противником. Уцелевший эсминец стал объектом суровой критики и зловещих слухов, в которые я никак не мог поверить. Мне очень хотелось лично поговорить с экипажем эсминца и выяснить правду. Я долго ждал возвращения эсминца, пока не пришло сообщение, что «Сигуре» был торпедирован и потоплен 24 января подводной лодкой противника севернее Сингапура. Просто позор, что такой прекрасный корабль мог стать жертвой подводной лодки! Немного позднее пришло сообщение, что «Амацукадзе» останется в китайских водах и также не сможет присоединиться к остаткам 2-го флота.

Но не все новости были плохими. Почти ежедневно на «Яхаги» прибывало новое вооружение и оборудование. Это были радиовзрыватели, самонаводящиеся торпеды и, что наиболее важно, эффективные радиолокационные станции. Комендоры начали обучаться вести огонь из орудий с радиолокационным наведением. Конечно, многие образцы новой техники были еще в экспериментальной стадии, но само их появление говорило о том, что японская наука и техника продвинулась далеко вперед. И хотя все понимали, что уже поздно, что в этом отношении нам еще далеко до противника, образцы нового оружия внесли огромный вклад в подъем боевого духа личного состава в эти дни бесконечных бедствий.

Все наши учения, однако, были ограничены тесной акваторией Внутреннего моря. На мой вопрос, почему нас не выпускают в открытое море, чтобы провести учения в условиях, приближенных к реальной боевой обстановке, мне было сказано, что этого не позволяют наши ограниченные запасы топлива. Я знал, что у нас вечная нехватка топлива, но был потрясен, узнав, что мазута не хватает даже для проведения полного цикла учений для повышения боевой подготовки экипажа.

19 февраля 1945 года, после мощной предварительной бомбардировки, американцы начали вторжение на остров Иводзима. Ни один японский корабль не был послан, чтобы отразить десант противника всего в 700 милях от острова

метрополии.

В ставке Императора в течение многих дней шли яростные споры о том, что делать с остатками Объединенного флота. 1 марта адмирал Ито доложил в ставку, что учения завершены, и его соединение в составе одного линкора, одного крейсера и десяти эсминцев готовы к бою. Но высшее командование еще не приняло решения о том, использовать ли остатки флота прямо сейчас для сдерживания наступления противника или сохранить их для обороны островов метрополии от предстоящего вторжения.

Пока в Токио продолжались жаркие споры, 2-й флот перешел в Куре, поближе к последним запасам мазута. Командование флотом предлагало сохранить остатки военно-морских сил для будущего. Армейское командование, напротив, ссылаясь на печальный опыт в заливе Лейте доказывало, что было бы большой глупостью сохранять корабли до тех пор, пока они не станут легкой добычей для авиации противника.

19 марта подтвердило опасение армейского командования. В этот день мощное соединение американских авианосцев приблизилось к берегам Японии и выпустило сотни самолетов для удара по остаткам японского флота в Куре и Кобе.

Ни одного корабля потоплено не было, но семнадцать боевых кораблей получили повреждения. В их число вошли шесть авианосцев и три линкора, включая «Изе» и «Хьюга», которые уцелели в Лейте только для того, чтобы получить бомбовые попадания в доках военно-морской базы Куре.

Армейские генералы, отстаивая свою точку зрения, указывали на эти повреждения кораблей, которых стало еще больше после повторного удара авианосцев по нашим базам 20 марта. Созданный в феврале 1945 года 5-й воздушный флот ВМС обрушился на американские соединения сотнями самолетов-камикадзе. Командующий 5-м воздушным флотом вице-адмирал Матоме Угаки, бывший когда-то начальником штаба у Ямамото, представил доклад, в котором говорилось: «Наши самолеты особого назначения утопили или тяжело повредили семь авианосцев, два линкора и один крейсер противника». Этот, мягко говоря, сильно преувеличенный рапорт помог восстановить сильно пошатнувшиеся позиции флота в Императорской ставке, но имел и обратные результаты. Высшие стратеги в Токио, наивно поверившие в доклад Угаки, внушили себе, что после такого удара авианосное соединение противника должно отойти на Улити для продолжительного ремонта. Так что скоро ожидать каких-то новых активных действий противника не приходится.

Через три дня, 23 марта, сотни американских палубных

самолетов начали наносить ежедневные удары по Окинаве. Затем остров подвергся массированной бомбардировке с американских кораблей с последующей, как обычно, высадкой десанта вторжения. Ставка Императора была потрясена, но ничего не предпринимала. Ведь штабные аналитики предсказывали, что американцы не в состоянии осуществить в настоящее время крупной десантной операции. Но на этот раз американский флот не просто совершил рейд в воды острова Окинава. Он пришел, чтобы остаться.

26 марта Императорская ставка, опомнившись от шока, отдала приказ о массированном воздушном налете на корабли противника. Американские орды высадились на берег Окинавы, фактически не встретив сопротивления. Командующий обороной Окинавы (32-я армия) генерал-лейтенант Мицуру Усидзима мудро решил, что оборона в глубине острова, вне досягаемости огня тяжелых орудий американских кораблей, будет более эффективной. По этому поводу Флот немедленно поднял крик: «Почему Армия не оказывает сопротивления?» На что Армия отвечала: «А почему Флот не перетопил корабли противника на подходе к острову?»

Конечно, подобного рода ругань ни к чему положительному привести не могла, но адмирал Тойода, терпевший в течение пяти месяцев пинки армейских генералов, наконец, 5 апреля сдался, и через четверо суток после начала американской высадки на Окинаву решил ввести в дело 2-й флот.

Этот день, 5 апреля, был памятен еще двумя важными событиями в истории Японии: премьер-министр страны генерал Куниаки Койсо ушел со своего поста и был заменен отставным адмиралом Кантаро Судзуки. В тот же день Советский Союз уведомил Японию, что не собирается продлевать договор о ненападении.

Я не знал ничего обо всех этих закулисных делах. В это хмурое утро 2-й флот находился вблизи Токуямы во Внутреннем море. С мостика «Яхаги» я мрачно наблюдал за стоявшими на якоре гигантом «Ямато» и нашими восемью эсминцами (два эсминца доковались в Куре из-за аварий в машине).

Наши немногочисленные корабли были организованы следующим образом:

Второй Флот, вице-адмирала Сейичи Ито+.

Линейный корабль «Ямато»+, контр-адмирал Косаку Арига +.

2-я эскадра эсминцев, контр-адмирал Кейцо Комура на «Яхаги»+.

17-й дивизион эскадренных миноносцев, капитан 1-го ранга

Киичи Синтани.

«Исокадзе»+, капитан 2-го ранга Санео Маеда.

«Хамакадзе»+, капитан 2-го ранга Исами Мукой.

«Юкикадзе», капитан 2-го ранга Масамичи Тераучи.

21-й дивизион эскадренных миноносцев, капитан 1-го ранга Хисао Котаки+.

«Асасимо»+, капитан 2-го ранга Иоширо Сугихара.

«Касуми»+, капитан 2-го ранга Хироо Ямана.

«Хатсушимо», капитан 2-го ранга Масацо Сато.

41-й дивизион эскадренных миноносцев, капитан 1-го ранга Масаеши Иошид.

«Фуютсуки», капитан 2-го ранга Хидечика Сакума.

«Суцутсуки», капитан 2-го ранга СигеТака Амано.

(Крестиком отмечены потопленные корабли и погибшие люди.)

Это все, что осталось от некогда огромного 2-го флота. Мои невеселые мысли о былой славе и нынешнем жалком состоянии 2-го флота были прерваны появлением с юго-восточного направления гидросамолета.

Гидросамолет лихо совершил посадку в бухте и подрулил к самому борту «Ямато». С мостика «Яхаги» я видел, как несколько человек поднялись по трапу на палубу гигантского линкора. Пока я размышлял, кто бы это мог быть, поднятый на «Ямато» флажной сигнал объявил: «Начать операцию Тен-го!»

На всех кораблях зазвучали сирены и горны боевой тревоги, ибо операция «Тен-го» означала, что флот всеми силами нанесет удар по противнику у Окинавы. Контр-адмирал Кейцо Комура, который заменил Кимуру и держал свой флаг на «Яхаги», деля со мной мостик, был вызван на «Ямато».

Он поспешил на ожидавший его катер и отправился на линкор. Я понял, что гидросамолет доставил к нам какое-то большое начальство с весьма важной информацией.

Я не отрывал глаз от линкора и уже начал терять терпение, когда в 11:30 с «Ямато» просигналили: «От адмирала Комура всем командирам дивизионов и командирам кораблей. Прибыть в полдень на «Яхаги» на совещание».

Совещание началось ровно в полдень. Адмирал Комура обратился к группе командиров кораблей:

— Господа, вы все видели сигнал о начале операции «Тен-го». Начальник штаба Объединенного флота вице-адмирал Руйносуке Кусака только что прибыл из Ка-нойи на совещание с флагманами нашего флота.

Слушая адмирала, мы — четыре капитана 1-го ранга и восемь капитанов 2-го ранга — хранили мертвое молчание. После

короткой паузы Комура продолжал:

— Оперативная формула, предложенная адмиралом Кусака, настолько экстраординарна, что я даже не знаю, что сказать. Высшее командование хочет, чтобы 2-й флот вышел к Окинаве без прикрытия с воздуха, с запасом топлива, достаточным только для похода к Окинаве, то есть на один конец. Другими словами, командование хочет использовать нас как камикадзе. Даже не как камикадзе, а хуже, поскольку у летчиков-камикадзе все-таки есть хороший шанс поразить стоящую цель. Я сказал адмиралу Кусака, что наш маленький флот не имеет вообще никаких шансов против мощных соединений противника, так что предложенная им операция просто является самоубийственной. Аруга и Моришита согласились со мной. Адмирал Ито не сказал ничего, так что я не знаю его мнения. Как вам известно, я был начальником штаба у Одзавы, когда мы выполняли роль приманки у Филиппин и потеряли четыре авианосца. Я достаточно в этой войне водил наших моряков фактически на верную смерть. Но до сих пор это было все-таки во имя чего-то. А тут мне предлагают просто со всей эскадрой совершить самоубийство. Я не очень боюсь смерти, но вести на совершенно бессмысленную гибель своих моряков не хочу. В итоге, я попросил адмирала Кусака отсрочить приказ, пока я не узнаю мнение моих командиров.

С этими словами Комура замолчал, сжав зубы и закрыв наполненные слезами глаза. Наступило напряженное молчание, которое я хотел уж было прервать, как поднялся капитан 1-го ранга Ейичи Синтани, который за год до этого сменил моего друга Миязаки на посту командира 17-го дивизиона эсминцев. Он спросил:

— Кусака хочет навязать нам этот приказ? Комура покачал головой:

— Никто не может приказать другому убить себя. Кусака вообще ни о каком приказе не говорил. Даже если у него и есть приказ, он о нем не упоминал. Он только высказал свое мнение и попросил высказать наши идеи и замечания.

Синтани побагровел, сделал глубокий вдох и заявил:

— Я отправился вместе с Куритой к Лейте на другой день после высадки американцев. Все это выглядит так, словно высшее командование снова собирается прибегнуть к этой фатальной схеме действий, предусматривающей прорыв с боем к захваченным противником плацдармам. Курита еще мог надеяться на успех, поскольку он имел Одзаву в качестве приманки. А мы без эскадры-приманки, которая бы отвлекла на себя основные силы противника, вообще не имеем ни единого шанса на успех. То, что предлагает Кусака, просто смешно. Если

мы попытаемся осуществить его план, То просто погибнем без всякой пользы, а кто тогда будет защищать родные острова? Я против.

— Я согласен с Синтани, — высказал свое мнение капитан 1-го ранга Хисао Кодаки, командир 21-го дивизиона эскадренных миноносцев. — Высшее командование уже много месяцев ничем другим не занимается, как плодит и нагромождает ошибку за ошибкой. Почему мы, прошедшие через столько сражений, должны слепо следовать, как стадо баранов, за некомпетентным и неопытным руководством?

Командиры кораблей, подчиненных Синтани и Кодаки, одобрительным гулом и репликами дали понять, что они полностью солидарны с мнением своих Командиров дивизионов. Но адмирал Комура, не произнося ни слова, продолжал сидеть с закрытыми глазами.

Я счел своим долгом тоже высказать мнение по этому вопросу:

— Учитывая наши нынешние боевые возможности, единственной реальной вещью для нас остается нападение на чрезвычайно растянутые линии обеспечения американского флота. Я был бы рад, если бы получил разрешение действовать в океане в качестве одинокого волка. «Яхаги» теперь оборудован радаром и сонаром, так что вполне способен действовать в качестве одинокого рейдера, и мне кажется, что мы смогли бы пустить на дно минимум с полдюжины кораблей и судов противника, прежде чем нас бы накрыли.

Я перевел дух и продолжал.

— Выполнение подобной задачи мне представляется очень стоящим делом, а предложенный поход всем флотом к Окинаве мне кажется похожим на бомбардировку скалы куриными яйцами.

Совещание было прервано появлением вестовых с обедом, который мы съели без всякого аппетита. Во время обеда командиры эсминцев продолжали убеждать адмирала в нашей точке зрения. В 13:00 Комура отправился обратно на «Ямато». Мы остались ждать его в салоне «Яхаги», мрачно поглядывая на еле ползущие стрелки часов. В 16:00 адмирал наконец вернулся. Когда он вошел в салон, его лицо было измученным и осунувшимся. Адмирал медленно подошел к своему креслу, сел и сказал усталым, хриплым голосом:

— Я получил приказ, который вошел в силу в 15:30. Казалось, что сказав это, Комура сбросил гору со своих плеч. Затем, оглядев нас одного за другим, адмирал рассказал подробности этого рокового совещания.

— Я целый час докладывал ваше и мое мнение. Кусака и все остальные слушали меня внимательно, не перебивая. Когда я закончил. Кусака разъяснил, что наш поход не является просто самоубийством, а как раз и является приманкой для противника. Он подчеркнул, что это не его план. План был разработан, когда он находился в Канойе. И весь план построен на том, что когда авианосцы противника выпустят свои самолеты для удара по нашему флоту, на них обрушатся сотни самолетов-камикадзе, вылетевших с южных аэродромов острова Кюсю. Кусака заверил меня, что эта операция-приманка не закончится также безрезультатно, как та, в которой я недавно принимал участие. Затем Кусака обратился к Моришите и рассказал, что высшее командование, особенно армейское, очень разочаровано действиями «Ямато» в Лейте, когда линкор так неожиданно прервал бой. Кусака понимает, что это не вина Моришиты. К нему как раз никаких претензий нет. Напротив, всех восхитило мастерство, с которым Моришита управлял кораблем, уклонившись от такого количества торпед, чего «Мусаси» сделать не удалось. Однако, продолжал адмирал Кусака, в Токио очень недовольны, что линкор вернулся домой, не сделав ни выстрела из своих восемнадцатидюймовок по врагу. Моришита очень тяжело воспринял эти замечания. Кусака затем обратился к Ариге, сказав, что вся нация, весь наш народ возненавидит флот, если такой линкор как «Ямато» уцелеет в этой войне. Это, конечно, не вина Ариги, но можно вспомнить, что три года до боя в заливе Лейте, «Ямато» фактически в войне не участвовал и о нем уже стали говорить как о «плавучем отделе для больных и придурковатых адмиралов». Тут адмирал Ито прервал свое долгое молчание и сказал: «Я думаю, что нам предоставляется прекрасный шанс прилично умереть. А самурай должен жить так, чтобы всегда быть готовым умереть». Это заявление Ито закончило все споры. Когда Моришита, а затем Арига согласились с Кусакой, я поступил также.

При последних словах Комура виновато покачал головой, как бы извиняясь перед нами. Мы продолжали сидеть в напряженном молчании, ошеломленные рассказом адмирала Комуры. Когда первое впечатление от слов Комуры прошло, я решил в этой совершенно нереальной ситуации вернуться к реальности.

— Мы ценим ту стойкость, которую вы проявили от нашего имени, адмирал Комура, — сказал я. — Но приказ есть приказ. Теперь нам нужно наилучшим образом его выполнить.

Адмирал Комура с благодарностью посмотрел на меня и сказал:

— Спасибо, Хара.

Три командира дивизионов — Кодаки, Синтани и Иосида — объявили о том, что они принимают приказ и обратились к командирам своих эсминцев.

Те хором заявили о своем полном согласии с приказом.

Такое резкое изменение мнений возможно будет не очень понятно европейскому читателю. Кусака сам старался побудить адмиралов узнать точку зрения своих офицеров. Но поскольку приказ был беспрецедентным, он мог быть выполнен только если бы был принят. Но независимо от всего, все мы отлично знали, что приказ в Императорском флоте является безоговорочным и не подлежит обсуждению.

Вернувшись на «Яхаги», я собрал на баке всех офицеров и старшин. Я объяснил им суть полученного приказа, внимательно вглядываясь в лица каждого из них. В воздухе, конечно, чувствовалась напряженность, но к моему удивлению и облегчению, ни на одном лице я не заметил признаков страха или отчаяния. В заключение я сказал:

— Как вы понимаете, полученный нами приказ, мягко говоря, не совсем обычен. Поэтому я хочу вам разъяснить следующее. Если кто-нибудь из вас считает, что для него будет лучше пропустить этот поход, вы можете покинуть корабль вместе с курсантами, больными и прочими, кого мы посчитаем негодными для выполнения предстоящей задачи. Поэтому немедленно представьте мне в каюту списки всех, кого предстоит списать с корабля.

В каюте я со вздохом взглянул на фотографию моей семьи и, вспомнив, что большинство моряков «Яхаги» являются людьми семейными, подумал, сколько же их воспользуются случаем, чтобы списаться с корабля. Мне не доставляла ни малейшего удовольствия перспектива вести на верную смерть почти 1000 человек. Я искренне ждал списка списанных и хотел, чтобы он был побольше, а потому был удивлен, когда, войдя ко мне в каюту, мой старпом капитан 2-го ранга Учино доложил:

— Командир, вот список. Здесь 22 курсанта и 15 больных.

— И это все, Учино? — спросил я. — И никто из экипажа не захотел оставить корабль?

— Нет, командир. Все хотят остаться и разделить судьбу друг друга.

Я поднялся на палубу, где были построены тридцать семь человек, списанных с корабля.

— Вам приказано, — объявил я, — оставить корабль немедленно. Я уверен, что все вы еще получите шанс сражаться за дело нашей страны. Прощайте!

Когда я повернулся, чтобы уйти, совсем еще юный курсант

выскочил из строя с криком:

— Господин капитан 1-го ранга, пожалуйста, разрешите мне остаться. Я не буду для вас обузой. Я сделаю все, что мне прикажут.

Другой курсант плакал навзрыд.

— Вы нас гоните, потому что думаете, что курсанты не умеют ничего. Оставьте меня хотя бы чистить гальюны.

И тут уже весь строй взорвался аналогичными просьбами. Чтобы прекратить это, я железным голосом объявил:

— Есть приказ сохранить ваши жизни, жизни командиров будущего флота. Марш на берег!

Вечером мы пригласили на борт крейсера трех командиров дивизионов и восемь командиров эсминцев на прощальную пирушку.

Адмирал Комура, став в данном случае гостеприимном хозяином, забыв печали и волнения, выставил из казенных запасов огромное количество саке. Он лично наполнял всем бокалы, и наша пирушка быстро превратилась в пьянку, где каждый старался расслабиться и от души повеселиться. Мы громко хохотали над старыми, заезженными анекдотами, пели песни, показывали фокусы, демонстрируя незаурядную ловкость рук. Все это сопровождалось криками восторга и аплодисментами. Между тем запасы саке истощались, а пьяным никто не был. Алкоголь не брал никого. Веселье было какое-то неестественное. В итоге, уже где-то к 22:00 стали расходиться, оставив на столе 30 больших пустых бутылок из-под саке. Все были до противного трезвы, когда спускались по трапу на ожидавшие их шлюпки, чтобы разъехаться по своим кораблям.

Когда гости уехали, капитан 2-го ранга Учино пригласил адмирала Комуру и меня в кают-компанию, где на свою пирушку собрались старшие офицеры корабля, которых было примерно двадцать человек. Мы взаимно поднимали тосты друг за друга, поглотив еще несколько литров саке. Мы пели флотские песни и весело смеялись с корабельными офицерами, которые были более подвержены алкоголю, чем старые морские волки — командиры эсминцев.

Затем адмирал, Учино и я отправились в кают-компанию к младшим офицерам, где тоже шумела прощальная пирушка. Мы спели с ними несколько песен и обменялись тостами. К 23:30 все закончилось, и офицеры разошлись по каютам. Когда Комура, Учино и я наконец остались одни, я узнал, что они разделяют мое беспокойство по поводу того, как экипаж «Яхаги» поведет себя в том кровавом кошмаре, который ожидал нас впереди.

Офицеры, казалось, были готовы ко всему. А матросы? Мы

решили пройти по кубрикам. Тесные помещения, освещенные тусклым светом синих ночных ламп, были заполнены сотнями подвесных коек. Не было слышно ни звука, кроме похрапывания мирно спящих моряков.

Буквально на цыпочках, чтобы никого не потревожить, мы поднялись обратно на верхнюю палубу. Учино сказал мне:

— С матросами все в порядке. Они спят как дети с полной надеждой и уверенностью в вас. Они знают, что как бы не страшна была наша миссия, вы сделаете все возможное, чтобы позаботиться о них.

Какое-то непонятное чувство счастья и восторга охватило меня. Огромное количество выпитого алкоголя начало действовать, я почувствовал головокружение, покачнулся и внезапно стал совершенно пьяным. Слезы потекли по моим щекам, я прильнул к надстройке и закричал:

— Ниппон Банзай! «Яхаги» Банзай! Ниппон Банзай! «Яхаги» Банзай!

Это было последнее, что я запомнил из этой незабываемой ночи. Учино дотащил меня до каюты, где я рухнул на койку.

На следующий день была пятница, 6 апреля, я проснулся в 06:00. Погода была прекрасной, когда я вышел на палубу и глубоко вдохнул освежающий морской воздух.

К моему удивлению, никаких следов похмелья не было. Голова была чистая и ясная.

На всех кораблях кипела работа. С «Яхаги» еще необходимо было снять много совсем ненужного нам в последнем походе груза. К борту постоянно подходили баржи и лихтеры.

— Доброе утро, командир, — приветствовал меня подошедший Учино.

— Доброе утро, Учино. Прекрасный день, не правда ли?

— Даже слишком прекрасный, командир. В 01:00 над базой пролетал «Б-29», а в 04:00 — еще два. Противник внимательно следит за нашим соединением.

Я молча кивнул. Это было как раз то, чего я и ожидал. Постояв на палубе несколько минут, глядя на берег, я спустился в каюту. День обещал быть очень загруженным и времени терять было нельзя. Корабль жил по обычному распорядку. После утренней уборки экипаж выстроился на палубе, приветствуя флаг Восходящего Солнца, поднятый на гафеле крейсера.

В 10:00 пришел мой вестовой и доложил:

— Господин капитан 1-го ранга Хара, через 15 минут на берег уходит последняя шлюпка. Не хотите ли вы что-нибудь отправить с ней?

— Мне нечего отправлять, сынок, — ответил я. — Совсем

нечего.

Когда вестовой вышел, я неожиданно подумал, что надо бы отправить прощальное письмо своей семье. Мне так много хотелось им сказать, а время летело так быстро, что я поспешно написал несколько строк, которые моя жена сохранила до сегодняшнего дня:

«За прошедшие два года Объединенный флот уменьшился до невероятных размеров. Я готовлюсь выйти в бой в качестве командира единственного оставшегося в строю крейсера «Яхаги» водоизмещением 8500 тонн.

Со мной мой старый добрый друг контр-адмирал Кейцо Комура, вместе с которым мы будем сражаться в отряде надводных кораблей особого назначения. Это налагает большую ответственность и является огромной честью для меня — быть командиром корабля в этом походе к Окинаве.

Я счастлив и горд этой возможностью. Гордись мною. Прощай».

Я запечатав письмо и бегом бросился по трапу к отходящей уже шлюпке.

Вернувшись в каюту, я понял, что все волнения и страхи куда-то улетучились. Я уже не думал о нашем походе как о самоубийственной акции, а был полон решимости сражаться до последнего. В иллюминатор моей каюты были видны стоящие неподалеку эсминцы нашего отряда. Я глядел на них, вспоминая, через какой огонь и ад прошли эти еще уцелевшие корабли.

«Юкикадзе» (Снежный ветер) выходил невредимым из многих ожесточенных боев. Он соперничал с моим «Сигуре» за прозвище «Неповреждаемого и Непотопляемого». Я вспомнил песню, которая была так популярна на Труке и в Рабауле:

«Из Сасебо «Сигуре», «Юкикадзе» на Куре,
Два бессмертных эсминца у нас.
Под военной грозою возвращались из боя
Без потерь-повреждений не раз!»

Эта песня в свое время очень повышала боевое настроение моих матросов. Теперь «Сигуре» уже погиб, так что совершать чудеса остается одному «Юкикадзе».

В 16:00 был дан сигнал сниматься с якоря и десять кораблей Второго флота начали свой знаменитый поход «в одном направлении». Впереди отряда шел «Яхаги», за ним три эсминца типа «Ветер» — «Исокадзе», «Хамакадзе», «Юкикадзе». За «ветрами» следовал «Ямато» между двух «лун» — «Фуютсуки» и «Суцутсуки». Арьергард составляли «Асасимо», «Касуми» и «Хатсушимо».

Когда мы медленно следовали по проливу со скоростью 12

узлов, чтобы избежать мин, я оглядел с мостика «Яхаги» нашу маленькую колонну — колонну кораблей, и вдруг осознал, что это последний выход в море кораблей Императорского флота. И меня охватила гордость, что я следую впереди всех.

Пройдя узкий пролив, мы увеличили скорость. Минная опасность миновала, но тут же появилась новая. Два бомбардировщика «Б-29», идя на большой высоте вне дальности огня наших зениток, сбросили на наш отряд несколько бомб. Попаданий они не добились, но эта бомбежка служила зловещим предостережением о том, что нас ждет впереди. Я с тревогой вспомнил, что из наших десяти кораблей, только «Ямато» и два эсминца имеют радиолокаторы обнаружения воздушных целей. Аппаратура, установленная на «Яхаги», могла обнаруживать только надводные корабли.

На всех кораблях экипажи были вызваны на верхнюю палубу. Более тысячи человек построились на просторной палубе «Яхаги», чтобы выслушать полученный по радио приказ адмирала Тойода:

«Императорский флот начинает генеральное наступление на противника у Окинавы, чтобы, взаимодействуя со всеми воздушными, морскими и сухопутными силами Японии, превратить эту операцию в поворотный пункт войны. Ожидается, что каждое подразделение и каждый воин, мужественно сражаясь, уничтожит врага и обеспечит дальнейшее славное существование нашей Вечной Империи. Судьба нашей нации зависит от этой операции».

Стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь рокотом корабельных машин, плеском волн и хлопаньем на ветру нашего боевого флага Восходящего Солнца, поднятого на гафеле. Зачитав приказ, я обратился к экипажу:

— Вы знаете, что сотни наших товарищей уже отдали свои жизни, вылетая на противника на нагруженных взрывчаткой самолетах с горючим на один конец. Тысячи других находятся сейчас в готовности на аэродромах, чтобы последовать за ними. Сотни наших товарищей занимают места на подводных лодках в человеко-торпедах. Тысячи других ведут в бой взрывающиеся катера или сидят в колоколах на дне моря, готовые взорваться, когда над ними пройдет корабль противника. В этом походе нам предстоит то же самое. Возложенная на нас задача выглядит самоубийственной, да и не буду от вас скрывать, такой и является. Но, я хочу подчеркнуть самое главное: целью является не наше самоубийство. Целью является победа. Вы не бараны, которых волокут на жертвенный алтарь. Мы львы, которых выпустили на арену, чтобы разорвать гладиаторов противника. Вас не ведут на бойню, а просят у вас жертвы во имя нации. А

потому ничего постыдного не будет, если вы вернетесь обратно живыми. Если наш корабль погибнет, постарайтесь спасти себя для грядущих боев. Их еще будет много. И помните, что наша цель не самоубийство, а разгром врага!

Бледная весенняя луна, пробиваясь между туч, бросала призрачный свет на стоявший без движения и в молчании строй моряков, делая их похожими на статуи. Почти видимое напряжение витало над строем и было неожиданно прерванным тройным «Банзай!» за Императора и «Яхаги»...

Идя на смерть, мы продолжали тем не менее наши ежедневные учения. Условным противником был «Ямато», и все корабли его эскорта выходили в «торпедную» атаку против него, репетируя то, что мы собирались делать с американскими кораблями на следующий день. Я впервые получил возможность испытать «Яхаги» в режиме полного боевого хода, разогнав крейсер, правда на короткое время, до 35 узлов.

Вскоре наши радисты перехватили работу вражеской радиостанции, находящейся, судя по четкости приема, где-то вблизи от нас. Не было сомнения, что за нами следует подводная лодка противника, а может быть и не одна. С «Ямато» поступил приказ построиться в противолодочный ордер и держаться ближе к острову Кюсю под защитой его восточного побережья. Сигнальщики напряженно всматривались в темноту, но не видели ничего. Все находились в готовности на боевых постах, но атаки подводной лодки так и не последовало.

В ту ночь я еще не знал, что в Восточно-Китайском море американские самолеты утопили мой старый славный эсминец «Амацукадзе», как бы в прелюдии той катастрофы, которая ожидала нас. Но, даже если бы я и знал об этом, гибель «Амацукадзе» не послужила бы для меня зловещим предзнаменованием. Все мои мысли были направлены на обеспечение успеха в предстоящей операции...

Прижимаясь к юго-восточному берегу острова Кюсю, мы шли кильватерной колонной на зигзаге со скоростью 20 узлов. 7 апреля в 07:00 мы изменили курс на 210 градусов, как будто направлялись в Сасебо на северо-западной оконечности Кюсю. При изменении курса все корабли перестроились в круговой ордер вокруг «Ямато» радиусом в 2000 метров.

«Яхаги» шел непосредственно впереди линкора. Считая от нас по часовой стрелке на циферблате часов, эсминцы располагались следующим образом: «Асасимо» — 7,5 минут, «Касуми» — 15 минут, «Фуютсуки» — 21 минута, «Хатсушимо» — 27 минут, «Юкикадзе» — 33 минуты, «Суцутсуки» — 39 минут, «Хамакадзе» — 45 минут и «Исокадзе» — 52,5 минуты.

Сформировав круговой ордер, корабли увеличили скорость до 24 узлов и перешли на зигзаг. Первый «зиг» предусматривал поворот 45 градусов вправо и выводил «Асасимо» в ведущую позицию. Последующий «заг» при повороте на 90 градусов выводил в лидеры «Исокадзе». Движение круговым ордером требовало исключительной точности при маневрировании, но обеспечивало хорошую защиту от атак подводных лодок. Но движение круговым ордером на зигзаге было не очень эффективным от ударов авиации, так как самолеты могут быстро изменять угол сближения с целью, используя свое большое превосходство в скорости.

Идти круговым ордером на зигзаге было решено в ходе совещания у адмирала Ито сразу же после принятия приказа. Вскоре нам предстояло убедиться, что это решение было неверным.

После поворота на юг, в Восточно-Китайское море, за кормой быстро растаяли берега острова Кюсю. Первый раз с момента нашего выхода с базы меня охватило чувство тревоги. Устанавливалась наиболее худшая погода для боя надводных кораблей, который мы планировали.

Видимость в 20 000 метров давала большое преимущество противнику с его превосходными радарами. Конечно, ливневый шквал мог бы и нам очень помочь, но я знал, что вряд ли его можно ожидать на этой широте.

В этот момент сигнальщики «Яхаги» радостно объявили о появлении в небе двадцати наших истребителей «Зеро». Летя с северного направления, они прошли низко над нашими кораблями и начали кружиться над ними, то исчезая в облаках, то появляясь из них. Учино поинтересовался, не расщедрилось ли командование, прислав нам воздушное прикрытие?

— Нет, Учино, — вздохнул адмирал Комура, — они не для нас. Мы не должны иметь прикрытия с воздуха. Это обычный учебный полет. Кусака, видимо, специально приказал этим молодым летчикам пролететь над нами и попрощаться.

После слов адмирала на мостике установилось мрачное молчание.

Вскоре в северном направлении были обнаружены два неопознанных самолета.

Учино сердито буркнул:

— Почему наши «Зеро» не отгонят самолеты противника?

— Успокойтесь, Учино, — спокойно ответил адмирал Комура. — Умерьте свой пыл. Вы не хуже меня знаете, какие шансы есть у наших юных пилотов против опытнейших американских летчиков.

Тучи сгущались, погода продолжала портиться и около 08:00 начал моросить дождь. Наш круговой ордер продолжал упорно продвигаться навстречу судьбе под постоянным наблюдением самолетов-разведчиков противника. А невдалеке от них наши истребители спокойно завершали свои учебные полеты. Никогда за всю войну я не видел ничего подобного. Это было уже что-то совершенно сверхъестественное.

В 09:00 эсминец «Асасимо», идущий справа от «Яхаги», неожиданно стал отставать. Мне казалось, что в бинокль я отчетливо вижу волнение и гнев на лице своего старого друга Сугихара на мостике эсминца.

«Асасимо» поднял сигнал «Поломка в машине». Эсминец все более отставал, произведя брешь в нашем круговом ордере.

Наше радио неожиданно начало принимать сообщения противника, на этот раз переданные с находящихся где-то поблизости самолетов. Стало ясно, что все уловки с ложными курсами не сработали. Американцы прекрасно знали, где нас искать.

Приятной неожиданностью было появление с левого борта трех пароходов водоизмещением примерно в 2000 тонн. Они радостно нас приветствовали. Кто-то на мостике недоуменно заметил, что понятия не имел о том, что мы еще тащим за собой транспорты с десантом.

В 11:30 на дистанции 20 000 метров была обнаружена в восточном направлении летающая лодка. Держась на безопасной дистанции, лодка лениво кружилась над нашими кораблями, давая подробную информацию о всех наших маневрах. Вот что значит не иметь истребителей прикрытия. Нам оставалось только в бессильной злобе наблюдать, как американская летающая лодка кружится над нами за пределами дальности огня нашей зенитной артиллерии.

Внезапно радио объявило: «Сигнальная станция Амами Осима сообщает о 250 самолетах противника, следующих в северном направлении».

— Они идут! — сказал адмирал Комура со зловещей улыбкой.

Амами Осима — это остров, лежащий на полпути между Кюсю и Окинавой. Не глядя на карту, каждый офицер на мостике знал, что эти самолеты будут над нами примерно через час.

«Ямато» приказал увеличить расстояние между кораблями до 5000 метров. Стандартная процедура при угрозе нападения с воздуха. «Яхаги» и семь эсминцев разошлись веером, готовясь к бою.

Шесть 150-мм, четыре 80-мм орудий «Яхаги» и 40 зенитных

автоматов уставились стволами в небо. К орудиям был подан боезапас, комендоры находились в полной готовности открыть огонь.

Наступил полдень, но никаких признаков появления американских самолетов еще не было, и я приказал вестовым доставить команде обед на боевые посты. Все быстро поели, запив обед горячим зеленым чаем. С большим удовлетворением я следил с мостика за действиями моего экипажа. Все тревоги и сомнения исчезли. Я знал, что «Яхаги» не опозорит себя в предстоящем бою.

В 12:20 с «Ямато» сообщили, что его радар обнаружил «большую группу самолетов на дистанции 30 000 метров по пеленгу 35 градусов с левого борта». Последовал приказ всем кораблям дать полный ход и приготовиться к отражению воздушного налета.

В подобных приказах уже не было никакой необходимости. Все корабли уже шли со скоростью 30 узлов. Вместе с адмиралом Комура и другими офицерами мы находились на командном пункте ПВО позади мостика.

«Ямато», неся на носу огромный бурун, также шел на своей максимальной скорости. Сколько раз мы его видели, но снова замерли от мистического ужаса, глядя как несется по морю это 72 000-тонное бронированное чудовище. Наша вера в «Ямато» была почти религиозной. Это чувство еще более укрепилось, когда линкор вернулся целым и невредимым из залива Лейте, хотя его однотипный близнец «Мусаси» и погиб в этом сражении.

Даже с высоты командного пункта ПВО мы все еще не могли видеть приближения каких-либо самолетов. Нижняя кромка туч опустилась до 1500 метров, а неожиданно хлынувший ливень непроницаемым занавесом закрыл все вокруг нас. Хуже ситуации трудно было придумать. Самолеты должны были уже быть прямо над нами выше облаков. Радар нашего крейсера, как я уже говорил, годился только против надводных целей. Использовать его против самолетов было совершенно невозможно.

Я с ужасом подумал, что если самолеты сейчас ринутся на нас из облаков, наши вручную управляемые орудия не успеют даже на них как следует навести.

Эти скорбные мысли вылетели у меня из головы от крика сигнальщика:

— Слева по носу два самолета!

Я взглянул в указанном направлении, но увидел не два, а двадцать, тридцать, сорок и более самолетов, сыпавшиеся из облаков, как осы из гнезда. Было 12:32, когда я отдал приказ открыть огонь.

Я ожидал, что самолеты немедленно ринутся на нас. Вместо этого они начали кружиться по часовой стрелке, держась ниже кромки облаков.

Эти странные движения американцев были совершенно непонятными. Изумленные расчеты орудий прекратили огонь, наблюдая за противником и пытаясь точнее определить расстояние до самолетов.

Самолеты продолжали кружиться над нами. Видимо, противник, вполне уверенный в себе, методично выбирал и распределял между собой потенциальные жертвы, разделяя цели между разными эскадрильями.

Наши корабли вели пока спорадический огонь по лениво кружащимся американцам. Заревели девять 18,1» орудий главного калибра «Ямато», выпустив по самолетам несколько специальных снарядов типа 3, которые огромными шапками разорвались в воздухе, но с большим недолетом.

Внезапно самолеты развернулись и с ревом пошли вниз прямо на выбранные цели. Многие корабельные орудия еще не имели четких данных стрельбы.

Первыми на «Яхаги» набросились четыре торпедоносца «Авенджер». Наш крейсер гремел и скрежетал, ведя огонь из всех орудий, почти не целясь, ставя огневую завесу приближающимся с левого борта бомбардировщикам. Я резко положил руль вправо, с удовольствием отметив, как прекрасно «Яхаги» слушается руля. Бомбы упали метрах в 500 от нас, подняв вокруг огромные столбы воды. Ни одного попадания не было.

В следующей группе несколько истребителей «Хеллкет» зашли на крейсер в крутом пике, выходя из него всего в 10 метрах над нашими мачтами. В этот момент я ясно разглядел одного из американских пилотов, когда он пытался прошить наш мостик крупнокалиберной пулеметной очередью. Другой истребитель прошелся очередью по всей длине корабля, но к счастью, никого не задел. Мы яростно, отстреливались, но тоже ни в кого не попали.

Я быстро огляделся по сторонам. Все корабли, отчаянно маневрируя в режиме полного боевого хода, подняв тучи брызг, зарываясь в волны и вылетая из них, вели яростный огонь из всех орудии. Мой взгляд отметил и идущие с разных направлений бело-пенные зловещие следы авиационных торпед.

— Право руля! Полный вперед! — скомандовал я, наблюдая, как еще дюжина самолетов начала почти вертикально падать на крейсер. Черные бомбы, подняв огромные гейзеры воды, упали в сотне метров от нас. За бомбардировщиками снова пошли истребители, поливая нас пушечно-пулеметным огнем и обдавая

воздушной струёй от пропеллеров, когда они пролетали на высоте наших мачт. Орудия «Яхаги» ставили вокруг крейсера занавес из огня и стали. Но ни одна из сторон еще не добилась попаданий.

Четвертая группа атакующих самолетов появилась как раз в тот момент, когда пришло радио от отставшего эсминца «Асасимо», что он также находится под атакой. У меня не было времени подумать об этом одиноком искалеченном корабле, когда я командовал рулем, всеми силами пытаясь избежать попаданий. Нам снова удалось прорваться через ливень бомб и пуль, не получив никаких повреждений. И тут я снова вспомнил об «Асасимо». Что с ним? Имея поломку в машине, у Сугихары мало шансов отбиться от самолетов противника.

Впереди «Ямато» вспахивал форштевнем море на полном ходу. Справа и слева от него отчаянно кружились эсминцы, появляясь и пропадая в волнах, закрываемые столбами воды от близких разрывов авиабомб и зловещими черными дымовыми грибами прямых попаданий.

Еще одна волна самолетов, держась низко над водой, устремилась на нас. Я едва успел дать команду на руль, как близкий разрыв бомбы подбросил корабль, но мы еще были целы. Я почувствовал какое-то облегчение от того, что наши крутые циркуляции и немыслимые зигзаги пока эффективно позволяют уклоняться от атак американцев.

Сквозь грохот орудий я услышал отчаянный крик сигнальщиков:

— Торпеды с левого борта!

Я дал команду на руль, с остановившимся дыханием следя, как всего в сотне ярдов от нас три торпедных следа идут прямо на крейсер. Сбросившие их «Авенджеры» пронеслись над самой палубой, вызывающе триумфально ревя моторами. Не отрывая глаз, я следил за этими сверхъестественными змеями из приближающейся пены. «Яхаги» снова заскрежетал и завибрировал от резкой перекладки руля, а затем подпрыгнул в воде как раненый конь, когда торпеда врезалась ему в левый борт прямо на миделе, чуть ниже ватерлинии.

Я до сих пор не могу поверить в то, что произошло потом. «Яхаги», как слепой безумец, еще в течение нескольких минут куда-то шел, виляя то вправо, то влево, и вдруг, задрожав, резко и страшно остановился!

Это было немыслимо, что несущийся на полной скорости корабль такого размера может так внезапно лишиться хода от попадания всего одной торпеды. Я еще больше остолбенел, когда, не веря своим глазам, взглянул на часы. Было 12:46. Мы

сражались всего 12 минут!

Я пытался докричаться до машинного отделения по переговорной трубе, требуя доклада о повреждениях. Никто не ответил. Я позвонил в машину по телефону, но результат был тот же. Поняв, что торпеда угодила в машинное отделение, я буквально завыл от злости. Но противник не собирался давать мне время для проявления своих чувств. Еще шесть бомбардировщиков заходили в крутом пике на корабль. Я видел, как одна из бомб угодила в полубак и, взорвавшись, уничтожила всех находящихся там людей. Силою взрыва около полудюжины тел взметнуло в воздух и выбросило за борт. От взрыва на корме «Яхаги» резко дернулся, с ужасающим скрежетом задрожав всем корпусом.

Кусая в бессильной ярости губы, я вспомнил гибель «Токио-Мару» от одной торпеды, попавшей в машинное отделение. Я вспомнил также, что могучие английские корабли «Рипалс» и «Принц Уэльский» были быстро потоплены гораздо меньшими силами авиации, чем те, что сейчас напали на нас.

Тяжело дыша, на мостик вбежал рассыльный:

— Торпеда взорвалась прямо в середине машинного отделения, командир! Отделение затоплено, все находившиеся в нем погибли!

— Переборки держат?

— Дивизион живучести пытается остановить воду, командир.

Крейсер заметно накренился на правый борт. Я услышал голос адмирала Комуры, крикнувшего:

— «Хамакадзе» погиб!»

Взглянув влево, я успел поймать взглядом покрашенное красным суриком днище уходящего под воду эсминца.

Мы не успели даже оказать раненым первую помощь, как началась новая атака. Учино бросился вниз по трапу, отдавая приказы расчетам зенитных орудий. Это был последний раз, когда я видел моего славного старпома.

Все оставшиеся неповрежденными орудия открыли шквальный огонь. И, наконец, впервые в этом бою я увидел, как два самолета противника, объятые пламенем, рухнули в воду.

Одна за другой группы американских бомбардировщиков и торпедоносцев делали заходы на наш лежащий без движения подбитый крейсер. Не сворачивая с боевого курса, самолеты шли прямо через завесу шквального зенитного огня. Вражеские пилоты, конечно, были настоящими воинами.

Смертельно раненный «Яхаги» снова содрогнулся, как в конвульсиях, от страшного взрыва на корме. Я оглянулся и увидел растерзанные тела моих моряков, подброшенные взрывом

на высоту 60 футов. В этот момент еще одна торпеда взорвалась в носовой части крейсера с правого борта.

«Яхаги» изгибался, скрежетал и, казалось, кричал от боли. Вцепившись в поручни вибрирующего и просевшего мостика командного пункта, я видел как взрыв торпеды образовал огромную пробоину в носовой части крейсера, и крен корабля начал увеличиваться. Еще одна группа бомбардировщиков и штурмовиков начала заход с носовых курсовых углов «Яхаги».

Оглушающий треск крупнокалиберных пулеметов, которому, казалось, не будет конца, завершился грохотом взрыва бомбы, уничтожившей прямым попаданием башню № 1 главного калибра со всем личным составом и матросами, находящимися на баке. Странно, но у нас на мостике и на КП никто еще не был даже ранен. Но из стальных листов надстройки вылетело столько заклепок, что все конструкции расшатались, мостик трясся, как эпилептик, и готов был в любой момент обрушиться.

100-килограммовая бомба, попавшая в полубак, пробила тонкую палубную броню, вызвала пожар в боевых погребах носовых башен главного калибра. Из-под расколотой палубы повалил едкий желтый дым. Среди всего этого ужаса я с удивлением услышал спокойный голос артиллерийского офицера лейтенанта Хатта, приказывающего затопить носовые погреба. Интересно, что после всех попаданий еще действовала система затопления погребов. И она действовала, потому что пожар был потушен, и дым перестал валить из-под палубы. Если бы погреба взорвались, ни у кого бы не было никаких шансов на спасение.

Я очнулся от ужаса, услышав свою фамилию, прозвучавшую в переговорной трубе. Мостик вызывал минный офицер капитан-лейтенант Такеси Камеяма, просивший разрешения разрядить торпедные аппараты.

— Если они взорвутся, — пояснил он, — то разнесут весь корабль.

— Хорошо, — прокричал я в ответ, — выпускай всех рыб!

Почти тотчас же шестнадцать мощных самонаводящихся торпед соскользнули в воду, не поставленные на боевой взвод и с блокированными движками. Они сразу затонули, а я с досадой подумал, какие бы повреждения могло нанести противнику это мощное оружие, которое нам пришлось выбросить без всякой пользы.

Камеяма успел вовремя. Едва последняя торпеда ушла в воду, как бомба угодила прямо в торпедный аппарат. От взрыва рухнула кормовая мачта. Взглянув с еще чудом уцелевшего мостика, я увидел, что наша катапульта разбита и превращена в груду искореженного металлолома. Самолет, который еще

мгновение назад стоял на катапульте, превратился в бесформенную массу дымящихся обломков. Несколько орудий с обожженными и истекающими кровью комендорами еще вели редкий огонь по самолетам.

Я видел, как целая эскадрилья «Авенджеров», стелясь низко над водой, шла на крейсер, сбрасывая торпеды и с ревом проносясь над погибающим кораблем. Сколько из этих торпед попало в крейсер, я уже не мог точно сказать: три, четыре, может быть больше. Наш умирающий корабль содрогался от взрывов, кренясь все сильнее. Волны уже захлестывали верхнюю палубу, смывая лужи крови. Несколько изуродованных тел скатились прямо с палубы в море.

Вдруг наступила тишина. Вторая волна примерно из сотни американских самолетов, сделав свое дело, построилась прямо над нашими головами и взяла курс обратно на свои авианосцы. А мой гордый крейсер, превращенный в груду развалин, едва держался на плаву. Все орудийные посты были уничтожены. Удивительно, промелькнуло у меня в голове, что нет пожаров. Как видение в моем воспаленном мозгу неожиданно возник американский крейсер «Сан-Франциско», изувеченный полупризрак, с которым мой эсминец «Амацукадзе» чуть не столкнулся в кромешной темноте ночного боя у Санта-Круз. Теперь и мой «Яхаги» превратился в призрак. На верхней палубе были видны только изуродованные тела. Все как будто вымерло. А на мостике ни один человек не был даже ранен.

— Хара, — обратился ко мне адмирал Комура, — я думаю, что нам лучше было бы выбраться отсюда. Похоже, что если мы этого не сделаем сейчас, то уже не сделаем никогда. Мне кажется, что 250 американских самолетов, о которых сообщали с Амами Осима, уже сделали свою работу.

Мне нечего было на это ответить. Я поклонился и пробормотал:

— Простите, адмирал.

— Не лучше ли, — продолжал Комура, — перенести мой флаг на один из эсминцев и продолжать пробиваться к нашей цели у Окинавы? Что вы об этом думаете?

Что я дюг ответить, придавленный страшной ответственностью за гибель моего корабля?

— Смотрите, Хара, — крикнул адмирал, — «Исокадзе» еще цел!

Я был изумлен, увидев эсминец слева от нас, примерно в 3000 метров, прямо в его первоначальной позиции нашего рассеянного кругового ордера. Эсминец, судя по всему, был еще в хорошей форме и шел в нашем направлении. Вид «Исокадзе»,

идущего на полном ходу к нам, был одним из немногих ободряющих моментов этого боя.

— Сигнальщики! — приказал я. — Поднять сигнал:

«Исокадзе» подойти к борту. Принять адмирала». Всем приготовиться оставить корабль!

Сигнал был передан прожектором с мостика и дублирован флажным семафором. Приказ «Оставить корабль» был передан по всем помещениям, и уцелевшие члены экипажа стали готовиться к эвакуации.

Приняв сигнал, «Исокадзе» стал быстро приближаться к искалеченному корпусу нашего крейсера. В 1000 метрах от «Яхаги» «Исокадзе» сбавил ход и осторожно стал подходить все ближе и ближе. Я отдал приказ оставить корабль.

Но в эту же минуту раздался пронзительный крик сигнальщика: «Самолеты противника!» — и через мгновение мы увидели подход третьей волны: около сотни истребителей и бомбардировщиков. «Исокадзе» находился всего в 200 метрах от нас.

Основная масса самолетов набросилась на «Ямато», но десятка два, выйдя из строя, устремились на нас и на стоящий рядом беспомощный в своей неподвижности эсминец.

Набирая ход, «Исокадзе» стал отходить от нас, заложив резкую циркуляцию. Но самолеты неслись со всех направлений, засыпая его ливнем бомб, обстреливая из пушек и пулеметов. «Исокадзе» исчез в огне разрывов и клубах густого черного дыма.

Можно сказать, что «Яхаги» погубил собственный эсминец. Так почти случилось и с моим «Сигуре», когда крейсер «Сендай» оказался под убийственной атакой в бухте Императрицы Августы. Но я тогда отказался бросить свой эсминец на заклание и ныне надеялся, что «Исокадзе» игнорирует мой сигнал, чтобы спастись. Считая, видимо, что с эсминцем покончено, самолеты решили заняться тем, что осталось от «Яхаги». Наша еще державшаяся на плаву груда металлолома снова начала скрежетать и корчиться под убийственными очередями авиационных пушек.

Не в силах ничего предпринять, я стоял, в отчаянии вцепившись в поручни мостика.

Предсмертные конвульсии «Яхаги» утихали. Я поднял голову и, к великому своему удивлению, увидел «Исокадзе», появившегося из непроницаемой стены опавших водяных столбов и рассеявшегося дыма. Он был ранен, но еще жив, удаляясь от нас на полном ходу. Но снова над ним появились самолеты, и эсминец опять исчез в клубах дыма и пара.

Сбросив бомбы на «Исокадзе» и выходя из атаки, каждый самолет противника проносился над тонущим «Яхаги»,

обстреливая его из пушек и пулеметов. Сделать с ними мы уже ничего не могли. Нам оставалось только посылать им проклятия и держаться.

Штурманский офицер лейтенант Юкио Мацуда руководил снятием раненых на шлюпку. Это заметили с истребителей противника, которые не успокоились до тех пор, пока не разбили шлюпку на куски, утопив в собственной крови тринадцать лежащих там несчастных раненых моряков.

Люди прыгали за борт, но противник не давал ни минуты передышки. Появилась четвертая волна из ста самолетов, начавшая уничтожать вообще все, что шевелится и движется...

Адмирал Комура, несколько офицеров и я продолжали стоять на мостике, который до сих пор оставался неповрежденным, все еще возвышаясь над жалкими развалинами того, что недавно называлось легким крейсером «Яхаги».

Взглянув в море, я понял, что «Исокадзе» сильно покалечен. Скорость эсминца упала, и, хотя пожара не было, корабль шел как пьяный.

Дальше был виден «Суцутсуки», весь объятый пламенем и клубами черного дыма. «Касуми» беспомощно крутился на месте, подняв сигнал: «Не могу управляться».

«Ямато», казалось бы, был еще в хорошей форме. На расстоянии трех миль я, конечно, не мог разглядеть его повреждений и не знал, что гордость нашего флота находится в таком же состоянии, как и «Яхаги». Эсминцы «Юкикадзе» и «Фуютсуки» крутились рядом в тщетных попытках прикрыть огромный линкор.

Пятая волна, состоящая из более чем сотни самолетов, также не пожалела «Яхаги» в его агонии. Пули свистели вокруг меня. Не заботясь ни о чем, почти полностью потеряв соображение, я цедил сквозь сжатые зубы:

— Ладно, гады-янки! Приканчивайте нас! В себя меня вернул свист пуль и внезапная боль в руке. Я очнулся, осмотрел легкую рану на левой руке и тут заметил, что вода уже плещется на палубе командного поста, где мы с Комурой остались вдвоем.

— Ну что, Хара? Нужно уходить, — спокойно сказал адмирал.

— Пошли, — ответили.

Когда мы снимали сапоги, я отметил время. Было 14:06. Над головой продолжали реветь самолеты; Волны уже доходили нам до колен, когда мы прыгнули за борт.

Я успел отплыть всего на несколько метров, когда какая-то гигантская, невидимая сила стала тащить меня под воду. Я сопротивлялся и боролся изо всех сил, но засасывающий водоворот от уходящего на дно корабля был неумолимым.

Я понял, что спасения нет, перестал сопротивляться, и страшная сила затянула меня под воду.

Следующим, что я отчетливо ощутил, было то, что та чудовищная сила, которая тянула меня в бездну, неожиданно отпустила меня из своих тисков. Меня кидало и крутило, вокруг была кромешная темнота, но уже ничто не тянуло меня вниз. Неожиданно я увидел массу голубых шариков около своего лица, которые шли вверх. Это были пузырьки воздуха из моей одежды и моих легких. Задыхаясь, я хлебнул огромный глоток морской воды, а затем моя голова вынырнула на поверхность. Я глубоко вдыхал воздух, находясь в жуткой пустоте, где не было ни звука, ни света, ни ощущений — не было ничего. Машинально, не отдавая себе отчета в своих действиях, я все-таки умудрился остаться на плаву. Постепенно мои глаза стали что-то различать, прежде всего дневной свет. Неотчетливый жужжащий звук вдруг превратился в человеческие голоса, и, оглядевшись вокруг, я увидел на поверхности несколько голов. Все они были черными. Своим помутившимся рассудком я подумал, что это негры пришли купаться на тот же самый пляж, что и я...

Я находился еще в какой-то прострации. Усталость и напряжение от двухчасового боя, последовавшая затем катастрофа, наверное, повергли меня в шок, из которого быстро было не выйти. Затем я услышал чей-то крик:

— Хара! Что с вами? Хара! Вы меня слышите? Я обернулся в направлении голоса и увидел черное лицо кричавшего мне человека, узнав в нем неожиданное адмирала Комура. Его обветренное и загорелое лицо было само по себе настолько темным, что было узнаваемо на расстоянии 10 метров, хотя все было покрыто густым слоем мазута.

— Все хорошо, Комура, — ответил я. — А как вы?

— Все в полном порядке, — сказал адмирал.

Так что «негры» вокруг меня оказались моряками из моего экипажа.

Я провел рукой по своему лицу и увидел, что вся ладонь покрылась толстым слоем мазута. Вся поверхность воды была покрыта мазутом из разбитых цистерн погибшего «Яхаги». К моему удивлению, вокруг было очень много моряков с «Яхаги», державшихся за плавающие обломки и куски дерева. А я думал, что весь мой экипаж погиб.

Когда ко мне вернулось зрение, я поймал взглядом «Ямато», который выглядел огромным и величественным даже на расстоянии шести миль. Накрывшая меня волна скрыла линкор, но следующая, подняв меня, позволила увидеть целый рой самолетов, которые кружились над «Ямато», как комары.

Плывя, я наткнулся на небольшое бревно, схватился за него, обнял и перевел дух. Теперь, находясь в относительной безопасности, можно было обдумать дальнейшие действия.

— Эй, подвинься, дай и мне место, — раздался голос за моей спиной.

Молодой матрос пытался дотянуться до бревна. Я сдвинулся в сторону, дав ему возможность ухватиться за бревно.

— Кто ты? Как тебя зовут? — спросил он, отдышавшись.

— Меня зовут Хара. Я с «Яхаги», — ответил я. Мой новый сосед оцепенел и как будто лишился дара речи, уставившись на меня в каком-то трансе.

— Простите, господин капитан 1-го ранга, — забормотал он. — Извините мою грубость. Я матрос второго класса Дайва... Я поищу лучше другое бревно, господин капитан 1-го ранга. Это может не выдержать нас обоих.

Он тревожно стал оглядываться по сторонам, но я сказал:

— Не глупи, сынок. Держись крепче. Попытаемся спастись. Ты не ранен? — Нет. Мой друг Асамо и я, когда крейсер был подбит, решили быстро умереть и спустились в погреб № 3, надеясь, что он взорвется и разорвет нас на куски. Но тут в погребе появился главстаршина Хамада и приказал нам подниматься наверх, на палубу. Он был так разъярен, что мы бегом поднялись по трапу. Я споткнулся и растянул связки на ноге. Но это ничего. Я не знаю, что случилось с Хамадой и моим дружком Асамо.

— Не беспокойся ни о чем, Дайва, — посоветовал я. — Сейчас думай только о том, чтобы спастись. И ты спасешься, если твердо будешь хотеть этого.

Мы огляделись по сторонам и увидели «Ямато», еще идущего своим ходом. Какой это был прекрасный ход! Внезапно, где-то из района ватерлинии линкора вырос столб дыма, окутавший весь корабль и сделавший его похожим на гору Фудзияма с заснеженной вершиной. Мы оба закричали от ужаса. Вслед за белым дымом появился черный, столб которого, окутав корабль, огромным грибом поднялся на высоту около 2000 метров.

Когда дым рассеялся, мы увидели, что на поверхности воды нет ничего. «Ямато» исчез.

Страшный взрыв, произошедший в 14:23 в седьмой день апреля 1945 года был сигналом конца «непотопляемого» символа Императорского флота Японии.

После войны мой друг контр-адмирал Нобуи Моришита, оказавшийся одним из 269 спасенных с «Ямато», рассказал мне подробности последних минут линкора. В 12:40 «Ямато» получил первое прямое попадание бомбами, а через 10 минут в левый борт

корабля попала первая торпеда. Всего в левый борт линкора попало еще восемь торпед и две — в правый, борт. Капитан 1-го ранга Джиро Номура, старший помощник командира «Ямато», в 14:05 убедился, что крен корабля выровнять невозможно, о чем доложил командиру. После этого вице-адмирал Ито, который весь бой находился на мостике, объявил операцию законченной и приказал покинуть корабль. Эсминцу «Фуютсуки» было приказано подойти к борту и помочь в эвакуации экипажа. Но погибающий мастодонт тонул быстрее, чем эсминец подходил к борту. Командир «Фуютсуки» капитан 2-го ранга Хидечика Сакума держался на дистанции, опасаясь, что его корабль затянет в водоворот.

Адмирал Ито обменялся рукопожатиями с офицерами на мостике и ушел в свою каюту, чтобы умереть вместе с кораблем. Командир «Ямато» контр-адмирал Косаку Арига привязал себя к нактоузу на мостике, чтобы также разделить судьбу корабля. Моришита яростно спорил с другими офицерами, которые хотели последовать примеру своего командира. Ему удалось их убедить, и они вместе ушли с мостика. Корабль уже валился на левый борт, когда в 14:17 в него попала последняя торпеда. Через три минуты последовал взрыв, отправивший линкор на дно. Этот взрыв и спас Моришиту, сбросив его в море.

Держась за бревно я, кажется, снова забылся, скорбя о потере своего корабля и о гибели «Ямато». Очнувшись и оглядевшись, я не обнаружил ни Комуры, ни юного Дайва, который больше не держался за противоположный конец бревна. Поблизости вообще никого не было...

Становилось все холоднее, немели руки, не в силах уже держаться за бревно. Что-то подплыло ко мне, и я увидел лист черной бумаги. Зачем-то я взял и сунул его себе в карман. Что-то еще стукнулось об меня, я отстранился и увидел примерно полтора метра отличного тонкого троса. Откуда он взялся, я не знаю, но я очень обрадовался, так как получил возможность привязать себя к бревну. Теперь, если даже я умру, бревно удержит меня на поверхности, и, может быть, волны выкинут мое тело на берег Японии.

В небе снова появились самолеты. Вероятно, это была последняя атакующая волна, но в моем все увеличивающемся оцепенении и безразличии этот факт меня мало заинтересовал. Оцепенение продолжалось до тех пор, пока американские истребители не начали обстреливать плавающих в воде японских моряков. Несколько пуль просвистело и в моем направлении, выведя меня из забыться, благодаря той поистине звериной ненависти, которую я испытал к американским летчикам. Это

привело меня в себя, и даже онемевшие руки стали снова действовать.

Истребители противника исчезли, но, к моему великому удивлению, неожиданно появилась вражеская летающая лодка типа «Мартин», совершившая посадку буквально в 300 метрах от меня. Я нырнул, но никто на РВМ не обратил на меня внимания. «Мартин», оставляя за собой дорожку изумрудной воды, подрулил к спасательному плоту, где находился сбитый американский пилот, принял его на борт и снова взлетел, Я наблюдал за всем этим с чувством зависти.

Как позднее выяснилось, еще ближе к летающей лодке находился один из моих офицеров, лейтенант Сигео Ямада. Он родился на Гавайях, превосходно знал английский и служил на «Яхаги» офицером связи. Позднее он признался мне: «Я боялся попасть в плен, поскольку номинально считался гражданином США и мог быть расстрелян. Я лихорадочно сорвал с формы все знаки различия и выбросил их в море. Но летающая лодка, чуть не наехав на меня, прорулила мимо».

Ямада уцелел в войне и в 1958 году уже работал в отделении японской авиакомпании в Чикаго, что он вряд ли мог предвидеть в тот апрельский день 1945 года...

После того, как «Мартин» улетел, я неожиданно полностью успокоился и стал вспоминать события дня. Я подумал, что очень неуклюже, можно сказать топорно маневрировал крейсером, уклоняясь от бомб и торпед. На эсминце я бы без сомнения вышел из этого боя без каких-либо повреждений. Видимо, по своему калибру я был командиром эсминца, но не более того. Что же я сделал неверно? Почему я забыл тактику маневрирования, которую так успешно применил у Кавиенга, когда «Сигуре» подвергся налету авиации противника? А ведь «Яхаги» был гораздо быстроходнее и маневреннее, чем «Сигуре». Почему я повел крейсер таким устаревшим способом уклонения как зигзаг, который и позволил торпеде прикончить нас? Наверное, я очень дисквалифицировался после года службы на берегу.

Я уже не имел понятия, сколько часов прошло после гибели «Яхаги».

Темнело, усиливался ветер. Я окоченел от холода и боролся с дремотой, зная, что если я засну, то уже не проснусь. Вокруг я не видел ничего, кроме бегущих волн и не слышал ничего, кроме плеска воды о мое бревно. В конце концов глаза мои закрылись, голова упала на мокрую древесину бревна, и я заснул. Во сне я увидел, как еду с Сикоку на Хонсю первый раз в жизни сдавать экзамены в военно-морское училище. Еду я на моторной лодке, и звук ее двигателя явно отдается в моих ушах. Настолько явно, что

это не похоже на сон. С трудом я открыл глаза, но звук работающего мотора продолжал отчетливо звучать в моих ушах.

Примерно в миле от себя я увидел эсминец, который, как мне показалось, все еще отбивается от самолетов. Моя голова снова упала на бревно, но звук мотора не дал мне снова забыться: он был таким отчетливым, что не мог исходить от далекого эсминца. Я снова поднял голову... и увидел катер! Обычный небольшой моторный катер с эсминца, ясно видимый между верхушек волн всего метрах в 200 от меня. Затем он исчез. Я задрал голову, ища его взглядом. После нескольких минут катер появился снова, на этот раз всего в 50 метрах от меня. Катер ходил кругами, разыскивая уцелевших в бойне. Меня охватил ужас. Внезапно мне очень захотелось жить и я страшно испугался, что катер не обнаружит меня. Я стал кричать во всю силу своих легких, но катер завершил круг, так и не увидев меня.

В отчаянии я отвязался от бревна и стал бить по воде руками и ногами. Это сработало. С катера заметили всплески и повернули в моем направлении. Но мне показалось, что прошла вечность, прежде чем катер подошел ко мне. У меня уже не было сил даже поймать спасательный конец или ухватиться за борт катера, но четыре сильных руки быстро втащили меня на борт. Как ни странно, но оказавшись на катере, я почувствовал прилив новых сил. Моя смертельная усталость куда-то исчезла. Я поблагодарил моих спасителей и был очень удивлен, обнаружив, что кроме меня на борту больше не было спасенных. Командовавший катером старшина объяснил мне, что они уже спасли и доставили на эсминец многих, и это был их последний выход.

Катер продолжал поиск еще минут пятнадцать и, никого больше не обнаружив, направился обратно к эсминцу «Хатсушимо». Я, видимо, очень переоценил свои силы, потому что, пытаясь взобраться по трапу, обнаружил, что ноги мои не действуют. Два здоровенных матроса втащили меня на палубу.

Командир эсминца капитан 2-го ранга Масацо Сато приветствовал меня:

— Добро пожаловать домой, капитан 1-го ранга Хара. Мы уже почти отчаялись найти вас. Адмирал Комура отдыхает в моей каюте.

Я пробормотал в ответ слова благодарности, радуясь, что темнота скрывает мое лицо, которое, видимо, отражало, насколько плохо я себя чувствую. Сато отправил меня в лазарет, где меня переодели в сухое. Опытный санитар оказал мне первую помощь и сделал массаж, который быстро восстановил мои силы. Я поблагодарил его и попросил стакан водки. Доктор засмеялся и

сказал:

— В другое бы время я бы возразил, но сейчас, капитан Хара, я уверен, что стакан саке это все, что вам нужно.

Спиртное вернуло меня к жизни полностью. Затем мне дали чашку горячего бульона. Пока я его пил, врач кратко рассказал мне о событиях на их корабле.

— Боюсь, — начал он, — что «Хатсушимо» не внес большого вклада в этот бой. Американцы пролетали над нами, чтобы нанести удар по «Ямато», обращая на наш эсминец мало внимания, так что мы избежали прямых попаданий. Два наших матроса были легко ранены, но убитых не было. «Хатсушимо», похоже, оказался единственным кораблем соединения, не получившим никаких повреждений. Поэтому мы и остались подбирать уцелевших. «Фуютсуки», «Суцутсуки» и «Юкикадзе» — все получили повреждения и ушли два часа назад в Сасебо. «Фуютсуки» не в плохой форме. Он получил попадание двумя ракетами, ни одна из которых не взорвалась, но дюжина его матросов была убита пулеметным огнем истребителей. «Юкикадзе» тоже легко поврежден и потерял троих моряков при обстреле с воздуха. «Суцутсуки» получил попадание бомбы, которая оторвала ему нос, и он пошел в Сасебо кормой вперед. «Исокадзе» не так повезло. Он не имел прямых попаданий, но близкие разрывы бомб причинили ему такие подводные повреждения, что на эсминце затопило машинное отделение и погибло сто человек экипажа. В итоге корабль затонул, а экипаж перешел на «Юкикадзе». «Касуми» был сильно поврежден и имел семнадцать человек убитых. Экипаж перешел на «Фуютсуки», который и добил его артогнем.

Я поблагодарил доктора за информацию и напоследок спросил, есть ли среди спасенных матрос по имени Дайва. Врач сверился со списком и ответил:

— Да, он в списке. Мы подобрали его два часа назад, и он все время спрашивал о вас. Вызвав рассыльного, медик приказал:

— Передайте Дайве, что капитан 1-го ранга Хара спасен.

Эсминец «Хатсушимо», имея на борту сотни спасенных с «Ямато» и «Яхаги», вернулся в Сасебо около полудня 8 апреля. Как только мы встали на якорь, на эсминец прибыл курьер из штаба ВМС и передал пакет адмиралу Комура. Тот прочел его, поморщился и протянул бумагу мне. Это был приказ главкома Объединенного флота, в котором отмечалась «мужественная жертвенность Второго флота, обеспечившая самолетам-камикадзе возможность достижения величайших боевых результатов».

Что это были за «величайшие боевые результаты»?

В налете участвовали 114 самолетов: 60 истребителей, 40

бомбардировщиков и 14 камикадзе. Потеряв 100 самолетов, они повредили авианосец «Хенкок», линкор «Мэриленд» и эсминец «Беннетт».

Второй флот вышел в свой последний поход, имея в строю линкор, легкий крейсер и восемь эсминцев. В течение двух часов наши корабли подвергались ударам с воздуха, в которых приняли участие в общей сложности 386 американских самолетов авианосного базирования. Десять этих самолетов были сбиты зенитным огнем наших кораблей. Погибли двенадцать американских летчиков. У нас уцелело только три эсминца.

2498 японских моряков погибло на «Ямато», 446 — на «Яхаги» и 721 — на эсминцах.

Эта простая, но потрясающая статистика прекрасно показывает, кто выиграл и кто проиграл последнее сражение между самолетами и надводными кораблями. Мощнейший флот, который за сорок месяцев до этого развязал войну на Тихом океане, напав на Перл-Хабор, был полностью уничтожен.

7 апреля 1945 года с гибелью суперлинкора «Ямато» наступила смерть Японского Императорского Флота.